

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2021. № 4(148)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНХиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO.

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2021
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2021
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2021
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council

Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Zaporozhan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 8 От главного редактора.** Государственное управление: совершенствование эффективности в условиях угрозы внешних факторов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 10 ШАМАХОВ В. А., МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Политические императивы экономической интеграции России и Беларуси: общая ситуация и специфика первого квартала 2021 г.
- 18 ЛИХТИН А. А.**
Трансформация государственного управления в условиях цифровизации

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 27 БУКАЛОВА С. В., МЕРКУЛОВА К. Г.**
Актуальные проблемы и приоритеты культурной политики в России в контексте идеологии неотрадиционализма
- 36 ГУЩ В. В.**
К вопросу о формировании общегражданской идентичности

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 43 ШУМИЛОВ М. М.**
Турецкий фактор в отношениях России и Казахстана в контексте евразийской интеграции

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 64 СУСЛОВ Е. Ю., МИНАЕВ Д. В.**
Систематизация феноменов цифровизации маркетинга: концепция и пример реализации
- 81 ЧХОТУА И. З.**
Стратегические направления развития туристской отрасли в цифровой экономике
- 97 ДЕМИДОВ М. О.**
Методика формирования рейтинга деловой активности организаций инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на муниципальном уровне

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 105 ФЕДОРОВА Н. И., ХОДАЧЕК В. М.**
Вопросы обоснования государственной политики регулирования производства и потребления социально опасных товаров и услуг
- 115 МАЛЬЦЕВА М. В., ПЛОТНИКОВ В. А.**
Инновации и конкурентоспособность в условиях современных технологических и социальных трансформаций

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА**122 АЛЕКСАНДРОВ В. Б.**

Интеллигенция и оппозиция — современное значение статьи С. Н. Булгакова «Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции)»

131 МАРЧЕНКО Г. В., ЧИМАРОВ С. Ю., ИГОШИН Н. А.

Нарративы информационных войн: история и современность

A LINEA**146 ИВАННИКОВ Н. С., МУНГАЛОВ С. А.**

Влияние миграционного кризиса 2015 года на продовольственную безопасность Германии

153 СИЗОВ С. Е.

К истории взаимодействия философии и богословия в русской религиозной мысли

159 НАУМОВ П. В.

Анализ последовательности состояний риска при выполнении информационных проектов

EDITOR'S COLUMN

- 8** **From the Chief Editor.** Governance: Improving Efficiency in the Face of External Threats

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 10** **VLADIMIR A. SHAMAKHOV, NIKOLAY M. MEZHEVICH**
Political Imperatives of the Economic Integration of Russia and Belarus: the General Situation and Specifics of the First Quarter of 2021
- 18** **ANATOLIY A. LIKHTIN**
Transformation of Public Administration in the Digital Era

POLICY AND LAWFUL STATE

- 27** **SVETLANA V. BUKALOVA, KSENIYA G. MERKULOVA**
Current Problems and Priorities of the Cultural Policy in Russia in the Context of the Neotraditionalist Ideology
- 36** **VLADIMIR V. GUSHCH**
On the Question of the Formation of a General Civil Identity

EURASIAN STUDIES

- 43** **MIKHAIL M. SHUMILOV**
The Turkish Factor in Relations between Russia and Kazakhstan in the Context of Eurasian Integration

POWER AND ECONOMY

- 64** **EVGENY Yu. SUSLOV, DMITRY V. MINAEV**
Phenomena Systematization of Marketing Digitalization: Concept and Implementation
- 81** **ILONA Z. CHKHOTUA**
Strategic Directions of Tourism Industry Development in the Digital Economy
- 97** **MIKHAIL O. DEMIDOV**
Methodology of Formation of Business Activity Rating of Infrastructure Organizations Supporting Small and Medium-Sized Enterprises at the Municipal Level

SOCIETY AND REFORMS

- 105** **NATALYA I. FEDOROVA, VLADISLAV M. KHODACHEK**
Questions of Justification of State Policy Regulation of Production and Consumption of Socially Dangerous Goods and Services
- 115** **MARINA V. MALTSEVA, VLADIMIR A. PLOTNIKOV**
Innovation and Competitiveness in Today's Technological and Social Transformations

HISTORY AND CULTURE**122 VLADIMIR B. ALEKSANDROV**

Intelligentsia and Opposition — the Modern Meaning
of S. N. Bulgakov's Article "Heroism and Ascension (From Reflections
on the Religious Ideals of the Russian Intelligentsia)"

131 GENNADY V. MARCHENKO, SERGEY Yu. CHIMAROV, NIKOLAY A. IGOSHIN

Information Warfare Narratives: Yesterday and Today

A LINEA**146 NIKITA S. IVANNIKOV, SERGEY A. MUNGALOV**

Impact of the 2015 Migration Crisis on German Food Security

153 SERGEI E. SIZOV

On the Question about the History of Interaction between Philosophy
and Theology in the Russian Religious Thought

159 PAVEL V. NAUMOV

Analysis of the Sequence of Risk States in the Implementation
of Information Projects

Государственное управление: совершенствование эффективности в условиях угрозы внешних факторов

**Governance: Improving Efficiency in the Face
of External Threats**

Эффективность государственного управления — ключевой критерий его оценки. Обилие теорий в сфере государственного управления, увы, не прямо пропорционально отражается на качестве самого управления. Потенциальные результаты от тех или иных управленческих решений всегда выше реальных. Ситуация часто напоминает КПД паровоза, как известно, весьма низкий. Однако не будем спешить с оценками. До изобретения тепловоза, и тем более электровоза, человечество мирилось с достаточно низким КПД паровоза. Разумеется, продолжая бороться буквально за каждую десятую долю процента.

Закономерно желание ориентироваться на максимально возможную эффективность государственного управления. Следует ориентироваться на высокие, а может быть даже идеальные показатели,

в этом случае виднее дистанция до условного оптимума. Однако идеальная эффективность — категория теоретическая. Какие-то управленческие решения всегда будут запаздывать, какие-то — искажаться в процессе движения по управленческой вертикали. Правильно будет признать объективную недостижимость в среднесрочной перспективе качественного перелома в обеспечении нового уровня и качества государственного управления.

Все теории государственного управления опираются на три принципа: сознательность, заинтересованность, страх наказания. Разумеется, существуют интереснейшие и сложные сочетания первого, второго и третьего принципов.

Вопрос о том, как достаточно быстро и эффективно стимулировать государственную службу, очень старый, и здесь какие-то новые рецепты придумать очень сложно. Как говорится в России, «не было бы счастья, да несчастье помогло». Трудно было рассчитывать на то, что повышение эффективности российского го-

сударственного управления будет зависеть от внешних факторов. Тем не менее в весьма непростой международной ситуации в сфере международных отношений мы должны понимать, что наша эффективность «внутри» становится критерием выживания и общества, и государства.

«По классике», внешнеэкономическая и внешнеполитическая эффективность управления занимает почетное 4-е или 5-е место в системе видов эффективности. В настоящее время можно предполагать существенное повышение позиций этих оценок. Эффективность процесса выполнения внешнеэкономических задач, оценка ближних, средних и стратегических перспектив экономической политики является на сегодняшний день важнейшей задачей государственного управления.

Грубая санкционная политика приходит на смену квотированию, нетарифным ограничениям и косвенным платежам. Печальная предсказуемость, которая отличала времена холодной войны, сменилась на хаос, в котором формируются новые принципы развития, пока, впрочем, непонятные.

В этих условиях качество управления в модели «и так сойдет» больше не может устраивать общество, государство и саму систему управления.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

Политические императивы экономической интеграции России и Беларуси: общая ситуация и специфика первого квартала 2021 г.

*Шамахов В. А.¹, Межевич Н. М.², **

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Экономическая интеграция России и Беларуси определяется не только традиционным набором внутренних факторов, но и возрастающим внешним воздействием. На рубеже 2020–2021 гг. внешние факторы стали определяющими. В этих условиях устойчивость белорусской экономической модели и характер внешнеэкономических связей двух стран стали ключевыми факторами эффективного совместного ответа на внешние вызовы.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, союзная интеграция, внешние факторы, экономическая модель, внешняя торговля, выборы, оппозиция, СНГ, Союзное государство

Для цитирования: Шамахов В. А., Межевич Н. М. Политические императивы экономической интеграции России и Беларуси: общая ситуация и специфика первого квартала 2021 г. // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 10–17.

Political Imperatives of the Economic Integration of Russia and Belarus: the General Situation and Specifics of the First Quarter of 2021

*Vladimir A. Shamakhov¹, Nikolay M. Mezhevich², **

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation

²Institute of Europe of Russian Academy of Sciences; Moscow, Russian Federation; *mez13@mail.ru

ABSTRACT

The economic integration of Russia and Belarus is determined not only by the traditional set of internal factors, but also by the increasing external influence. At the turn of 2020-2021, external factors have become decisive. Under these conditions, the stability of the Belarusian economic model and the nature of foreign economic relations between the two countries became key factors for an effective joint response to external challenges.

Keywords: Russia, Belarus, Union integration, external factors, economic model, foreign trade, elections, opposition, CIS, Union state

For citing: Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Political Imperatives of the Economic Integration of Russia and Belarus: the General Situation and Specifics of the First Quarter of 2021 // Administrative consulting. 2021. No. 4. P. 10–17.

Данная статья посвящена вопросам экономического развития республики Беларусь, средней по размеру и потенциалу европейской страны. Эта, в общем-то, простая задача, не представляющая какой-либо новизны с теоретической точки зрения и опирающаяся на проверенные методики, в данном случае — сложна. Речь идет об экономическом анализе в условиях неопределенности, причем масштаб политических рисков оценивается достаточно высоко и властью, и внесистемной оппо-

зицией. Гипотезой данного исследования является то, что, несмотря на фундаментальные политические риски, экономика страны показала высокую степень устойчивости во второй половине 2020 — первом квартале 2021 г.

Авторы разделяют мнение о нелинейности и поливариативности постсоветских трансформаций, исход которых далеко не предсказуем. Равным образом мы исходим из того, что социально-политические и экономические процессы на постсоветском пространстве могут быть разнонаправленными.

Обсуждение вопросов и перспектив интеграции на постсоветском пространстве началось задолго до распада СССР. В странах Прибалтики понимание этого процесса связано не с 1991 г., а относится к 1990 г. Отметим и то, что в Советской Белоруссии сложилась иная ситуация. Здесь не было опережения, здесь было отставание, осмысление постфактум.

Согласимся с тем, что в «постсоветских» странах выросло новое поколение людей, для которых независимость — уже явление абсолютно естественное. Они не имеют отношения к единому советскому культурному пространству, анекдоты про Штирлица и Чапаева для них совершенно непонятны, «Бриллиантовая рука» и «Ирония судьбы» неинтересны¹. Однако объективно сформировавшиеся разделение труда, энергетическая и транспортная инфраструктура, в отличие от анекдотов, работают на сохранение прочных контактов между бывшими республиками, а ныне государствами.

Российские и белорусские либеральные реформаторы, в том числе Егор Гайдар, искренне восхищались демократией, но были убеждены, что — учитывая масштабы страны и авторитарные традиции, столетиями формировавшие общество — создать рыночную экономику при правительстве, следующем воле народа, невозможно. Создание «имитационной демократии» в России в 1990-е гг. не предполагало реальных, трудных политических преобразований. Ведь, по существу, политические реформаторы должны будут в очередной раз призвать страну смириться с потерями сегодня во имя завтрашнего светлого будущего [4, с. 11]. Однако уже к середине 1990-х гг. ситуация изменилась. Социально-экономическая реальность в постсоветских республиках оказалась резко отличной от ожидавшегося рыночного изобилия и демократического равенства.

Экономика любой современной страны в настоящее время сильно зависит от ожиданий. Категория «экономические ожидания» успешно изучается не только социологами, но и самими экономистами. Затрудняемся назвать страны с выверенными позитивными ожиданиями, но негативные ожидания населения и бизнеса в Белоруссии достаточно очевидны. Отмеченная ситуация фиксируется и рейтинговыми агентствами. Fitch Ratings весной 2021 г. подтвердило кредитный рейтинг Беларуси на уровне «В» с негативным прогнозом. Впрочем, и ранее эксперты Fitch отмечали проблему с низкими валютными резервами, невысокими перспективами роста, высокой степенью подверженности государственного долга валютным рискам, слабостью банковского сектора. Признавая это обстоятельство, отметим и то, что за год до этого, соответственно, и до выборов августа 2020 г. рейтинг также был «В», но с нейтральным прогнозом.

С нашей точки зрения, именно экономических предпосылок для формирования массовых протестов как не было, так и нет. Кризисные явления в экономике развиваются примерно с 2015–2016 гг. Даже по мнению оппозиционных экономистов, экономическая модель в Беларуси может существовать в условиях отрицательной экономической динамики в сочетании с российской поддержкой «бесконечно» долго.

¹ Макаркин А. В. Постсоветского пространства больше нет: у каждой страны свои интересы [Электронный ресурс]. URL: <https://realtribune.ru/news-news-5370>.

Союзная интеграция и внешнеэкономические связи

Следующий важный момент — общая оценка интеграции и внешнеэкономических связей в рамках Союзного государства.

Примерно к 1993–1994 гг., понимание ограниченности возможностей СНГ, крайне не важного, но не вполне удачного опыта, привело к заключению серии договоров. Договор о создании Сообщества Беларуси и России (2 апреля 1996), Договор о Союзе Беларуси и России (2 апреля 1997) и, разумеется, Договор о создании Союзного государства (8 декабря 1999) стали прорывом на фоне договоренностей в рамках СНГ. Другого столь эффективного партнера, важного как с политической, так и с экономической точки зрения, у России не было в тот момент, нет и сейчас. Альтернативная точка зрения свидетельствует о склонности экспертов не к политической теории, но конспирологии и не учитывает объективную логику экономики [3]. Интеграция в ЕАЭС дополнила возможности двустороннего и многостороннего сотрудничества и привела к тому, что в третье десятилетие XXI в. республика Беларусь пришла как экспортно-ориентированное государство — член ЕАЭС, хорошо интегрированное в постсоветское пространство, с развитой промышленностью, сектором услуг и сельским хозяйством [13, с. 3].

Определенной проблемой является поиск места Беларуси в Европе: реальные возможности и гипотетические ожидания западного вектора интеграции. Если и до кризиса ЕС не сильно стремился «брать» Украину и Молдавию, то сейчас это тем более проблематично. Среди стран ЕС украинскую евроинтеграцию наиболее активно лоббировала Польша, что было обусловлено соображениями геополитики, исторической политики и экономики, а также меркантильными интересами польских производителей. Результат «украинского проекта» Варшавы и Вашингтона сегодня очевиден. На этом фоне 1,5% роста России или Беларуси выглядят весьма достойно [10, с. 14].

Вопрос о роли России в белорусской экономике сохраняет свою дискуссионность и служит аргументом для экспертов не столько в экономических, сколько в политических спорах. Неоправданный оптимизм можно было увидеть в научных работах уважаемых белорусских коллег вплоть до 2020 г. «Торгово-экономические связи со странами — членами ЕС стали важнее для белорусской экономики, чем с некоторыми странами СНГ; во-вторых, страны ЕС оказались наиболее весомым и реальным для Беларуси источником кредитно-финансовых, инвестиционных и технологических ресурсов, именно они способны обеспечить конкурентоспособность нашей продукции на внешних рынках» [7, с. 31]. Впрочем наименее реалистичные подходы к анализу российско-белорусского взаимодействия демонстрируют европейские аналитические центры. Брайан Уитмор, старший научный сотрудник Центра анализа Европейской политики (СЕРА), руководитель программы по России писал в 2019 г.: «Между 2000 и 2015 гг. российский вклад составлял в среднем 15% белорусского ВВП. С 2015 г. он сократился, и сейчас это только 5%»¹. Правда, источником этих феноменальных расчетов, не имеющих аналогов как среди оппозиции, так и в органах власти Беларуси, Б. Уитмор не поделился. С нашей точки зрения, предлагаемая цифра занижена как минимум в три раза [8].

Экономическая мифология всегда сопровождает сложные периоды для любого государства, весной 2021 г. мы наблюдаем ее очередное обострение. Так называемый «Экономический план ЕС для демократической Беларуси», якобы разработанный и принятый Еврокомиссией, нигде и никем не опубликован. Мы видим письмо и пресс-релиз. Имеется письмо официального лица — главы Еврокомиссии

¹ Диктатор в отчаянии. Это дает нам потрясающие возможности [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4164990>, 21.11.2019.

Урсулы фон дер Ляйен экс-кандидату на президентских выборах в Белоруссии. Юридически письмо ничтожно, как гарантии оно не может рассматриваться. «Реализация плана начнется с наступлением демократических изменений», однако каковы критерии «демократических изменений»? Разумеется, это не поясняется. Письмо аналогично тем обещаниям, которые давались «под демократию» на Украине в 2014 г. В общем-то, верно писали представители белорусской оппозиции: «в сегодняшней обстановке, когда все государства ЕС озабочены глубоким падением своих экономик вследствие пандемии коронавируса, создание солидного фонда для будущих белорусских реформ также представляется нереальным»¹.

Следует уделить внимание внешней торговле двух государств. «Мировое понимание экономической интеграции в том и заключается, что выигрыш получает каждая страна, вступившая в интеграционный процесс. Соответственно, прибыль одной стороны не означает убытки другой. Однако это предполагает наличие эффективно налаженной интеграции в экономической сфере, тесную производственную кооперацию, готовность сторон отказаться от политизации экономических споров. Эффективно налаженная транзитно-транспортная деятельность как раз и позволяет избежать „игры с нулевой суммой“ и обеспечить дополнительный экономический эффект для каждой отдельно взятой страны» [11, с. 11]. Российская Федерация остается главным торгово-экономическим партнером Беларуси, ее доля в товарообороте республики стабильно составляет порядка 50%. Товарооборот Беларуси с Россией в 2020 г. составил 29,519 млрд долл. К настоящему времени договорно-правовая база российско-белорусского сотрудничества уже насчитывала более 300 межгосударственных и межправительственных договоров и соглашений.

Позиция авторов заключается в том, что Белоруссия (или Республика Беларусь) занимает не только особое, но уникальное место в системе российских внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов. Сразу акцентируем внимание на том, что не только экспертное сообщество, но и российский политический класс в целом не рассматривают возможность включения Республики Беларусь в состав Российской Федерации. При этом готовность России идти на экономические и политические преференции абсолютно очевидна. Можно обсуждать масштаб этих преференций, можно спорить о том, уменьшаются ли они. В общем масштабе экономических и политических возможностей России, увы, несколько ограниченных, преференции Беларуси сохраняются, несмотря на внешнюю конъюнктуру и ситуационные сложности. Масштаб торговых преференций и льготных кредитов хозяйствующим субъектам всех форм собственности Республики Беларусь посчитать крайне сложно. Причем эти объективные сложности известны достаточно давно [9].

События июля 2020 г. и похожие раздражители, отмеченные ранее в двусторонних отношениях, не следует сбрасывать со счетов, но и переоценивать их — серьезная ошибка, особенно сейчас, когда против Белоруссии развернута экономическая война, имеющая целью проверку эффективности всего союзного государства. Учитывая это обстоятельство, цифры взаимной торговли выглядят достойно (см. таблицу).

Оценка сложностей подсчета в торговых отношениях стран дана торговым представителем Российской Федерации в Беларуси Юрием Золотаревым: «Значительный объем внешней торговли между Россией и Беларусью осуществляется преимущественно в национальных валютах, а внешнеторговая статистика учитывается в долларах США. В связи с этим если провести анализ структуры российско-белорусского товарооборота с учетом существенного падения курсов российского и белорусского рублей по отношению к американской валюте, то можно отметить, что при

¹ Наше мнение. Экспертное сообщество Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://nmbnby.eu/news/express/7217.html>.

Торговля России и Белоруссии, млн долл. США*
Table. Trade of Russia and Belarus, million US dollars

Показатель	Данные Белстата			Данные ФТС России		
	2019	2020	Темп, %	2019	2020	Темп, %
Оборот	35 702,2	29 519,4	82,7	33 867,4	28 541,3	84,3
Экспорт России в РБ	22 016,4	16 387,2	74,4	20 780,7	15 956,2	76,8
Импорт России из РБ	13 685,8	13 132,2	96,0	13 086,7	12 585,1	96,2
Сальдо для России	8330,6	3255,0	—	7694,0	3371,1	—

* Подробнее см. на сайте Экономической газеты: <https://neg.by/novosti/otkrytyj/torgovuj-oborot---2020-50-na-50>

определенном снижении оборота в стоимостном выражении физические объемы взаимных поставок по некоторым позициям товаров не только не снизились, но и выросли»¹.

Белорусская экономическая модель: истоки, развитие, современные практики

Концепция национальной экономической модели — закономерная реакция на процессы глобализации. В условиях ее доминирования попытка выявить национальную специфику — закономерна. Это необходимо в том числе и потому, что «существует серьезная опасность, подстерегающая исследователя современного экономического роста, увлечься картиной сходных изменений, через которые проходят столь различные по культурным традициям общества, попытаться выстроить жесткую, обязательную для всех стран траекторию развития» [1, с. 23]. Этот тезис предполагает и то, что рост неравномерен, возможно, цикличен, вероятно, хаотичен и в любом случае подвержен сильнейшему влиянию политической конъюнктуры.

Как отметил научный сотрудник Центра экономических исследований «BEROC» Л. Львовский, «современная наука считает, что экономические циклы необходимо сглаживать. Для этого во время кризисов нужно или тратить накопления, сделанные во время бума, или брать в долг. Так поступают многие страны. При нормальном экономическом росте эта схема работает. Но, если в экономике есть фундаментальные или структурные проблемы, такое сглаживание может не получиться»². Соответственно, возникает вопрос, есть ли в экономике Беларуси проблемы такого ранга, которые не могут быть отрегулированы теми или иными методами. Соответственно, «экономика как вечно живая система не стабилизируется в точке равновесия, а, проходя через структурный кризис и обновляя свою технологическую и институциональную структуру, “выходит” на новую траекторию роста или поглощается более сложной системой, приспособляясь к ее требованиям» [6, с. 15].

¹ Торговый оборот — 2020: пятьдесят на пятьдесят. Почти половина внешнеторгового оборота приходится на Россию // Экономическая газета. URL: <https://neg.by/novosti/otkrytyj/torgovuj-oborot---2020-50-na-50>.

² Львовский Л. Проблема Беларуси не столько госдолг, сколько отсутствие роста [Электронный ресурс]. URL: <https://thinktanks.by/publication/2021/05/14/lev-lvovskiy-problema-belarusi-ne-stolko-gosdolg-skolko-otsutstvie-rosta.html>.

Понимание этих теоретических постулатов сочетается сегодня с признанием кризиса либеральной модели в середине 90-х гг. прошлого века и привело к тому, что именно в этот период начала формироваться альтернативная белорусская экономическая модель. «Переход к рыночной экономике в Беларуси, как и в КНР и Вьетнаме, стал результатом практической реализации экономико-теоретической концепции, альтернативной „неоклассическому мейнстриму“ (радикальному либерализму) и синтезирующей ряд современных теоретических направлений, включая “теорию хозяйства”, или “физическую экономику”. Эту концепцию отличает прагматический подход к экономическим процессам и явлениям, не обремененный умозрительными абстракциями и либеральным мифотворчеством» [2, с. 72].

Оценка сугубо хозяйственных перспектив белорусско-российского взаимодействия должна носить комплексный характер. Пытаясь оценить экономическую эффективность межгосударственного взаимодействия, мы абстрагируемся от специфики политических процессов, учитывая географические, этнографические, исторические факторы. При этом временно «очистив» собственно экономику от внешних факторов, можно выявить сценарии развития экономики, а затем провести их верификацию с общенаучных позиций. Действительно, «благоприятная внешняя конъюнктура вытянула из рецессии промышленность и в той или иной степени остальную экономику»¹. При этом «многие качественные индикаторы (например, рентабельность фирм, долговая обремененность, производительность труда, новые рабочие места и др.) остаются в проблемных диапазонах. Это свидетельствует о том, что в экономике сохраняются весомые предпосылки для отсроченной и затянутой рецессии»².

Директор исследовательского центра белорусского Института приватизации и менеджмента Александр Чубрик отмечал: «Частный бизнес развивался с нуля, без груза проблем и обязательств, которые есть у приватизированных компаний. Непростые условия только закалили его. Точки роста возникали естественным путем, что позволило компаниям стать успешными на мировом рынке»³. Тезис крайне важный и свидетельствующий об устойчивости белорусской экономики.

Тенденции экономического и политического развития Республики Беларусь следует рассматривать в контексте глобальных экономических и политических процессов, европейских экономических и политических тенденций развития и, естественно, политических и экономических практик России — важнейшего партнера Республики Беларусь [12, с. 11]. В настоящее время сложившаяся ситуация в экономике Беларуси может быть охарактеризована как кризис действующей модели экономического развития. Его причины прослеживаются на всех трех уровнях: европейском, постсоветского пространства, национальной экономики.

Экономика, ориентированная на масштабные внешнеэкономические связи страны, оказалась под влиянием негативных процессов, протекающих в мировом и европейском хозяйстве, впрочем, и инерционность развития внесла свой вклад в намечающуюся стагнацию. Кризис мировой и европейской экономики — это не только проблемы финансовых и фондовых рынков, обусловленные мировым финансово-экономическим кризисом. Это деиндустриализация, структурные ошибки в сельском хозяйстве, падение эффективности сферы обслуживания. Все это

¹ ИЦ ИПМ подготовил «историческую справку» о белорусской экономике [Электронный ресурс]. URL: <https://thinktanks.by/publication/2021/05/27/its-ipm-podgotovil-istoricheskuyu-spravku-o-belorusskoy-ekonomike.html>.

² «Вилка» сценариев на 2021 год: от роста на 1,5 процента до спада на 10 процентов [Электронный ресурс]. URL: <https://thinktanks.by/publication/2021/02/05/vilka-stsenariiev-na-2021-god-ot-rosta-na-15-protستا-до-спада-na-10-protستا.html>.

³ Тезисы об экономике Белоруссии: страна для выживания или страна для жизни. В чем правы и где могут ошибаться оппоненты Александра Лукашенко [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/11/05/845797-tezisi-belorusskoi>.

создает предпосылки для ухудшения внешнеэкономических связей во всех направлениях [5].

Значительная часть предпосылок развития сложной ситуации в экономике Беларуси — это санкции против главного торгового партнера Беларуси. В свою очередь и санкции в отношении Беларуси — системная часть вызовов для российской экономики.

Подведем итоги. В существующей форме белорусская экономическая модель может существовать исключительно при российской поддержке. Решением проблемы повышения конкурентоспособности мог бы стать переход от патерналистской, квазиресурсной модели развития экономики к постиндустриальной и инвестиционной. Однако этот путь неизбежно предполагает жесткие и непопулярные реформы, шоковую терапию в версии второго десятилетия XXI в. Это было невозможно перед выборами и практически исключено летом 2021 г. В связи с этим укажем на несколько возможных сценариев.

Первый возможный, оптимистичный сценарий — ускорение интеграционного процесса и скорейшее формирование полноценного Союзного государства.

Второй, пессимистичный сценарий, предполагающий «сворачивание» российско-белорусского интеграционного проекта и возможную геополитическую переориентацию РБ на Запад, в апреле 2021 г. представляется совсем маловероятным.

Наиболее вероятным ранее был третий сценарий — «вялотекущей интеграции». Согласно этому сценарию, РФ и РБ останутся стратегическими союзниками, но экономическое взаимодействие будет ограниченным. Учитывая масштаб внешнего воздействия на Беларусь и Россию, сейчас он не представляется возможным.

Литература

1. Гайдар Е. Т. Аномалии экономического роста // Вопросы экономики. 1996. № 12. С. 20–39.
2. Глазьев С. Ю. Белорусская развилка: об итогах постсоветской социально-экономической эволюции и сценарных вариантах дальнейшего развития республики Беларусь // Российский экономический журнал. 2020. № 6. С. 70–87.
3. Глазьев С. Ю. Реальное ядро постсоветской экономической интеграции: итоги создания и перспективы развития Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России // Российский экономический журнал. 2011. № 6. С. 56–81.
4. Крастев И., Холмс С. Имитация и ее отрицание // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1. С. 11–20.
5. Межевич Н. М. Беларусь: политические и экономические предпосылки будущего кризиса // Аналитические записки Института Европы РАН. 2020. № 34. С. 1–9.
6. Мясникович М., Глазьев С. Методологические подходы к разработке стратегии развития ЕАЭС // Наука и инновации. 2020. № 6. С. 10–21.
7. Чесновский М. Э. Внешняя политика республики Беларусь в контексте европейской интеграции // Беларусь в меняющемся мире: история и современность : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 февр. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: М. Э. Чесновский (пред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2019. С. 30–40.
8. Шамахов В. А., Максимцев И. А., Межевич Н. М. Внешнеэкономические связи России и Беларуси: объективные возможности и субъективные препятствия развития // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 8–16.
9. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Анализ экономической модели республики Беларусь: контекст государств Прибалтики // Управленческое консультирование. 2018. № 11. С. 35–43.
10. Шамахов В. А., Межевич Н. М. К юбилею Союзного государства: некоторые экономические параметры и политические ограничители // Управленческое консультирование. 2019. № 12. С. 10–16.
11. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Проблема суверенности и принятие экономических решений в Союзном государстве: некоторые вопросы теории и практики 2018–2019 гг. // Управленческое консультирование. 2019. № 2. С. 8–15.

12. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Суверенитет vs развитие. Экономика Беларуси в контексте актуальных тенденций мирового развития // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 10–20.
13. *Экономико-политический анализ ситуации в Республике Беларусь*. М. : ВАВТ, 2020.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Gaidar E. T. Anomalies of economic growth // Economic issues [Voprosy ekonomiki]. 1996. N 12. P. 20–39. (In Rus).
2. Glazyev S. Yu. Belarusian fork: results of the Post-Soviet socio-economic evolution and scenario options for the further development of the Republic of Belarus // Russian Economic Journal [Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal]. 2020. N 6. P. 70–87. (In Rus).
3. Glazyev S. Yu. The real core of Post-Soviet economic integration: the results of the creation and prospects for the development of the Customs Union of Belarus, Kazakhstan and Russia // Russian Economic Journal [Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal]. 2011. N 6. P. 56–81. (In Rus).
4. Krastev I., Holmes S. Imitation and its discontents // Comparative constitutional review [Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie]. 2019. N 1. P. 11–20. (In Rus).
5. Mezhevich N. M. Belarus: political and economic prerequisites for the future crisis // Analytical notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences [Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN]. 2020. N 34. P. 1–9. (In Rus)
6. Myasnikovich M., Glazyev S. Methodological approaches to the development of the EAEU development strategy // Science and innovation [Nauka i innovatsii]. 2020. N 6. 10–21. (In Rus).
7. Chesnovsky M. E. Foreign Policy of the Republic of Belarus in the Context of European Integration // Belarus in a Changing World: History and Modernity: Materials of International Scientific and Practical conference, Minsk, February 22. 2019 / Belarusian State University, editorial board: M. E. Chesnovsky (head) [et al.]. Minsk: BSU, 2019. P. 30–40. (In Rus).
8. Shamakhov V. A., Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M. Foreign economic relations of Russia and Belarus: objective opportunities and subjective obstacles to development // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 10. P. 8–16. (In Rus).
9. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Analysis of the economic model of the Republic of Belarus: context of the Baltic States // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 11. P. 35–43. (In Rus).
10. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. On the anniversary of the Union State: some economic parameters and political restraints // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 12. P. 10–16. (In Rus).
11. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. The problem of sovereignty and economic decision-making in the Union State: some issues of theory and practice 2018–2019 // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 2. P. 8–15. (In Rus).
12. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Sovereignty vs development. Belarusian economy in the context of current trends in world development // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2020. N 6. P. 10–20. (In Rus).
13. Economic and political analysis of the situation in the Republic of Belarus. M.: VAVT, 2020. (In Rus).

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Трансформация государственного управления в условиях цифровизации

Лихтин А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; likhtin-aa@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель статьи — характеристика условий трансформации государственного управления в цифровую эпоху. Актуальность исследования связана с активно распространяющимися цифровыми инновациями, которые все в большей степени охватывают фронтиры публичного управления, формируя новые рамки институциональных изменений. Эти изменения нуждаются в грамотной рефлексии и систематизации. Теоретическая часть работы посвящена обсуждению понятий «открытое правительство», «цифровое правительство», «цифровая трансформация», которые стали одними из ключевых элементов публично-управленческого дискурса. Процесс цифровизации в целом предполагает свободный поток информации от органов государственного управления к общественности и третьим сторонам, таким как организации гражданского общества и средств массовой информации, а также от общественности и третьих сторон к органам власти, лежит в основе хорошо функционирующих открытых правительств, успешно проходящих путь цифровой трансформации. Методологически статья опирается на экспертные интервью с представителями органов государственной власти Санкт-Петербурга (заместителями глав районов Санкт-Петербурга и заместителями председателей комитетов). Интервью были направлены на формирование представления об институциональной рамке условий трансформации государственного управления в условиях цифровизации. В качестве метода анализа интервью был использован контент-анализ интервью с использованием программного обеспечения «ATLAS.ti 9» (<http://atlasti.com>). Основные процедуры, осуществленные в данной программе, — кодирование и группировка по категориям. В результате исследования было выделено 16 кодов, которые были объединены по трем смысловым категориям: макроинституциональные условия, микроинституциональные условия и технические условия успешной трансформации государственного управления в условиях цифровизации. Анализируя данные интервью, автор приходит к выводу, что успешность трансформации государственного управления в эпоху цифровизации непосредственно связана с усилиями и ресурсами, выделяемыми органами государственного сектора для исполнения закона или политики, и в момент внедрения, и с течением времени. Другими словами, критическую роль играет переплетение макроинституциональных, микроинституциональных и технических условий. При этом компетенции государственных служащих на всех уровнях власти являются объединяющим элементом, генеративным фактором реализации и макроинституциональных, и микроинституциональных, и технических условий трансформации государственного управления в эпоху цифровизации.

Ключевые слова: современное государственное управление, цифровизация, цифровая трансформация, условия трансформации государственного управления

Для цитирования: Лихтин А. А. Трансформация государственного управления в условиях цифровизации // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 18–26.

Transformation of Public Administration in the Digital Era

Anatoliy A. Likhtin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; likhtin-aa@ranepa.ru

ABSTRACT

The purpose of the article is to characterize the conditions for the transformation of public administration in the digital age. The relevance of the research is connected with the actively spreading digital innovations, which increasingly cover the frontiers of public administration, forming a new framework for institutional changes. These changes need competent reflection and systematization. The theoretical part of the work is devoted to the discussion of the concepts of “open government”, “digital government”, “digital transformation”, which have become one of the key elements of public management discourse. The process of digitalization involves the free flow of information from public authorities to the public and third parties, such as civil society organizations and the media, as well as from the public and third parties to the authorities, and is at the heart of well-functioning open governments that are successfully undergoing the path of digital transformation. Methodologically, the article is based on expert interviews with representatives of public authorities of St. Petersburg, aimed at forming an idea of the institutional framework for the transformation of public administration in the context of digitalization. The author of the article conducted a number of expert interviews with the deputy heads of the districts of St. Petersburg and the deputy chairmen of the committees. As a method of interview analysis, the content analysis of the interview was used using the software ATLAS.ti 9 (<http://atlasti.com>). The main procedures implemented in this program are coding and grouping by category. As a result of the study, 16 codes were identified, which were combined into 3 semantic categories: macro-institutional conditions, micro-institutional conditions, and technical conditions for successful transformation of public administration in the context of digitalization. Analyzing the interview data, the author comes to the conclusion that the success of the transformation of public administration in the era of digitalization is directly related to the efforts and resources allocated by public sector bodies to implement the law or policy, both at the time of implementation and over time. In other words, the interweaving of macroinstitutional, microinstitutional, and technical conditions plays a critical role. At the same time, the competencies of civil servants at all levels of government are a unifying element, a generative factor in the implementation of both macro-institutional, micro-institutional, and technical conditions for the transformation of public administration in the era of digitalization.

Keywords: contemporary public administration, digitalization, digital transformation, conditions for the transformation of public administration

For citing: Likhtin A. A. Transformation of Public Administration in the Digital Era // Administrative consulting. 2021. N 4. P. 18–26.

Введение

Современный мир движется в сторону экономики знания, глобальной конкуренции и информационного общества. Все больше стран мира находятся в данном тренде, и все больше правительств в связи с данными тенденциями вступают на путь цифровой трансформации [15; 18; 26]. Государства должны уметь справляться с сопутствующими вызовами, к которым относятся усложнение структуры общества, изменение структуры и количества граждански активных социальных групп, новая роль данных и актуализация навыков работы с ними [7; 9].

Цифровая среда создает новые экономические возможности для граждан и организаций. Во всем мире, в регионах, городах и странах большая прозрачность и большая доступность информации стимулируют экономический рост, развивают сектора и стимулируют инновации [21; 26]. В результате данные и информация создают новые рабочие места и новые возможности.

Задача по цифровой трансформации затрагивает непосредственно и самих госслужащих. Цифровизация выдвигает новые требования к навыкам сотрудников государственных органов, и они должны своевременно отвечать на этот запрос [10; 13].

Цифровизация как новое условие государственного управления

Термины «открытое правительство», «цифровое правительство», «цифровая трансформация» стали одними из ключевых элементов публично-управленческого дискурса XXI в. [12; 17]. Это идеал, к которому стремятся современные политические лидеры, и эталон, который журналисты, граждане и организации гражданского общества используют для борьбы с коррумпированными лидерами и латентными институтами [20]. Как и многие другие популярные концепции публичного управления, термин «цифровизация» может иметь различные значения. Иногда он просто означает облегчение потока информации от правительства гражданам; замену старых, закрытых практик принятия решений на систему, в которой граждане имеют право знать, что делают их лидеры [4]. Сегодня, однако, термин принимает более широкое значение. Он стал всеобъемлющим ярлыком для более прозрачной, доступной и отзывчивой системы управления, где информация свободно передается как правительству, так и от него по множеству цифровых каналов. В такой системе обмен информацией является нормой в государственном секторе, а значительные ресурсы, учебные и административные процедуры предназначены для эффективного распространения знаний и услуг [6]. Лица, принимающие решения, реагируют на потребности, идеи и приоритеты граждан и внешних органов благодаря ряду эффективных и доступных каналов для их озвучивания. Между тем, граждане, предприятия и организации гражданского общества имеют легкий доступ к услугам и информации, навыкам и средствам для привлечения лиц, принимающих решения, к ответственности (не опасаясь последствий) и регулярные возможности использовать их взгляды в разработке политики. Этот свободный поток информации от органов государственного управления к общественности и третьим сторонам, таким как организации гражданского общества и средств массовой информации, а также от общественности и третьих сторон к органам власти, лежит в основе хорошо функционирующих открытых правительств, успешно проходящих путь цифровой трансформации [11].

Как правило, результаты цифровизации выливаются в создание новых электронных сервисов или цифровых платформ [14; 19; 23]. Одним из примеров такой платформы является «challenge.gov», где правительственные учреждения могут сообщать о проблемах и ожидать возможных решений от граждан. Как показывают исследования порталов открытых инноваций, получение такого рода знаний может быть очень полезным. Также одним из примеров может послужить система подачи жалоб «fixmystreet.com», которая позволяет людям информировать депо по обслуживанию дорог о выбоинах и других задачах по обслуживанию дорог. Это экономит рабочую силу учреждения, предоставляет больше информации об инфраструктуре и может обеспечить более быстрое реагирование на опубликованную проблему. Другой пример — «peertopatent.org». На этой платформе граждане имеют возможность просматривать находящиеся на рассмотрении патентные заявки. Рецензент может проинформировать патентное ведомство США, если заявка на патент содержит уже запатентованные или опубликованные знания. Третий пример — «Техасский пограничный контроль», представляющий собой мексиканскую камеру в режиме реального времени, которая просит граждан сообщать местным властям о контрабанде или незаконном пересечении границы.

Также стоит упомянуть понятие демократии совместной работы [3; 16; 17]. Совместная демократия объединяет открытые правительственные инициативы для процессов принятия политических решений. Совместная демократия ищет ответы на нормативные вопросы для будущего развития общества. Примерами совместных демократических инициатив являются проекты «составления бюджета с участием», такие как «Buergerhaushalt.org», в котором перечислено 70 бюджетов с участием населения в Германии. В ходе этих разбирательств граждане могут вносить предложе-

ния об активах в предстоящем финансовом году. Вторым примером демократии сотрудничества является «AufbruchBayern», где гражданам было рекомендовано сообщать о проектах в области семьи, образования и инноваций, которые, как считалось, были полезны для будущего Баварии. Более того, как проект с самой положительной обратной связью в каждой категории от сообщества, «AufbruchBayern» получил финансирование от правительства Баварии [1; 5].

Также, живя в современном море технологий и интернета, сторонники цифровой трансформации утверждают, что с новыми возможностями онлайн-общения граждане могут более активно участвовать в демократическом принятии решений и государственном управлении, чем когда-либо прежде. Новые интернет-платформы позволяют гражданам высказывать свое мнение и взаимодействовать с государственными органами и политическими представителями [22]. Кроме того, эти платформы могут также оптимизировать принятие политических решений, поскольку граждане могут лучше понимать, кто и сколько людей поддерживает решение. Инициативы открытого правительства также могут повысить общественное доверие к органам власти [8; 16; 25]. Использование инициатив цифровизации также может улучшить процесс реализации и результаты проводимой политики. Эти улучшенные результаты могут состоять из более высокого уровня административного обслуживания или совершенно новых подходов к решению крупных социальных проблем, таких как глобальное потепление или безработица [2].

Методология исследования

Данная статья опирается на экспертные интервью с представителями органов государственной власти Санкт-Петербурга, направленными на формирование представления об институциональной рамке условий трансформации государственного управления в условиях цифровизации. Автором статьи был проведен ряд экспертных интервью с заместителями глав районов Санкт-Петербурга (5 респондентов) и заместителями председателей комитетов (5 респондентов). В качестве метода анализа интервью был использован контент-анализ интервью с использованием программного обеспечения «ATLAS.ti 9» (<http://atlasti.com>). Основные процедуры, осуществленные в данной программе, — кодирование и группировка по категориям.

По результатам анализа экспертных интервью было выделено 16 кодов, которые были объединены по трем смысловым категориям: макроинституциональные условия, микроинституциональные условия и технические условия успешной трансформации государственного управления в условиях цифровизации (таблица).

Внедрение открытого правительства: институциональный анализ

Как следует из данных интервью, успешность трансформации государственного управления в эпоху цифровизации непосредственно связана с усилиями и ресурсами, выделяемыми органами государственного сектора для исполнения закона или политики, и в момент внедрения, и с течением времени. Другими словами, критическую роль играет переплетение макроинституциональных, микроинституциональных и технических условий. Правовая и институциональная основа цифровизации государственного управления — это как раз та основа, в которой могут происходить изменения. В одиночку любой новый закон или политика не могут представлять собой особой ценности. После принятия управленческого решения о тех или иных изменениях необходимы значительные усилия для обеспечения того, чтобы должностные лица могли соблюдать его, а его бенефициары знали и могли пользоваться своими новыми правами. То, что влечет за собой трансформация государственного управления в эпоху цифровизации, будет зависеть от

Кодирование и группировка данных интервью
Table. Coding and grouping interview data

Категория (количество кодов)	Код
Макроинституциональные условия (7)	Целеполагание по принципам SMART, то есть достижимые, четкие, реалистичные, измеряемые цели по всем направлениям трансформации государственного управления, в которые будут включены идеи перехода к цифровому этапу развития общества в целом
	Формирование центра координации управляющих воздействий для предотвращения дублирования действий при решении задач государственного управления
	Использование современных методов анализа эффективности управляющих воздействий
	Следование иерархическому принципу соподчиненности и ответственности при решении задач трансформации государственного управления
	Соблюдение принципа субсидиарности при распределении функций по реализации управляющих воздействий на основе имеющихся полномочий в органах государственной власти
	Полное, достаточное и оптимальное использование ресурсов для реализации управляющих воздействий органами государственной власти в ситуации трансформации
	Формирование каналов прямой и обратной связи для сокращения непроизводительных затрат на реализацию функций государственного управления с целью своевременной корректировки управляющих воздействий
Микроинституциональные условия (6)	Детализация и структурирование задач государственного управления с целью делегирования отдельных функций органам государственного управления
	Обеспечение соответствия целей и задач, распределения функций системы управления, в соответствии с макрозадачами государственного управления
	Создание условий, которые могут нивелировать частные ошибки, неэффективность выполнения функций государственного управления в отдельном органе государственной власти, что позволит достигнуть результата государственного управления
	Формирование необходимых условий для эффективного выполнения функций государственного управления служащими
	Совершенствование организационной структуры государственного управления в целях более эффективного достижения целей государственного управления, распределения функций, оценки результатов деятельности
	Формирование эффективной системы повышения квалификации, обеспечения повышения культурно-квалификационного уровня исполнителей

Категория (количество кодов)	Код
Технические условия (3)	Использование методов автоматизированного принятия решений (на базе искусственного интеллекта) с минимальной возможностью участия человека, для снижения рисков
	Открытие информационных данных государственного сектора и предоставление гражданам и предпринимателям единого доступа к государственным данным
	Формирование платформ, облегчающих привлечение граждан к принятию решений

Источник: составлено автором с использованием «ATLAS.ti 9» (<http://atlasti.com>).

характера институциональной и правовой базы в рассматриваемой стране, а также от ряда других факторов, в том числе от того, как долго действовала эта структура, и чем было мотивировано внедрение новых законов и политики.

Важным элементом реализации является степень, в которой правительство принимает шаги по продвижению своей приверженности цифровизации. Примерами рекламных мероприятий являются информационные кампании, направленные на информирование граждан, средств массовой информации, предприятий и организаций гражданского общества об их правах на информацию и содействие принятию правительственных решений, или включение таких вопросов в национальную учебную программу. Другой формой продвижения может быть явное политическое одобрение программ открытости.

Еще одним важным аспектом реализации являются изменения, внесенные в административную процедуру, чтобы упростить соблюдение новых законов и политик. Это может включать создание центрального органа, который координирует усилия вокруг конкретного базового элемента, такого как орган, отвечающий за реализацию закона о доступе к информации, или конкретный правительственный департамент, на который возложена ответственность за поддержание надлежащей практики по консультации.

Краеугольным камнем реализации является поддержка, предоставляемая должностным лицам, которая должна помочь им понять и выполнять свои обязанности в отношении цифровизации. Установленные методы работы и внутренняя культура могут стать серьезным препятствием при разработке законов и политики открытой трансформации государственного управления. Государственные служащие, привыкшие работать в условиях секретности, иногда с устоявшейся практикой работы, которая не выдерживает общественного контроля, вряд ли найдут переход к более прозрачной системе легким. Не менее сложным может быть переворот традиционной структуры принятия решений посредством консультаций и других форм участия общественности и иных заинтересованных сторон. От должностных лиц требуется не только применение новых стандартов в своей работе и должностных инструкций, иногда в ущерб заветным полномочиям и привилегиям, но они также требуют больших временных ресурсов и иных ресурсов этих должностных лиц. Для улучшения работы государственных служащих требуются дополнительные усилия по разъяснению преимуществ доступа к информации. Также сложности могут возникать и у должностных лиц, которые намерены соблюдать принципы цифровизации, но им препятствуют руководители департаментов, которые хотели бы, чтобы их время и бюджеты расходились по-другому. Следовательно, принятие нового

закона, даже если он будет одобрен на верхних уровнях власти, может быть недостаточным для обеспечения соблюдения, если оно не сопровождается значительными усилиями по внедрению нового видения среди чиновников всех уровней. Все это подводит нас к выводу, что компетенции государственных служащих на всех уровнях власти являются объединяющим элементом, генеративным фактором реализации и макроинституциональных, и микроинституциональных, и технических условий трансформации государственного управления в эпоху цифровизации. Этот тезис достаточно развит в зарубежных исследованиях [20; 23; 24], однако в российской науке и практике управления все еще является предметом для обсуждения, развития и исследования.

Литература

1. Болгов Р. В. Электронное правительство и социальные сети: опыт Германии // Информационные системы для научных исследований (IMS-2012). Труды XV Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2012). Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики. СПб., 2012. С. 269–273.
2. Бурматов В. В. Институциональный смысл Открытого Правительства // Власть. 2012. № 8. С. 36–40.
3. Голубева А. А. Электронная демократия в России: формирование традиции политической осведомленности и участия // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 50–65.
4. Игнатова А. М. Открытые данные как новый способ взаимодействия государства и общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1. С. 78–80.
5. Камалова Г. Р. Открытое государственное управление: российский и зарубежный опыт // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 1. С. 140–143.
6. Ушаков Е. В., Балашов А. И. История и методология науки государственного и муниципального управления. М. : Инфра-М, 2019. 323 с.
7. Халилова М. А., Романова Ю. А. Эффективность публичного управления в Российской Федерации // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 1 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21373737_34845254.pdf (дата обращения: 20.02.2021).
8. Чигасова П. А. Электронное правительство в политико-административном управлении США // Социология власти. 2012. № 5. С. 187–194.
9. Шамахов В. А., Балашов А. И. Стратегия ресурсосбережения: развитие vs распределение (российская повестка) // Управленческое консультирование. 2016. № 6. С. 7–13.
10. Ayoub K., Payne K. Strategy in the age of artificial intelligence // Journal of Strategic Studies, 2016. P. 793–819.
11. Boyd M., Wilson N. Rapid developments in artificial intelligence: how might the New Zealand Government respond? // Policy Quarterly, 2017. P. 36–44.
12. Brunswicker S., Johnson J. From Governmental Open Data Toward Governmental Open Innovation (GOI). A Global Perspective // The Handbook of Global Science, Technology, and Innovation. Wiley, 2015. Ch. 24.
13. Bughin J., Hazan E., Ramaswamy S. Artificial intelligence: the next digital frontier? McKinsey Global Institute Study, 2017.
14. Desouza K. C., Dawson G. S., Chenok D. Designing, developing, and deploying artificial intelligence systems: Lessons from and for the public sector. Kelley School of Business, 2019.
15. Dutil P., Williams J. Regulation governance in the digital era: A new research agenda // Canadian Public Administration. 2017. N 4. P. 562–580.
16. Harrison T. M. Creating open government ecosystems: a research and development agenda. Future Internet. 2012. N 4. P. 900–928.
17. Hensley K. An Exploration of the Impact of an Open Governance Approach on Strategic Decision Making, Collaboration, Organizational Change, and Sustainability. Walden University: College of management and technology. 2011. 177 p.

18. *Kushzhanov N., Aliyev U.* Digital space: changes in society and security awareness. NAS RK, 2018. P. 94–101.
19. *Lindquist E., Huse I.* Accountability and monitoring government in the digital era: Promise, realism and research for digital era governance // *Canadian Public Administration*. 2017. N 60 (4). P. 627–656.
20. *Maguire S.* Can Data Deliver Better Government? // *The Political Quarterly*. 2011. N 82 (4). P. 522–525.
21. *Mergel I., Desouza K.* Implementing Open Innovation in the Public Sector: The Case of Challenge.gov // *Public Administration Review*. 2013. Vol. 73, Is. 6. P. 882–890.
22. *Mikhaylov S., Esteve M., Campion A.* Artificial intelligence for the public sector: opportunities and challenges of cross-sector collaboration // *Physical and Engineering Sciences*, 2018. P. 1–21.
23. *Qian T., Medaglia R.* Mapping the challenges of artificial intelligence in the public sector: Evidence from public healthcare. *Government Information Quarterly*, 2018. P. 1–16.
24. *Sousa W.* How and where is artificial intelligence in the public sector going? A literature review and research agenda. Elsevier, 2019.
25. *Van Dooren W.* Measuring Public Administration: A Feasibility study for better comparative indicators in the EU. Publications Office of the European Union, 2018.
26. *Yogesh K. (Ed.)* E-government Development and Diffusion // *International Journal of Information Management*. IGI Global, 2009.

Об авторе:

Лихтин Анатолий Алексеевич, декан факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), действительный государственный советник Санкт-Петербурга 1 класса, кандидат экономических наук; likhtin-aa@ranepa.ru

References

1. Bolgov R.V. E-government and social networks: German experience // *Information systems for scientific research (IMS-2012). Works of the XV Russian United Conference "Internet and Modern Society" (IMS-2012)*. St. Petersburg National Research University of Information Technology, Mechanics and Optics. St. Petersburg, 2012. P. 269–273. (In Rus).
2. Burmatov V.V. Institutional meaning of the Open Government // *Power [Vlast']*. 2012. N 8. P. 36–40. (In Rus).
3. Golubeva A.A. Electronic democracy in Russia: the formation of a tradition of political awareness and participation // *Issues of state and municipal administration [Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]*. 2012. N 4. P. 50–65. (In Rus).
4. Ignatova A.M. Open data as a new way of interaction between the state and society // *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice [Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki]*. 2015. N 1. P. 78–80. (In Rus).
5. Kamalova G.R. Open public administration: Russian and foreign experience // *State and municipal administration. SCAGS academic notes [Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS]*. 2014. N 1. P. 140–143. (In Rus).
6. Ushakov E.V., Balashov A.I. History and methodology of science of state and municipal administration. M.: Infra-M, 2019. 323 p. (In Rus).
7. Khalilova M.A., Romanova Yu.A. Efficiency of public administration in the Russian Federation // *Management of economic systems: electronic scientific journal [Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal]*. 2014. N 1. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21373737_34845254.pdf (In Rus).
8. Chigasova P.A. Electronic government in the political and administrative management of the United States // *Sociology of power [Sotsiologiya vlasti]*. 2012. N 5. P. 187–194. (In Rus).
9. Shamakhov V.A., Balashov A.I. Resource saving strategy: development vs distribution (Russian agenda) // *Administrative consulting [Upravlenskoe konsultirovanie]*. 2016. N 6. P. 7–13. (In Rus).
10. Ayoub K., Payne K. Strategy in the age of artificial intelligence // *Journal of Strategic Studies*, 2016. P. 793–819.

11. Boyd M., Wilson N. Rapid developments in artificial intelligence: how might the New Zealand Government respond? // *Policy Quarterly*, 2017. P. 36–44.
12. Brunswicker S., Johnson J. From Governmental Open Data Toward Governmental Open Innovation (GOI). A Global Perspective // *The Handbook of Global Science, Technology, and Innovation*. Wiley, 2015. Ch. 24.
13. Bughin J., Hazan E., Ramaswamy S. Artificial intelligence: the next digital frontier? McKinsey Global Institute Study, 2017.
14. Desouza K.C., Dawson G.S., Chenok D. Designing, developing, and deploying artificial intelligence systems: Lessons from and for the public sector. Kelley School of Business, 2019.
15. Dutil P., Williams J. Regulation governance in the digital era: A new research agenda // *Canadian Public Administration*. 2017. N 4. P. 562–580.
16. Harrison T.M. Creating open government ecosystems: a research and development agenda. *Future Internet*. 2012. N 4. P. 900–928.
17. Hensley K. An Exploration of the Impact of an Open Governance Approach on Strategic Decision Making, Collaboration, Organizational Change, and Sustainability. Walden University: College of management and technology. 2011. 177 p.
18. Kushzhanov N., Aliyev U. Digital space: changes in society and security awareness. NAS RK, 2018. P. 94–101.
19. Lindquist E., Huse I. Accountability and monitoring government in the digital era: Promise, realism and research for digital era governance // *Canadian Public Administration*. 2017. N 60 (4). P. 627–656.
20. Maguire S. Can Data Deliver Better Government? // *The Political Quarterly*. 2011. N 82 (4). P. 522–525.
21. Mergel I., Desouza K. Implementing Open Innovation in the Public Sector: The Case of Challenge.gov // *Public Administration Review*. 2013. Vol. 73, Is. 6. P. 882–890.
22. Mikhaylov S., Esteve M., Campion A. Artificial intelligence for the public sector: opportunities and challenges of cross-sector collaboration // *Physical and Engineering Sciences*, 2018. P. 1–21.
23. Qian T., Medaglia R. Mapping the challenges of artificial intelligence in the public sector: Evidence from public healthcare. *Government Information Quarterly*, 2018. P. 1–16.
24. Sousa W. How and where is artificial intelligence in the public sector going? A literature review and research agenda. Elsevier, 2019.
25. Van Dooren W. Measuring Public Administration: A Feasibility study for better comparative indicators in the EU. Publications Office of the European Union, 2018.
26. Yogesh K. (Ed.) E-government Development and Diffusion // *International Journal of Information Management*. IGI Global, 2009.

About the author:

Anatoliy A. Likhtin, Dean of the Faculty of State and Municipal Management of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Acting State Councilor of St. Petersburg 1 class, PhD in Economics; likhtin-aa@ranepa.ru

Актуальные проблемы и приоритеты культурной политики в России в контексте идеологии неотрадиционализма

Букалова С. В., Меркулова К. Г. *

Среднерусский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел, Российская Федерация; *merkulovakg@mail.ru

РЕФЕРАТ

Государственная культурная политика имеет большое значение в определении содержания массового сознания, задавая границы социальной нормы. В свою очередь, приоритеты культурной политики определяются ее идеологическими основаниями, ставшими предметом анализа настоящей статьи. В основу исследования положен принцип историзма, так как понятие культуры многозначно по содержанию и исторично по своей сути. Изучение культуры как общественного явления и фактора социального управления соотносится с проблемой формирования государственной идеологии, ее индоктринации в общественное сознание и реализации в практических формах. Материалами исследования послужили содержательные положения документов стратегического планирования в сфере государственной культурной политики, осмысленные с позиций теории культуры. На основе анализа функций культуры в социуме статья характеризует инновационный потенциал культуры, обуславливающий трансформацию уклада в политической, общественной, экономико-технологической сферах. Развитие социума, а вместе с ним и культурных норм, прошло стадии архаики и модерна, вступив в эпоху постмодерна. Эволюция социально-экономических отношений и культурных норм порождает противоречия между традицией и модернизацией. Ценностно-смысловые основы развития общества оказываются между Сциллой архаизации и Харибдой аномии. Авторы проецируют этот конфликт на смысловые основы государственной культурной политики современной России, раскрывая диалектику преемственности и новаторства в развитии национальной культуры. Делается вывод о доминировании стратегии воспроизводства культурных норм как приоритета государственной политики в сфере культуры. В таком подходе авторы видят риски для эффективного исполнения культурой своих функций в эпоху постмодерна.

Ключевые слова: культура, государственная культурная политика, традиционное общество, неотрадиционализм, модернизация, постмодерн, архаика

Для цитирования: Букалова С. В., Меркулова К. Г. Актуальные проблемы и приоритеты культурной политики в России в контексте идеологии неотрадиционализма // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 27–35.

Current Problems and Priorities of the Cultural Policy in Russia in the Context of the Neotraditionalist Ideology

Svetlana V. Bukalova, Kseniya G. Merkulova

Central Russian Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russian Federation

ABSTRACT

State cultural policy has great impact in determining the content of mass consciousness, setting the boundaries of the social norm. The priorities of cultural policy are determined by its ideological foundations, which have become the subject of the analysis of this article. The research is based on the principle of historicism, since the concept of culture is ambiguous in its content and historical in its essence. The study of culture as a social phenomenon and

a factor of social management correlate with the problem of state ideology formation, its indoctrination into the public consciousness and its implementation in practical forms. The materials of the study were the substantive provisions of the documents of strategic planning in the field of state cultural policy, understood from the standpoint of the theory of culture. Based on the analysis of the culture functions in society, the article characterizes the innovative potential of culture, which determines the transformation the way of life in the political, social, economic and technological spheres. The development of society, and with it cultural norms, has passed the stages of archaic and modern, entering the postmodern era. The evolution of socio-economic relations and cultural norms creates contradictions between tradition and modernization. The value-semantic foundations of the society development are caught between the Scylla of archaization and the Charybdis of anomie. The authors project this conflict on the semantic foundations of the state cultural policy in modern Russia, revealing the dialectic of continuity and innovation in the development of national culture. The author concludes that the strategy of reproduction of cultural norms dominates as a priority of the state culture policy. In this approach, the authors see risks for the effective performance of the culture of its functions in the postmodern era.

Keywords: culture, state cultural policy, traditional society, neotraditionalism, modernization, postmodern, archaic

For citing: Bukalova S.V., Merkulova K.G. Current Problems and Priorities of the Cultural Policy in Russia in the Context of the Neotraditionalist Ideology // Administrative consulting. 2021. N 4. P. 27–35.

Введение

Государственное управление выполняет особую социальную функцию обеспечения целостности и упорядоченности общественных отношений в интересах общественного развития. Власть выступает в качестве средства организации и регулирования совместной деятельности людей, способствующего реализации общих интересов и целей, в том числе и в такой многомерной и «метафизической» области, как культура.

Культура — широкое дескриптивное понятие, характеризующее сложившийся образ жизни, включающий принятые в данном сообществе ценности и нормы, способы мышления, деятельности и взаимодействия. В своей совокупности они придают культуре аксиологическое и нормативное содержание, конструируя модели поведения и мировоззрения, предписывая каноны поведения в социуме и предлагая систему критериев для оценки соответствия личности принятым требованиям.

Теоретические основы

Нормативные категории культуры обладают разной силой регулирующего воздействия на различные сферы общественной жизни, находя отражение в системе культурных норм, традиций и обычаев. Культура предстает как механизм аккумуляции, передачи, использования социального опыта, важнейшее средство социализации индивида и основа для определения им своей идентичности [4, с. 72–73], реализуя, таким образом, интегративную функцию. Также культура выполняет важнейшую роль средства коммуникации.

Культура определяет традиции хозяйственной этики, экономические и экологические стратегии, оказывая воздействие на экономическое, политическое и социальное развитие стран и регионов. Принято выделять различные типы культуры, связанные с разными сферами деятельности: политическую культуру, гастрономическую культуру, корпоративную культуру и т.п. В систему культуры включаются также ее материальные результаты (артефакты), технологии, а также социальные

институты — такие как семья, образование, церковь и т. д. [18, р. 143]. Культурные феномены, свойственные тому или иному социуму, находят свое воплощение в познавательной, практической и творческой деятельности. Можно сказать, что культура проявляется в трех основных аспектах — как наука, мораль и искусство.

Как область, созданная сознательными и волевыми усилиями человечества, культура противопоставляется природе. Для отдельного человека культура является средой его становления и бытия, «второй природой». Для общества культура служит средством его воспроизводства во времени от поколения к поколению. Передача культуры осуществляется через закрепление в сознании ориентации на определенные нормы и образцы поведения [7, с. 389].

Для культурно-исторических процессов характерна своя динамика. Ядро культуры составляют стабильные элементы; также в ее структуру входят практики, трансформирующиеся под влиянием изменяющихся условий [8, с. 116]. Культура предоставляет средства для создания новых ценностей, непрерывно эволюционируя вслед за изменениями общественных потребностей (порой определяя вектор и ритм этих изменений) и выполняя адаптивную функцию. При этом внутри каждой культуры существуют определенные противоречия между духовным и материальным, индивидуальным и массовым, инновациями и традицией.

Различные культуры (а также разные культурные сферы) различаются по своему отношению к изменениям. В доиндустриальном обществе приоритет принадлежит сохранению традиции; индустриальное общество более восприимчиво к инновациям, источником которых выступает интеллектуальная и творческая элита.

В традиционном обществе регламентация деятельности, социальный контроль и трансляция культурного опыта осуществляются преимущественно посредством следования канону, воспринимаемому как свод правил, не подлежащих изменению. В качестве канона выступают определенные, нередко сакрализированные культурные образцы, нормы, ценности, идеи, институты, обычаи, обряды, производственные навыки и др. [10, с. 51–54]. Традиционное общество характеризуется низкой социальной и пространственной мобильностью, укорененностью в локальных сообществах, самодостаточностью с опорой на натуральное хозяйство, соединением в патриархальной семье социальных и производственных функций, патернализмом [11, с. 296–298].

Решающей предпосылкой культурных изменений являются существенные социально-экономические перемены, воздействие которых на сознание способно преодолеть сопротивление новым образцам и нормам поведения. Переход от традиционного к современному обществу, именуемый модернизацией, сопровождается трансформацией общественного, экономического и политического уклада, рационализацией индивидуальных стратегий поведения [14, с. 146]. Регуляция поведения отныне осуществляется не через неизменные «священные» обычаи, а посредством правовых отношений, которые имеют конвенциональный и потенциально изменчивый характер.

Результаты

В современном постиндустриальном обществе инновации становятся ядром культурного процесса. Особую роль в этом играет интенсификация информационных потоков, формирование новых систем коммуникации на основе компьютерных сетей. Глобализация и связанные с ней процессы унификации культуры, нивелирования или утраты локальных культурных традиций, размывания и исчезновения самобытных этнокультурных и социокультурных территориальных общностей по-новому ставят проблему преемственности и новаторства в развитии национальной культуры [13, с. 15].

В нашей стране государство стремится оказывать регулирующее воздействие на процессы, разворачивающиеся в культурной сфере. Формируется российская модель ценностно-ориентированной государственной культурной политики, развитие сферы культуры включено в систему стратегических приоритетов государства¹. Государство остается ключевым субъектом формирования и реализации культурной политики, исходя из универсалистского представления о культуре, которое включает в ее сферу образование, социализацию и самореализацию личности, все виды культурной деятельности и гуманитарные науки, а также внешнеполитические аспекты использования национальной культуры в роли «мягкой силы»². Это обстоятельство подчеркивает принципиальную важность анализа тех ценностей, которые лежат в основе культурной деятельности власти.

Понимая культуру как *«совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т. д.)»*³, государственная культурная политика провозглашает своей миссией *«передачу от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения»*⁴. Стратегической целью обеспечения национальной безопасности в области культуры объявлено *«сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества»*⁵. Указом Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2030 года» Правительству Российской Федерации при разработке национальной программы в сфере культуры было рекомендовано создать условия воспитания личности *«на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций»*⁶. Таким образом, власть отдает приоритет реализации одной из функций культуры — воспроизводству «культурных кодов», образцов поведения, в противовес функции производства культурных инноваций, направленных на адаптацию личности и общества к неизбежным изменениям социально-экономических условий.

Как видно из вышеизложенного, смысловым ядром государственной культурной политики России являются духовно-нравственные ценности, определяемые как «традиционные». При этом палитра таковых может варьироваться. Например, социологическое исследование ценностных ориентаций курсантов ведомственного института ФСИН России оценивало значимость таких «базовых», «жизненных» ценностей, как семья, здоровье, друзья, Родина, материальное благополучие, карьера, свобода, любовь, творчество. В определенной степени им противопоставлялись эгоистические ценности индивидуализма, собственного благополучия и саморазвития [12, с. 71].

В Проекте «Основ государственной культурной политики», опубликованном «Российской газете» 16 мая 2014 г., они возводились к общим для всех мировых ре-

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.: утв. указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817.

² Основы государственной культурной политики: утверждены указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2014. № 52, ч. 1. Ст. 775.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Российская газета. № 297. 31 декабря 2015 г.

⁶ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Российская газета. № 159. 22 июля 2020 г.

лигий нормам человеческого общежития и определялись как «честность, правдивость, законопослушание, любовь к Родине, бескорыстие, неприятие насилия, воровства, клеветы и зависти, семейные ценности, целомудрие, добросердечие и милосердие, верность слову, почитание старших, уважение честного труда»¹. В итоговый текст «Основ государственной культурной политики» эта формулировка не вошла. Перечень духовно-нравственных ценностей, составляющих «культурный код» российского общества, был изложен в другом документе стратегического планирования — Стратегии национальной безопасности. Как известно, к ним отнесены «приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины»².

«Основы государственной культурной политики» провозглашают необходимость в короткий срок осуществить социальную модернизацию, призванную обеспечить адекватную общественную реакцию на «вызовы современного мира». По мнению авторов Основ, это требует «качественного обновления личности». Власть обеспокоена перспективой девальвации общепризнанных ценностей и искажения ценностных ориентиров, деформацией исторической памяти, атомизацией социальных связей и ростом девиантного поведения. В качестве одной из задач поставлено утверждение в общественном сознании ценности накопленного прошлыми поколениями исторического и культурного опыта как необходимого условия для индивидуального и общего развития.

Обсуждение

Такая постановка проблемы, очевидно, связана с реакцией на культурную парадигму постмодерна. Эпоха Нового времени создала культуру модерна, пафос которой был основан на разуме, рационализации общественной жизни, ее освобождении от предрассудков и мифов, в том числе и религиозных. Утверждалась идея прогресса как в познании, так и в общественной организации. Культура модерна, соответствующая индустриальной цивилизации, была построена на вере в объективные универсальные законы устройства окружающего мира, в том числе сферы социального [1, с. 7]. Частным выводом из этого тезиса стали представления о линейном, однонаправленном характере социальной динамики и стремление к системной организации экономического и политического бытия. Кризисы XX в., процессы глобализации и информационной революции рубежа XX–XXI вв. существенно изменили взгляды на природу человеческой цивилизации, сформировав новые культурные установки, именуемые в своей совокупности постмодерном [17, р. 42]. Если модернизм в философии, гуманитарных науках, искусстве имел программную установку на привнесение нового, решительную замену традиции инновационным опытом, то постмодернизм обращается к прошлому как объекту игрового усвоения, переосмысления в разных контекстах. Культурная парадигма постмодерна преодолевает оппозицию между авторской и народной, элитарной и массовой, традиционной, классической и современной культурой.

Постмодерн характеризуется плюрализмом, принципиальным отказом от каких-либо универсальных критериев — всякое единство оценивается как подавление.

¹ Проект «Основ государственной культурной политики» // Российская газета. № 109. 16 мая 2014 г.

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Российская газета. № 297. 31 декабря 2015 г.

Легитимация множественности вызвала обостренное внимание к проблемам «меньшинств» (этнических, расовых, гендерных, социальных) [16, р. 537]. Признается относительность и историческая обусловленность представлений о норме [3, с. 4].

Следствием такого подхода является anomia — состояние общества, при котором отсутствует консенсус относительно общих ценностей и целей, отсутствуют социальные ограничения, определяющие поведение его членов. В массовом сознании стираются границы, разделяющие зло и добро [2, с. 215]. Понятия добра, истины, справедливости становятся относительными, а фундаментальная этическая категория зла утрачивает четкие очертания и не вызывает острой реакции на фоне всеобщей толерантности и тотальной аномии.

Напомним, что неотъемлемым элементом культуры являются оценочные категории — представления о добре и зле, поощряемом и отвергаемом поведении, вреде и пользе, ценности и идеалы, которые задают отношения человека к явлениям окружающей действительности, определяют направленность и границы человеческого поведения. Нивелирование этих категорий может означать распад самой культуры, утрату ею тех важнейших функций, которые она выполняет.

Как средство преодоления нарастающей фрагментации социума рассматривается актуализация метанарратива Традиции, принадлежащего по своей сути архаической, домодерной эпохе. Консервативность традиционной социальной среды воспринимается как фактор безопасности [15, р. 58]. Однако, рассуждая о распространении традиционных ценностей, следует принять во внимание, что канон также является предметом конструирования в качестве «подлинного» образца. Архаические нормы неизбежно подвергаются реинтерпретации, реформированию и реконструкции [9, с. 7]. Каждое новое поколение осуществляет селекцию и интерпретацию унаследованных традиций — как это видно на примере свода традиционных ценностей, зафиксированных в Стратегии национальной безопасности.

Воссоздание традиции в эпоху постмодерна представляется особенно сложным. В большинстве случаев имеет место стихийная реконструкция архаических практик «снизу» в форме локальных идентичностей, диаспор, этноцентрических движений, неоязыческих культов и т. п. [19, р. 811–812]. В большинстве случаев обращение к традициям аграрного общества членов современного урбанизированного социума порождает имитационные, декоративные формы псевдотрадиционализма.

Инкорпорация архаических социокультурных установок в смысловые основы государственной политики порождает идеологию неотрадиционализма [5, с. 89]. При этом неотрадиционализм имеет принципиальные отличия от архаизации, противостоящей утилитарности и рационализму. Задачей неотрадиционализма является инкорпорация традиционной социальности в современную постиндустриальную реальность, обеспечение их гармоничного взаимовлияния и взаимодействия [9, с. 6].

Выводы

Российская модель государственной культурной политики ориентирована на сочетание индивидуального и общественно-политического измерения культуры, провозглашая целью культурной политики *«формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества»*¹. Основными проблемами, требующими государственного вмешательства, названы универсализация культуры, ослабление ее роли как средства укрепления гражданской идентичности российской

¹ Основы государственной культурной политики: утверждены указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 52, ч. 1. Ст. 775.

нации и этнической идентичности народов, ее составляющих, а также роли источника норм поведения отдельной личности.

Рассматривая традиции прошлого как значимую позитивную ценность настоящего и основу конструирования образа желаемого будущего, необходимо помнить, что национальная культура выступает как жизнеспособное единство символических образцов и культурных практик¹. Представляется, что реализация культурной политики возможна именно в форме одобряемых и востребованных культурных практик, которые должны стать связующим звеном между идеалом и реальностью, преодолев соблазн воплощения неосуществимого идеала [6].

Российская культура — это подлинная сокровищница, наполненная трудом и талантом предшествующих поколений. Сохранение и преумножение ее богатств, использование во благо россиян требует усилий как со стороны общества, так и государства.

Литература

1. Аузан А. А. Национальные ценности и модернизация. М. : ОГИ, 2010.
2. Бачинин В. А. Политическая теология постмодернистских войн // Нева. 2015. № 7. С. 214–222.
3. Волков В. Н. Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. № 2. С. 3–8.
4. Кребер А. Л. Избранное: Природа культуры. М. : РОССПЭН, 2004.
5. Ламжаа Ч. К. Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 88–93.
6. Литвинцева Г. Ю. Российские «национальные метанарративы» в эпоху постмодерна // Universum: Общественные науки: электронный научный журнал. 2017. № 2 (32) [Электронный ресурс]. URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4382> (дата обращения: 31.03.2021).
7. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М. : Прогресс-Традиция, 2006.
8. Моль А. Социодинамика культуры. Изд. 3-е. М. : Издательство ЛКИ, 2008.
9. Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации / отв. ред. В. В. Бочаров, В. А. Попов. СПб. : Центр информатизации образования «КИО», 2019.
10. Полонская И. Н. Традиция: от сакральных оснований к современности. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 2006.
11. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб. : Алетейя, 2002.
12. Поливаева Н. П., Беренов А. Р., Шумаров А. П. Доминанты духовно-нравственных ценностей курсантов ведомственного вуза (опыт эмпирического исследования) // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. № 1. Т. 16. С. 57–72.
13. Реснянский С. И. Истоки формирования духовно-нравственного пространства личности // Вестник государственного и муниципального управления. 2019. № 1. Т. 8. С. 14–20.
14. Традиции и инновации в современной России: социологический анализ взаимодействия и динамики : монография / под ред. А. Б. Гофмана. М. : РОССПЭН, 2008.
15. Babadzan A. Culturalism, Neo-liberalism and the State: The Rise and Fall of Neotraditionalist Ideologies in the South Pacific // Rata E., Openshaw R. Public Policy and Ethnicity — the politics of Ethnic Boundary Making. NY : Palgrave Macmillan, 2006. P. 43–65.
16. David-Fox M. Multiple Modernities vs. Neo-Traditionalism: On Recent Debates in Russian and Soviet History // Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas. 2006. Vol. 54. N 4. P. 535–555.
17. Friedman J. Cultural identity and global process. London : Sage Publications Ltd, 1994.

¹ Архангельский А. Н. Системная архаика вместо бессистемного модерна. Лекция в рамках Летней дискуссионной школы GAIDPARK-2015 // Colta.ru: Электронное СМИ. 12 октября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/8824-sistemnaya-arhaika-vmesto-bessistemnogo-moderna> (дата обращения: 31.03.2021).

18. Kroeber A. L., Kluckhohn C. Culture: a Critical Review of Concepts and Definitions. Cambridge : Papers of the Peabody museum of American archeology and ethnology, Harvard University, 1952.
19. Yakovlev A., Antonov I., Fedorov S. (Neo)traditionalism as a form of cultural identity of the inhabitants of Yakutsk // International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019) . Dordrecht : Atlantis Press, 2019. P. 809–813.

Об авторах:

Букалова Светлана Владимировна, доцент Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (г. Орел, Российская Федерация), кандидат исторических наук; stl1612@yandex.ru

Меркулова Ксения Геннадьевна, доцент Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (г. Орел, Российская Федерация), кандидат политических наук, merkulovakg@mail.ru

References

1. Auzan A.A. National values and modernization. M. : OGI, 2010. (In Rus)
2. Bachinin V.A. Political theology of postmodern Wars // Neva [Neva]. 2015. N 7. P. 214–222. (In Rus)
3. Volkov V.N. Postmodern and its main characteristics // Cultural heritage of Russia [Kul'turnoe nasledie Rossii]. 2014. N 2. P. 3–8. (In Rus)
4. Kroeber A. L. Izbrannoe: Priroda kultury. M. : ROSSPEN, 2004. (In Rus)
5. Lamzhaa Ch.K. Archaizatsiya, traditionalizm i neotraditionalizm // Knowledge. Understanding. Skill [Znanie. Ponimanie. Umenie]. 2010. N 2. P. 88–93. (In Rus)
6. Litvintseva G.Yu. Russian “national meta-narratives” in the postmodern era // Universum: Social Sciences: Electron Scientific journal [Universum: Obshchestvennye nauki: elektronnyj nauchnyj zhurnal]. 2017. N 2 (32) [Electronic resource]. URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4382> (accessed: 31.03.2021). (In Rus)
7. Mezhuiev V.M. The idea of culture. Essays on the philosophy of culture. M. : Progress-Tradition, 2006. (In Rus)
8. Mol A. Sociodynamika kultury. Ed. 3d. M. : LKI Publishing House, 2008. (In Rus)
9. Neotraditionalism: archaic syndrome and the construction of a new sociality in the context of globalization processes / Responsible editors V.V. Bocharov, V.A. Popov. SPb. : Center for Informatization of Education “KIO”, 2019. (In Rus)
10. Polonskaya I.N. Tradition: from sacred foundations to modernity. Rostov-on-Don : Publishing House of the Rostov University, 2006. (In Rus)
11. Polanyi K. The Great Transformation: political and economic origins of our time. SPb. : Aleteya, 2002. (In Rus)
12. Polivaeva N. P., Berenov A. R., Shumarov A. P. Dominants of spiritual and moral values of cadets of departmental higher education (experience of empirical research) // Central Russian Bulletin of Social Sciences [Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk]. 2021. N 1. Vol. 16. P. 57–72. (In Rus)
13. Resnyansky S.I. The origins of the formation of the spiritual and moral space of the individual // Bulletin of State and Municipal Administration [Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya]. 2019. N 1. Vol. 8. P. 14–20. (In Rus)
14. Traditions and innovations in modern Russia: a sociological analysis of interaction and dynamics : monograph / ed. A.B. Hoffman. M. : ROSSPEN, 2008. (In Rus)
15. Babadzan A. Culturalism, Neo-liberalism and the State: The Rise and Fall of Neotraditionalist Ideologies in the South Pacific // Rata E., Openshaw R. Public Policy and Ethnicity — the politics of Ethnic Boundary Making. NY : Palgrave Macmillan, 2006. P. 43–65.
16. David-Fox M. Multiple Modernities vs. Neo-Traditionalism: On Recent Debates in Russian and Soviet History // Yearbooks for the History of Eastern Europe [Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas]. 2006. Vol. 54. N 4. P. 535–555.
17. Friedman J. Cultural identity and global process. London : Sage Publications Ltd, 1994.

18. Kroeber A. L., Kluckhohn C. Culture: a Critical Review of Concepts and Definitions. Cambridge : Papers of the Peabody museum of American archeology and ethnology, Harvard University, 1952.
19. Yakovlev A., Antonov I., Fedorov S. (Neo)traditionalism as a form of cultural identity of the inhabitants of Yakutsk // International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019). Dordrecht : Atlantis Press, 2019. P. 809–813.

About the authors:

Svetlana V. Bukalova Associate Professor at the Central Russian Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russian Federation), PhD in History; stl1612@yandex.ru.

Kseniya G. Merkulova Associate Professor at the Central Russian Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russian Federation), PhD in Political Sciences; merkulovakg@mail.ru

К вопросу о формировании общегражданской идентичности

Гущ В. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; guschvl07@rambler.ru

РЕФЕРАТ

Настоящая статья посвящена вопросу формирования общегражданской идентичности многонационального российского общества. В статье анализируется комплекс факторов, влияющих на становление общегражданской идентичности и солидаризации общества на идеях, лежащих в основе формирования кода общегражданской культурной целостности.

По мнению автора, общегражданская идентичность является первоисточком смысла, лежащего в основе строительства единой политической нации. Общегражданская идентичность, являясь инструментом «soft power», позволит российской государственности усилить свои позиции в информационной борьбе за формирование идейных трендов, оказывающих влияние на основы консенсусного диалога, что позволит разрешить комплекс негативных явлений, препятствующих формированию единого общегосударственного самосознания граждан.

Ключевые слова: идентичность, государство, политическая нация, идеология, политическая система, гражданское общество, мультикультурализм, глобализация, цивилизация

Для цитирования: Гущ В. В. К вопросу о формировании общегражданской идентичности // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 36–42.

On the Question of the Formation of a General Civil Identity

Vladimir V. Gushch

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; guschvl07@rambler.ru

ABSTRACT

This article is devoted to the formation of the General civil identity of a multinational Russian society. The article analyzes a set of factors that influence the formation of a common civil identity and the solidarization of society based on the ideas that underlie the formation of the code of supranational cultural integrity.

According to the author, supranational civil identity is the source of the meaning underlying the construction of a single supranational political nation. The General civil identity, being a tool of “soft power”, will allow the Russian state to strengthen its position in the information struggle for the formation of ideological trends that influence the foundations of a consensus dialogue, which will allow resolving a set of negative phenomena that prevent the formation of a unified national identity of citizens.

Keywords: identity, state, political nation, ideology, political system, civil society, multiculturalism, globalization, civilization

For citing: Gushch V.V. On the Question of the Formation of a General Civil Identity // Administrative consulting. 2021. N 4. P. 36–42.

На современном этапе развития мировой цивилизации проблема суверенитета государств и надгосударственных образований, вступая на новый виток поляриза-

ции дуального процесса зависимостей между идейно-нравственным суверенитетом акторов и глобальным распределением полномочий в рамках международной экономической кооперации, приобретает все большую актуальность. В связи с этим возникает вопрос, каким образом будет осуществляться формирование общегражданской культурной идентичности, которая, не угрожая личности индивида, позволит сформировать суверенный общегосударственный ментальный код, отражающий многообразие индивидуальностей.

К сожалению, приходится констатировать, что в настоящий момент российская государственность, застряв в состоянии транзита, не всегда способна ответить на существенные вопросы, накопившиеся внутри российского общества, что приводит к серьезным девиациям, разрушающим основные представления о норме и консенсусе в общественном диалоге. Подобную ситуацию можно назвать затянувшейся аномией¹.

Так, согласно определению Э. Дюркгейма, аномия является «атрибутом переходного состояния индустриального социоэкономического порядка, когда рухнули традиционные «механические» формы морального авторитета, при которых каждый человек «знал свое место» в иерархии социальных позиций и ценностей, а новый свободный самоуправляемый порядок дисциплинированного морального индивидуализма, порождающий «органическую солидарность» между людьми, еще не установился» [2].

На этом основании можно утверждать, что «транзитное» состояние аномии, в котором в настоящий момент находится российская государственность, с одной стороны, является вынужденной необходимостью, обеспечивающей плавный переход из состояния дуальной поляризации в состояние постепенной трансформации общественного самосознания, с другой — историческим шансом, наконец-то, избавиться от обвинений во всех реальных и мифических грехах. В том числе и за динамичное государственное строительство, которое не всегда реализовывалось посредством инструментов дипломатических побед, принимая во внимание, что «за 300 лет царствования династии Романовых Российская империя расширялась со скоростью 140 кв. км в день, демонстрируя беспрецедентный по динамике территориальный рост» [1, с. 186].

Здесь важно отметить, что Россия — правопреемница Российской империи и СССР — взяла на себя помимо исторического статуса «правопреемника» и все негативные последствия, являющиеся для нее существенным имиджевым бременем. К таким негативным явлениям, на наш взгляд, можно отнести: ограничения по национальному и религиозному признаку в имперский период — это «черта оседлости», переход иноверцев в православие для интеграции в государственные системы; в советское время — репрессии по национальному и сословному признаку, уничтожение этнической и религиозной идентичности и т. п. Такое положение загоняет российскую государственность под «медвежьи тренды» имиджевой привлекательности, что косвенным образом отражается и на статусе современных российских элит. Однако следует признать, что, несмотря на тщательные старания, пропагандистские «рупоры» не в состоянии остановить падение авторитета управленческой элиты и реализуемых ею государственных проектов в области *«soft*

¹ Аномия (греч. ἀνομία — беззаконие) — состояние общества, характеризующее дезорганизацией социальных норм и институтов, неопределенностью и нестабильностью условий человеческого действия, а также расхождением между провозглашаемыми обществом целями и доступностью для массы людей законных средств их достижения... характеризующееся деморализацией, ослаблением связи с обществом, переживанием беспочвенности, отчужденности от людей, пустоты жизни и т. п., которое является причиной распространения в обществе девиантного поведения и роста самоубийств БРЭ 2005–2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/sociology/text/695311> (дата обращения: 28.10.2020).

power» даже внутри страны. В известной мере это происходит из-за отсутствия реального, нового, общепринятого в российском обществе, а также общепризнанного на глобальном (международном) уровне наднационального, суверенного культурно-нравственного проекта общегражданской идентичности.

По этой причине глобальный геостратегический проект, реализуемый российской управленческой элитой, так называемый русский мир, не опираясь в политическом процессе на эффективный инструментарий «мягкой силы», теряет свою привлекательность как в рамках самой Российской Федерации (особенно в национальных перифериях), так и за ее пределами — в государствах, ранее входивших в состав СССР. Примеров, подтверждающих эту тенденцию, множество — Казахстан, с его лингвистической реформой¹, Украина, Беларусь, страны Балтии и даже республика Армения, где периодически вспыхивают молодежные антироссийские митинги (не следует путать с антирусскими настроениями). Необходимо различать антирусские настроения, которые нередко встречаются в национальных перифериях РФ, и антироссийские настроения, которые присутствуют как в самой России, так и за ее пределами.

Также важно отметить, что на протяжении веков у западной цивилизации сформировались свои устойчивые стереотипы в представлении о российской государственности. Таким примером может служить распространенное представление о России, как об «империи зла»². Поэтому старая формула, часто приписываемая С. К. Бжезинскому: «новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России...»³, на Всемирном экономическом форуме в Давосе (2020) приобрела новую жизнь. Так, в своем докладе профессор исторического факультета Еврейского университета в Иерусалиме Ю. Н. Харари из «глобального мира» исключил Россию на том основании, что, по его мнению, «мир сейчас означает неправдоподобность войны»⁴, и «большинство стран, с некоторыми исключениями, например, Россией, даже не мечтают о завоевании и аннексии соседей...»⁵.

В связи с таким посылом извне, вопрос о внутренней консолидации общества приобретает первостепенное значение. Однако на протяжении последних десятилетий РФ постепенно утрачивает свою общегражданскую идентичность. На наш взгляд, во многом данный процесс протекает под натиском идеи глобализации, которая одновременно привлекает и обнищавшее российское население, и элиты, ориентированные на аккумуляцию капитала за пределами российской локации. Необходимо подчеркнуть, что затронутая проблематика будоражит умы не только гражданского общества, государственного аппарата, но также и представителей традиционных религиозных организаций. Так, например, некоторые представители РПЦ Московского Патриархата активно поддерживают идеи экуменизма: «уже не-

¹ Морозов А. Языковая реформа в Казахстане: латиница раздора или сближения? // ИАИ и НЖ «Евразия.Эксперт». 27.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/yazykovaya-reforma-v-kazakhstan-latinitsa/> (дата обращения: 20.02.2021).

² Выражение «империя зла» давно уже стало политическим клише после речи президента США Рональда Рейгана перед Национальной ассоциацией евангелистов во Флориде 8 марта 1983 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portalostranah.ru/view.php?id=450> (дата обращения: 29.11.2020).

³ «Против России, за счет России и на обломках России»: Збигнев Бжезинский привез в Ярославль новую идею // ИА REX 09.09.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://iarex.ru/news/19347.html> (дата обращения: 29.11.2020).

⁴ Юваль Н. Х. О пяти главных проблемах человечества: полная версия выступления Юваля Ноя Харари на всемирном экономическом форуме в Давосе // Электронный еженедельный журнал «Новый взгляд». 31.01.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://nv.ua/opinion/recommends/budushchee-mira-yuval-noy-harari-o-tom-chto-zhdet-chelovechestvo-v-21-veke-poslednie-novosti-50066647.html> (дата обращения: 16.10.2020).

⁵ Там же.

сколько лет в РПЦ налажен студенческий обмен между духовными учебными заведениями России и Запада»¹. Цель этого обмена — создание «нового поколения священнослужителей РПЦ, оторванного от тысячелетней традиции русского Православия и святоотеческого богословия и воспитанного в либеральных экуменических прозападных парадигмах»².

Следует обратить внимание и на такой факт, что в связи с ослаблением общегосударственного кода культурной идентичности, который является стержнем в деле строительства политической нации, бюрократический аппарат, отвечая на этот вызов, опираясь на пропаганду в СМИ, пытается в качестве стержня предложить, например, идеологизированное представление об уникальной военной мощи РФ. Таким образом, осуществляя подмену сущностного смысла интеграционных процессов, бюрократический аппарат пытается выставить это представление базовым конструктом, на основе которого, по его мнению, должна произойти консолидация российского общества. Еще Б. Спиноза в «Кратком трактате о Боге, человеке и его счастье» предупреждал, что пагубные страсти происходят из ошибочного мнения [4]. Данную закономерность, в ее разрушительном избытке, мы отчетливо можем наблюдать на примере современного российского общества, когда стержень общегосударственной культурной идентичности умышленно, или по недопониманию, подменяется пропагандой ошибочных мнений, обеленных в привлекательную форму ярких идеологем (идеализированных представлений). По мнению создателей, эти идеализированные представления в будущем должны лечь в основу новой российской суверенной идеологии. Естественно, что такой напор «пропагандистского цунами» не прибавляет привлекательности реализуемому управленческому воздействию, как в рамках РФ, так и за ее пределами.

Вполне естественно, что сложившееся положение подталкивает определенную часть управленческой элиты усиливать давление на экономические «рычаги» как внутри страны, так и за ее пределами. В отношениях с сопредельными государствами данный способ воздействия получил название «ресурсной дипломатии». Однако, по мнению некоторых экспертов, «российская дипломатия ошиблась с поиском рычагов влияния на пространстве СНГ. Пришло время искать стратегически новые подходы»³. Таким примером может служить недавний кризис в отношениях с Украиной и Белоруссией. На внутриполитическом контуре, в отношении собственных граждан, данный подход, как правило, успешно реализуется через сеть кредитно-банковских и микрозаймовых организаций, которые загнав население в денежную кабалу, лишают его, таким образом, гражданской активности. Однако следует отметить, что данный способ управленческого воздействия, с одной стороны, ограничен размером раздуваемого кредитного пузыря, который в конечном итоге лопнув, может привести к очагам социальной напряженности, с другой — минимальными финансово-денежными активами, под которые банки готовы выдавать микрозаймы населению.

И конечно, следует обратить внимание: в постиндустриальном обществе, в связи с кризисом перепроизводства, ресурсный фактор в материальном эквиваленте становится вторичным по отношению к миру идей, пусть даже и постмодернистских, сектантских и т.п. Эти идеи, будучи непонятыми многими, тем не менее не лишены привлекательности для обывателя. В связи с этим в обществе актуализируется запрос на поиски «смысла» вне парадигмы ценностей, тиражируемых официальными пред-

¹ Каверин Н. В Русской Православной Церкви создается новое поколение экуменических священнослужителей // Православный журнал «Благодатный огонь». 28.11.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.blagodon.ru/digest/777/> (дата обращения: 19.10.2020).

² Там же.

³ Халдей А. Почему ресурсная дипломатия России потерпела крах в СНГ? // ИА REGNUM 28.01.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2842188.html> (дата обращения: 22.12.2020).

ставителями государствообразующих социальных систем: РПЦ, ДУМ, Росмолодежь и пр. Данные поиски изначально являются благим намерением, но, к сожалению, не всегда благие намерения способны привести человека к желаемому результату — духовному росту. Выходя за пределы сформированного государственным центрами силы далеко не идеального информационного пространства, человек может попасть в западню всевозможных псевдорелигиозных, синтетических информационных сетей, которые активно используют запрос общества на «свежую» истину, неискаженную бюрократическим или процентно-банковским бременем — духом рыночной экономики. Наиболее отчетливо данные закономерности прослеживаются в молодежной среде, о чем свидетельствует процентный рост молодежи в различных сектантских и экстремистских организациях. Известно, что «молодежь составляет основной костяк экстремистских группировок — от 80 до 90%»¹.

Следует также отметить, что из-за опережающего развития современных информационных технологий, область распространения тех или иных деструктивных идеологий теперь фактически не ограничена ни этническими, ни образовательными, ни территориальными, ни религиозными и др. факторами, которые еще 10 лет назад являлись определенным барьером. Так, в регионах Северного Кавказа в подавляющем большинстве был распространен псевдоваххабизм, в СПб и МСК — «Белое братство», «Свидетели Иеговы» и т.д. Сейчас можно обнаружить ваххабита из СПб и леворадикального анархиста из Рутульского района Республики Дагестан.

Допустим, что посыл приведенных выше аргументов, на первый взгляд, может показаться оторванным от сущностных основ государственного строительства. Однако следует признать, что нереализованные запросы на справедливость, безопасность и осмысленность жизни и т.п. в рамках единого государства не позволяют государственной машине сформировать реальный, признанный и принятый обществом образ «идеального гражданина», который, пользуясь авторитетом в народной среде, располагает статусным положением в государственной аппаратной системе. При отсутствии единой общегражданской культурной идентичности невозможно сформулировать модель «идеального гражданина», в связи с этим у государства и общества ослабляется нравственно-культурный иммунитет и, как результат — этические нормы в обществе перестают являться основами архетипа. Подобным образом приоритет естественного морально-нравственного права, так называемый «концептуальный идеал», подменяется искаженными бюрократическими представлениями о законности, тем самым понижая авторитет государства, как в глазах жителей России, так и в глазах мирового сообщества [3].

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что при отсутствии в обществе единой культурной целостности и нравственного иммунитета, внутри самого государственного управленческого аппарата этические нормы и правовые ограничения по существу перестают действовать. Их место замещают неписанные законы аппаратной борьбы и корпоративно-клановой системы, которые окончательно отрывают управленческую элиту от мира общегражданских идей, направляя ее усилия на создание групп влияния, обеспечение клановых интересов или удовлетворение культа избыточного единоличного потребления. Таким примером может служить клан Арашуковых, для которого интересы общества и самого государства являлись вторичными². Не без

¹ Проблемы противодействия экстремизму в молодежной среде // Управление по молодежной политике мэрии города Ярославля. 10.04.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://yarp.ru/events/2770-problemi-protivodeystviya-ekstremizmu-v-molodezhnoy-srede> (дата обращения: 20.10.2020).

² Девятова П. Крах «газового олигарха». Откуда богатство и влияние клана Арашуковых? // Электронная газета «АиФ». 17.02.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/money/corruption/krah_gazovogo_oligarha_otkuda_bogatstvo_i_vliyanie_klana_arashukovyh (дата обращения: 20.10.2020).

основания можно утверждать, что в условиях единообразия управленческой системы данные явления не являются лишь девиациями отдельных личностей или «погрешностями» управленческой системы. В конечном итоге это приводит к тому, что система государственного и муниципального управления начинает тиражировать внутри себя «обезличенных» аппаратчиков, которые, прикрываясь статусом госслужащих, блокируют инициативы, предлагаемые даже Президентом страны. Таким образом «обезличенные» аппаратчики создают разрыв, который вызывает искажение управленческого импульса между запросом, посылаемым снизу — обществом, и закономерной реакцией в высших эшелонах государственной власти. Следует отметить, что данная тенденция уже косвенно прослеживается в современных определениях государства, неоднократно озвученных представителями авторитетных центров силы, которые оказывают существенное влияние на формирование протекающих управленческих воздействий. Так, в формулировках вышеозначенных акторов управленческого процесса, определение государства сводится к представлению о нем, как о цифровой платформе, т.е. отчетливо прослеживается тенденция деперсонализации органов государственной власти в сфере их прямых компетенций. По нашему мнению, такой подход отражает не сущность государства, а лишь пытается сконцентрировать внимание на некоторых (наиболее негативных) реперных точках. Получается, что государство — это набор управленческих институций, технологий и бюрократических систем, позволяющих оказывать деперсонализированное управленческое воздействие доминирующих надгосударственных элитарных групп на субъект управления (территорию, население и т.д.), в том числе посредством легального или полулегального репрессивного аппарата — ЧВК и пр. Такое переформатированное определение государства, вживляемое заинтересованными бенефициарами извне, запускает механизм отчуждения прав народов, проживающих в рамках единой страны. В настоящее время можно отчетливо наблюдать, как выявленная закономерность проявляется на Ближнем Востоке и на некоторых территориях бывшего СССР. Реализация данного негативного сценария возможна лишь после разрушения культурного кода общегражданской идентичности, так как именно в нем и происходит формирование идей, которые в дальнейшем могут послужить элементами фундамента, сформированного для становления нравственного иммунитета общества. Любое разрушение основ государственности начинается с разрушения главного бастиона, который призван отвечать на вопросы: кто мы такие как политическая нация? И для чего мы здесь все вместе собрались? Сущностная сила слова, вышедшая из недр общественного сознания, способна оказывать позитивное влияние на гармонизацию социально-политического процесса.

В заключение отметим, что на современном этапе своего развития российский многонациональный народ находится на исторической развилке, и дальнейший путь развития российской государственности обусловлен историческим выбором, который зависит от качества формируемого и реализуемого проекта общегражданской идентичности. Данный вывод подтверждает исторический бекграунд, который условно можно разделить на несколько переломных этапов: от язычества до православия, трансформировавшегося в Российской империи в цезаропапизм; от цезаропапизма до военного коммунизма; от военного коммунизма до развитого социализма; от развитого социализма до «дикого» капитализма. Анализируя пунктирно очерченные нами исторические вехи, следует обратить внимание на то, что некоторые из представленных выше идеологических формаций на первоначальном этапе встречали отчаянное сопротивление части общества. Однако в конечном итоге население принимало формационные сломы, постепенно интернируясь во вновь созданные государством общественно-социальные системы (институты), где интегративным мостом, связывающим два противоположных полюса и позволяющим обществу перейти через идеологическую пропасть — от старого к новому — выступала иллюзия, дающая надежду реализовать

запрос, исходящий из народных недр, о социальной справедливости. Отсюда можно сделать вывод, что иллюзия о реализации социальной справедливости и является основной осью, на которой формируется код общегражданской идентичности, позволяющий обществу мобилизоваться и выйти из состояния транзитной формационной неопределенности, не заблудившись в коридорах исторического процесса.

Литература

1. Геллер М. Я. История Российской империи: в 3 т. М. : «МИК», 1997. Т. 1.
2. Дюркгейм Д. Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996. 430 с.
3. Прошина Е. М., Гуш В. В. Концептуальный идеал как фактор гармонизации управленческого процесса // Управленческое консультирование. 2019. № 7. С. 25–38.
4. Спиноза Б. О Боге, человеке и его счастье. СПб. : Азбука, 2018. 448 с.

Об авторе:

Гуш Владимир Владимирович, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; guschvl07@rambler.ru

References

1. Geller M.Ya. History of the Russian Empire: in 3 vols. M. : «MIK», 1997. Vol. 1. (In Rus)
2. Durkheim D.E. On the division of social labor. M. : Kanon, 1996. 430 p. (In Rus)
3. Proshina E.M., Gushch V.V. The Conceptual Ideal on the Harmonization of the Management Process // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 7. P. 25–38. (In Rus)
4. Spinoza B. About God, man and his happiness. SPb. : Azbuka, 2018. 448 p. (In Rus)

About the author:

Vladimir V. Gushch, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; guschvl07@rambler.ru

Турецкий фактор в отношениях России и Казахстана в контексте евразийской интеграции

Шумилов М. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; mshumilov@mail.ru

РЕФЕРАТ

Сегодня странам — участницам Евразийского экономического союза (ЕАЭС) приходится реагировать на комплекс вызовов и угроз, затрудняющих поступательное развитие региональной интеграции. В их числе и проблемы взаимоотношений самих стран-членов, оказавшихся в условиях пандемии коронавируса в непростой ситуации. Это никак не умаляет огромный потенциал евразийской интеграции и возможность расширения круга заинтересованных участников данного проекта. По этой причине Россия и Казахстан обязаны всемерно оберегать сложившиеся между ними конструктивные, союзнические, братские отношения, тем более что от этого во многом зависит успех евразийской интеграции в целом. Совокупность объективных факторов и обстоятельств, в числе которых — распространение Турцией своего влияния в Центральной Азии, подвергает российско-казахстанские отношения определенным испытаниям. Реализуемый Турцией и ее тюркоязычными партнерами проект «Великий Туран» несет в себе для России определенные риски. Выяснение связанных с этим обстоятельств стало целью настоящего исследования. При этом внимание автора сосредоточено на развитии российско-казахстанских экономических отношений в контексте реализации евразийского интеграционного проекта. Разоблачается миф о том, что ЕАЭС представляет собой политизированный институт, инспирируемый «имперскими элитами» России. Вскрывая и подвергая анализу существующий конфликт интересов, определенные расхождения в понимании тактических задач национального развития, автор свидетельствует, что конфликтный потенциал в отношениях России и Казахстана надежно купирован как руководителями государств, так и высоким уровнем добрососедства и народного волеизъявления и не имеет перспективы обострения. Одновременно обоснован вывод о том, что никакие проблемные вопросы российско-казахстанских отношений не в состоянии обесценить позитивные перспективы евразийской интеграции. Автор также стремится обосновать тезис о неспособности турецкого фактора причинить ущерб российско-казахстанским отношениям и евразийскому проекту в целом. Более того, автор пытается подвести объективную платформу под утверждение о совместимости и возможности сопряжения евразийского и общетюркского интеграционного проектов.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Высший Евразийский экономический совет, Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) / Тюркский совет, экономическая интеграция, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), пантюркизм, Центральная Азия

Для цитирования: Шумилов М. М. Турецкий фактор в отношениях России и Казахстана в контексте евразийской интеграции // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 43–63.

The Turkish Factor in Relations between Russia and Kazakhstan in the Context of Eurasian Integration

Mikhail M. Shumilov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; mshumilov@mail.ru

ABSTRACT

Today, the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU) have to respond to a set of challenges and threats that hinder the progressive development of regional integration. Among them are the problems of relations between the member countries themselves, who found themselves in a difficult situation in the context of the coronavirus pandemic. This does not detract from the huge potential of Eurasian integration and the possibility of expanding the range of interested participants in this project. For this reason, Russia and Kazakhstan are obliged to fully protect the constructive, allied, fraternal relations that have developed between them, especially since the success of Eurasian integration as a whole largely depends on this. The combination of objective factors and circumstances, including the spread of Turkey's influence in Central Asia, puts Russian-Kazakh relations to certain tests. The Great Turan project, implemented by Turkey and its Turkic-speaking partners, carries certain risks for Russia. The purpose of this study is to clarify the circumstances related to this. At the same time, the author focuses on the development of Russian-Kazakh economic relations in the context of the implementation of the Eurasian integration project. It exposes the myth that the EEU is a politicized institution inspired by the "imperial elites" of Russia. Revealing and analyzing the existing conflict of interests, certain differences in the understanding of the tactical tasks of national development, the author shows that the conflict potential in relations between Russia and Kazakhstan is reliably stopped both by the leaders of the states and by the high level of good-neighborliness and popular will and has no prospects of aggravation. At the same time, the conclusion is justified that no problematic issues of Russian-Kazakh relations can devalue the positive prospects for Eurasian integration. The author also seeks to substantiate the thesis about the inability of the Turkish factor to cause damage to Russian-Kazakh relations and the Eurasian project as a whole. Moreover, the author tries to bring an objective platform under the statement about the compatibility and the possibility of interfacing the Eurasian and all-Turkic integration projects.

Keywords: The Eurasian Economic Union (EAEU), The Supreme Eurasian Economic Council, The Eurasian Economic Commission (EEC), The Cooperation Council of Turkic-Speaking States (Turkic Council), economic integration, foreign direct investment (FDI), Pan-Turkism, Central Asia

For citing: Shumilov M. M. The Turkish Factor in Relations between Russia and Kazakhstan in the Context of Eurasian Integration // Administrative consulting. 2021. N 4. P. 43–63.

Несмотря на очевидные экономические успехи стран — участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС), их намерение сформировать к 2025 г. общие энергетический и финансовый рынки, в последнее время довольно часто звучат пессимистические нотки относительно текущего состояния дел и перспектив евразийского выбора России, Беларуси и Казахстана. Влияние мировой рыночной конъюнктуры, недобросовестная конкуренция со стороны третьих стран, антироссийские санкции, дисбалансы в торговле самих участников ЕАЭС дестабилизируют отношения между ними и препятствуют проведению единой промышленной и сельскохозяйственной политики. Кризис неолиберальной экономической модели сдерживает приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в новейшие отрасли промышленности. Повсеместно отмечается спад деловой активности, рост безработицы, продолжается ухудшение показателей качества жизни населения.

Порой возникают и остро проявляются трения в отношениях государств, являющихся членами — учредителями ЕАЭС. Это осложняет не только их взаимодействие, но и процесс евразийской интеграции в целом. Так, недавно казахстанская сторона в резких тонах отреагировала на необдуманные слова председателя комитета Госдумы РФ по образованию и науке В. А. Никонова о том, что «территория Казахстана — это большой подарок со стороны России»¹. В результате в МИД

¹ Половинко В. Шибануло заземлением // Новая газета. 2020. 16 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/12/16/88408-shibanulo-zazemleniem>; «Большая неделя»; Казахстанцы обсуждают высказывания российских депутатов // Хабар NEWS.

Казахстана вызвали временного поверенного в делах России Александра Комарова, которому вручили ноту протеста. Следует признать, что в этом демарше проявилась нетерпимость постсоветского политического класса Казахстана к любым покушениям на суверенитет своей страны¹.

Подобные инциденты случались и прежде. Так, в 2014 г. в Министерство иностранных дел Казахстана приглашали посла России М.Н. Бочарникова для объяснений. Поводом стали слова председателя Верховного совета Республики Хакасия Владимира Штыгашева о том, что в 1930-е гг. Россия отдала республике часть своих территорий. В том же году Астана² также намеревалась направить Москве ноту протеста с просьбой разъяснить позицию российских властей в связи с заявлением политика Эдуарда Лимонова о том, что часть Казахстана должна отойти к РФ³.

5 января 2021 г. президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев опубликовал в газете *Egemen Qazaqstan* статью «Независимость превыше всего», где вновь заявил об исторических правах казахов на территорию своей страны, которую им «никто извне» не отдавал⁴. Отметив крайне осторожный тон статьи и ее обращенность внутренней аудитории, репортер Алма-Атинского бюро Азаттыка⁵ и специальный корреспондент отдела политики «Новой газеты» Вячеслав Половинко приписал казахстанскому лидеру открытое заигрывание с национал-патриотическими силами в стране, гнев которых «дошел до того, что они чуть ли не открыто призвали бойкотировать главный государственный телеканал „Хабар“»⁶. Другой либеральный журналист, Аркадий Дубнов, тоже увидел в поведении К.-Ж. Токаева попытку «оседлать национальную повестку дня», обратив в свою пользу «имперские инвективы, идущие из Москвы». По его словам, «антироссийские фобии в Казахстане, усилившиеся после выступления Никонова и проч., стали обыденным контентом казахоязычного сегмента социальных сетей страны»⁷.

Показательно, что с «левых» позиций в адрес Нур-Султана звучит та же самая критика. Так, сопредседатель Социалистического движения Казахстана Айнуур Курманов приписал руководству своей страны участие в реализации через националистическую агентуру русофобского курса. По его словам, оно добивается отмены официального статуса русского языка, поддерживает кампанию декоммунизации, «которая на самом деле является кампанией дерусификации. Это превращает Ка-

2020. 20 декабря [Электронный ресурс]. URL: [https://www.youtube.com/watch?v=CiGsXkRSL38&feature=emb_title_\(дата обращения: 20.01.2021\)](https://www.youtube.com/watch?v=CiGsXkRSL38&feature=emb_title_(дата обращения: 20.01.2021)).

¹ Центральная Азия на пороге перемен. Беседа с журналистом и историком Евгением Трифоновым // ФЕЙГИН LIVE. 2021. 4 января [Электронный ресурс]. URL: [https://www.youtube.com/watch?v=EM-FJlZ8yKY_\(дата обращения: 20.01.2021\)](https://www.youtube.com/watch?v=EM-FJlZ8yKY_(дата обращения: 20.01.2021)).

² 23 марта 2019 г. столица РК Астана была переименована в Нур-Султан.

³ Казахстан предъявил территориальные претензии к России, КНР и Узбекистану? // ИА REGNUM. 2017. 14 сентября [Электронный ресурс]. URL: [https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/2321766.html?utm_source=turbo_turbo_\(дата обращения: 20.01.2021\)](https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/2321766.html?utm_source=turbo_turbo_(дата обращения: 20.01.2021)).

⁴ Токаев К.-Ж. Тәуелсіздік бәрінен қымбат // *Egemen Qazaqstan*. 5 Қаңтар, 2021 [Электронный ресурс]. URL: [https://egemen.kz/article/260146-tauelsizdik-barinen-qymbat_\(дата обращения: 20.01.2021\)](https://egemen.kz/article/260146-tauelsizdik-barinen-qymbat_(дата обращения: 20.01.2021)).

⁵ Казахская редакция «Свободной Европы» / Радио «Свобода» (RFE/RL).

⁶ Половинко В. Король Севера. Президент Казахстана ответил на желание «единороссов» отобрать у республики северные регионы, косвенно обвинив Россию в массовом голоде столетней давности // Новая газета. 2021. 5 января [Электронный ресурс]. URL: [https://novayagazeta-ru.turbopages.org/novayagazeta.ru/s/articles/2021/01/05/88612-imperskosti-nanosyat-otvetnyy-udar_\(дата обращения: 20.01.2021\)](https://novayagazeta-ru.turbopages.org/novayagazeta.ru/s/articles/2021/01/05/88612-imperskosti-nanosyat-otvetnyy-udar_(дата обращения: 20.01.2021)).

⁷ Дубнов А. В Казахстане становится интересно... // Эхо Москвы. 2021. 5 января [Электронный ресурс]. URL: [https://echo.msk.ru/blog/dubnov/2769182-echo/\(дата обращения: 20.01.2021\)](https://echo.msk.ru/blog/dubnov/2769182-echo/(дата обращения: 20.01.2021)).

захстан во враждебное России государство. И эта тенденция только усиливается»¹. Обостряя дискурс, левоконсервативный российский экономист М. Г. Делягин сетует на «политическое бесправие» русских в Казахстане по причине замещения ключевых должностей представителями титульного этноса. При этом он безосновательно демонизирует братскую республику как зону феодализма и деградации, из которой русских якобы выгнали, а культуру обнулили².

Все эти сентенции вступают в прямое противоречие с заверениями К.-Ж. Токаева о полиэтничности, как конкурентном преимуществе республики, отсутствии в ней по этой причине серьезных межэтнических конфликтов и сохранении межэтнического согласия, как важной задачи не только для государственных органов, но и для каждого казахстанца. Более того, настаивая на долге и обязанности каждого гражданина знать «государственный язык», президент Казахстана возражает против любых ограничений «для использования других языков, особенно русского» и демонстрирует приверженность курсу на создание для всех народов Казахстана возможностей «для сохранения своих традиций и развития языков»³. Сегодня в Казахстане проживает свыше 3,5 млн русских, их доля в общей численности населения республики составляет почти 19%. По словам К.-Ж. Токаева, они пользуются всеми правами и являются неотъемлемой частью казахстанцев — единого народа, единой нации⁴.

Как же на самом деле складываются российско-казахстанские отношения в контексте реализации евразийского интеграционного проекта? Представляет ли собой ЕАЭС политизированный институт и предмет вдохновения исключительно «имперских элит» РФ? Действительно ли глубина расхождения интересов России и Казахстана такова, что конфликтный потенциал в двусторонних отношениях способен в перспективе обесценить высокий уровень нынешнего добрососедства? Какова степень влияния проблемных вопросов двусторонних отношений на состояние и перспективы евразийской интеграции? Подорывает ли турецкий фактор российско-казахстанские отношения и евразийский проект в целом? Подобные вопросы неизменно возникают в кругах как отечественных, так и зарубежных исследователей [7; 8; 9].

В поиске ответов на поставленные вопросы необходимо признать наличие объективных причин, снижающих способность России играть роль лидера евразийской интеграции. В этом отношении интерес представляет критическое суждение начальника аналитической службы внешней разведки КГБ СССР (1973–1991) Н. С. Леонова, который акцентирует внимание на отсутствии у нашей страны цели развития, ее незначительном удельном весе в мировой экономике, сокращении населения, неспособности выработать единый народнохозяйственный механизм, расхищении государственного добра и бюджетных средств вследствие масштабной коррупции⁵.

¹ Аксенов С. Союзники 2021: Приграничный спор России и Казахстана угрожает ЕАЭС // Свободная пресса. 2021. 2 января [Электронный ресурс]. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/286313/> (дата обращения: 20.01.2021).

² Сентябрь-2021: свержение Путина? // ИА Аврора. 2021. 5 января [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=41fgjZl-0Q> (дата обращения: 20.01.2021).

³ Токаев К.-Ж. Тәуелсіздік бәрінен қымбат // Egemen Qazaqstan. 5 Қаңтар, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://egemen.kz/article/260146-tauelsizdik-barinen-qymbat> (дата обращения: 20.01.2021); Широкое применение казахского языка не означает ограничений для других языков — Касым-Жомарт Токаев // МИА «Казинформ». 2021. 5 января [Электронный ресурс]. URL: https://www.inform.kz/ru/shirokoe-primenenie-kazahskogo-yazyka-ne-oznachaet-ogranicheniy-dlya-drugih-yazykov-kasym-zhomart-tokayev_a3737260 (дата обращения: 20.01.2021).

⁴ Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев: В Казахстане нет понятия «национальное меньшинство» // Комсомольская правда. 2020. 3 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27137/4228949> (дата обращения: 20.01.2021).

⁵ Генерал Николай Леонов: у нас нет ответа на вопрос «Куда идет Россия» // АиФ. 2021. 2 января [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/politics/world/general_nikolay_leonov_u_nas_net_otveta_na_vopros_kuda_idet_rossiya (дата обращения: 20.01.2021).

У России не только отсутствует образ будущего. Правительство страны фактически провалило национальные проекты, «майские указы» президента, а также «Стратегию-2020». Так, Комитет по бюджету и налогам Госдумы РФ в своем заключении на поправки в федеральный бюджет 2019 г. поставил под сомнение эффективность исполнения государственных программ по причине отсутствия согласованного межведомственного взаимодействия, несоблюдения сроков согласования, низкой эффективности¹. В январе 2020 г. Счетная палата опубликовала доклады о проверке исполнения 8 из 13 нацпроектов. Во всех были обнаружены ошибки, сдвинутые сроки исполнения мероприятий и ведомственная несогласованность. Тогда же на Гайдаровском форуме председатель правления ООО «УК «РОСНАНО» А.Б. Чубайс, подводя итоги реализации Стратегии инновационного развития России, честно признал: «Если не уходить в дипломатию, то провалено все»². В мае 2020 г. секретарь Совета Безопасности России Н.П. Патрушев заявил о многочисленных, в основном коррупционных, нарушениях при реализации нацпроектов³.

За 30 лет не произошло заметных структурных изменений в экономике. Низкий показатель нормы накопления капитала — на уровне 21% — упрямо свидетельствует о хозяйственном застое. Сохраняется высокая зависимость от сырьевого сектора. Если в 2010 г. на добычу сырья приходилось 34,1% промышленного производства, то в 2018 г. уже 38,9%⁴.

Доля нефтегазовых доходов в общих поступлениях доходов федерального бюджета в 2019 г. составила свыше 40%. К ним Минфин относит поступления от налога на добычу полезных ископаемых на нефть и газ, экспортных таможенных пошлин на энергоносители и налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья, который применялся на отдельных месторождениях⁵. С учетом же поступлений от налога на прибыль нефтегазовых компаний или НДС в нефтегазовой отрасли, импортных пошлин, а также НДС и налогов с импорта, который в основном оплачивается доходами от продажи сырья, данный показатель придется существенно увеличить.

В первом полугодии 2020 г. доля нефтегазовых доходов в бюджете РФ упала до 29,3%. Одновременно увеличились ненафтегазовые поступления. Однако радости по этому поводу испытывать не приходится, поскольку дополнительные деньги пришли от разовой продажи доли государства в Сбербанке, от продажи прав на долю квот вылова водных биоресурсов, а также от продажи золота за границу из-за отказа ЦБ РФ пополнять резервы⁶. К тому же в 2020 г. доходы федерального бюджета снизились почти на 15%.

¹ Захарченко А. Итог известен: Правительство Медведева провалит национальные проекты? // Свободная пресса. 2019. 19 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://svpressa.ru/economy/article/235940/> (дата обращения: 20.01.2021).

² Чубайс об итогах Стратегии инновационного развития России: Провалено все // Босбалт. 2020. 15 января [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosbalt.ru/business/2020/01/15/1822719.html> (дата обращения: 20.01.2021).

³ Провал национальных проектов безнаказанным не останется // Новые Известия. 2020. 21 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://newizv.ru/turbopages.org/newizv.ru/s/article/general/21-05-2020/proval-natsionalnyh-proektov-beznakazannym-ne-ostanetsya> (дата обращения: 20.01.2021).

⁴ Королева А. Доля сырья в российской экономике достигла абсолютного рекорда // Эксперт. 2020. 18 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/turbopages.org/expert.ru/s/2020/02/18/dolya-syrya-v-rossijskoj-ekonomike-dostigla-absolyutnogo-rekorda/> (дата обращения: 20.01.2021).

⁵ Минфин подсчитал долю доходов бюджета РФ от нефти и газа в 2020–2022 годах // Прайм. 2019. 19 сентября [Электронный ресурс]. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20190919/830338839.html (дата обращения: 20.01.2021).

⁶ Российский бюджет получил уникальный доход // Взгляд. Деловая газета. 2020. 20 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/turbopages.org/vz.ru/s/economy/2020/8/20/1056074.html> (дата обращения: 20.01.2021).

Проводимая таможенно-тарифная политика в современных условиях по-прежнему направлена на вовлечение России в глобальную экономику. В условиях нарастающих кризисных проявлений в мировой политике и начавшейся деглобализации правительство страны продолжает курс на либерализацию законодательства в сфере валютного контроля и импортного тарифа ЕАЭС в соответствии с международными обязательствами перед ВТО¹. По подсчетам экс-директора НИИ статистики Росстата В.М. Симчеры, сегодня 46% ВВП России приходится на офшоры². Признанный специалист в области международных финансов, В.Ю. Катасонов, ссылаясь на официальные статистические данные ЦБ Российской Федерации по платежному балансу, указывает на ежегодный вывод ресурсов из России в размере 100–200 млрд долл., что составляет половину доходной части бюджета³.

По причине недоверия населения страны институтам власти, а также из-за высокой фискальной нагрузки значительная часть экономики находится в «серой зоне». С 2014 г. отмечается падение доходов россиян, примерно 30–40% из них получают зарплату «в конверте». Опасно обострилось противоречие «между желанием населения вернуться к более справедливой и сбалансированной модели распределения благ и элитами, желающими продолжать беспрепятственно пользоваться своим исключительным положением и обогащаться»⁴.

Одной из самых болезненных в российско-казахстанских отношениях является тема миграции из Казахстана в Россию. После 2010 г. в связи с началом функционирования Таможенного союза России, Казахстана и Беларуси произошло усиление эмиграции из Казахстана в Россию. Она увеличилась с 27 тыс. чел. в 2010 г. до 51 тыс. в 2013 г., 65 тыс. в 2015 г. и 72 тыс. в 2018 г. По данным регистрации МВД РФ, в 2019 г. 50,4 тыс. чел., прибывших из Казахстана, получили российское гражданство, еще 63,3 тыс. — вид на жительство или разрешение на проживание. Почти 30% из них имели высшее образование, а 25% — моложе 29 лет.

Однако в этих процессах следует видеть не проявления русофобии и злонамеренности казахстанских властей, а продолжительный объективный тренд. Его особенностью является то, что треть эмигрантов составляют этнические казахи. Главная причина их отъезда — более высокий уровень жизни⁵ и лучшие возможности для самореализации в России. При этом не менее 50–60%, уезжавших в Россию на работу и учебу, намереваются остаться на ПМЖ. В результате казахская общи-

¹ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и плановый период 2020 и 2021 годов // Минфин России [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=124752-osnovnye_napravleniya_byudzhetnoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_na_2019_god_i_na_planovyi_period_2020_i_2021_godov (дата обращения: 15.12.2020); Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов // Минфин России [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=128344-osnovnye_napravleniya_byudzhetnoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_na_2020_god_i_na_planovyi_period_2021_i_2022_godov (дата обращения: 20.01.2021).

² Чуйков А. Съели Россию офшорные волки // Аргументы недели. 2020. 18 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://argumenti.ru.turbopages.org/argumenti.ru/s/society/2020/02/650972> (дата обращения: 20.01.2021).

³ Возможно ли реальное воссоздание СССР? Е.Ю. Спицын и В.Ю. Катасонов на Красной линии // Красная Линия. 2020. 30 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TbShNaOE8v8> (дата обращения: 20.01.2021).

⁴ Михаил Хазин: Путин готовится принять неожиданное решение для будущего России // Век. 2021. 14 января [Электронный ресурс]. URL: <https://wek.ru/mixail-xazin-putin-gotovitsya-prinyat-neozhidannoe-reshenie-dlya-budushhego-rossii> (дата обращения: 20.01.2021).

⁵ По оценкам Всемирного банка, в 2019 г. ВВП на душу населения в Казахстане составлял 0,83 от российского уровня (9731 долл. против 11 585 долл.).

на в РФ постоянно увеличивается «в отличие от иноэтничных сообществ Казахстана, которые имеют тенденцию к сокращению»¹.

Наряду с изменением этнического состава населения происходит снижение кадрового потенциала Казахстана. Одновременно здесь нарастает диспропорция между перенаселенным югом и все более пустынным севером страны². Переселение в города малообразованного исламизированного сельского населения из южных районов провоцирует дальнейший отток в Россию не только русских, но и определенной части казахов³.

Сегодня Казахстан движется по пути обретения собственной национальной идентичности и переопределения на ее основе своей государственности. Определенное влияние на эти процессы оказывает Турция, стремящаяся к объединению тюркоязычного мира в качестве естественной зоны собственных геополитических интересов, выстраиванию с тюркоязычными странами отношений на началах турецкого лидерства и закреплению за собой роли «одного из новых мусульманских центров модернизационного ислама» [2]⁴. При турецком содействии в Казахстане строятся мечети, учителя многих медресе и имамы проходят регулярное обучение в Турции. Успешным проектом казахстанско-турецкого сотрудничества в сфере образования и культуры являются Международный казахско-турецкий университет и около 30 казахско-турецких лицеев [4, с. 86; 5]⁵. В целом успешно развиваются турецко-казахстанские экономические отношения. Сотни турецких фирм, работающих в Казахстане, в основном задействованы в строительстве, в области телекоммуникаций, текстильной промышленности. В 2020 г. объем взаимной торговли составил 2,6 млрд долл.

В 2018 г. Казахстан и Турция подписали соглашение о военном сотрудничестве, ставшее весомым дополнением к двустороннему договору о дружбе и сотрудничестве от 17 октября 1994 г. и Договору о стратегическом партнерстве между Республикой Казахстан и Турецкой Республикой от 22 октября 2009 г. К настоящему времени сформирована основа для взаимодействия военных ведомств, совместного развития оборонной промышленности, обучения и подготовки военных кадров, проведения учений, транзита военного имущества через воздушное пространство, оказания медицинской помощи, проведения научных и технических исследований. К.-Ж. Токаев высоко оценил участие Турции в урегулировании многолетнего конфликта в Нагорном Карабахе. Исходя из этого, он отметил, что в последние годы влияние Турции на международной арене возросло⁶.

Руководитель Центра европейских и американских исследований МНК «Астана» Марат Лаумулин отмечает, что в Центральной Азии (ЦА) Анкара продвигает идею общего для нее и стран региона языка, форсирует переход с кириллицы на ла-

¹ Мендкович Н. Причины эмиграции из Казахстана — цифры и факты // ИАЦ МГУ. 2020. 18 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/nikita-mendkovich/prichiny-emigratsii-iz-kazakhstan-tsifry-i-fakty/> (дата обращения: 20.01.2021).

² Шибутков М. Миграция из Казахстана в Россию: сколько, кто и почему // ИА REGNUM. 2017. 26 июля [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/analytics/author/marat_shibutov.html (дата обращения: 20.01.2021).

³ Центральная Азия на пороге перемен.

⁴ См. также: Сатпаев Д. Центральная Азия: риски, вызовы и возможности // FORBES. 2019. 12 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://forbes.kz/process/expertise/tsentralnaya_aziya_riski_vyzovy_i_vozmozhnosti/ (дата обращения: 20.01.2021).

⁵ См. также: Лаумулин М. Т. Место и роль Турции в современном мире // Международный научный комплекс «Астана». 2019. 15 сентября [Электронный ресурс]. URL: <http://isca.kz/ru/analytics-ru/3478> (дата обращения: 20.01.2021).

⁶ Президент Казахстана: Влияние Турции возросло // EurAsia Daily. 2021. 1 января [Электронный ресурс]. URL: <https://easaily.com/ru/news/2021/01/01/prezident-kazahstana-vliyanie-turcii-vozroslo> (дата обращения: 20.01.2021).

тиницу¹, «стремится утвердить себя в ЦА в качестве нового центра культурного и политического притяжения, и даже, возможно, мотора альтернативного российскому общетюркского интеграционного проекта»². «На протяжении 30 лет, — вторит ему российский тюрколог В. А. Аватков, — Турция делала все для продвижения пантюркизма, который подразумевает интеграцию „тюркского пространства“ по турецким правилам. Речь идет о тотальной интеграции во всех сферах и на всех интеграционных платформах. В культуре — Организация тюркской культуры (Тюркской). В образовании и науке, где была создана единая Тюркская академия наук. В политике через Тюркскую парламентскую ассамблею. Ну и через многие другие органы. И делает весьма успешно — одним из последних успехов стал, например, переход Казахстана на латиницу по турецкому образцу»³.

В свою очередь, сотрудничество с Анкарой и расширяющуюся интеграцию в рамках тюркского мира Астана использует в целях ослабления экономического, политического и гуманитарного влияния Москвы и Пекина, а значит, «укрепления национальной идентичности казахов»⁴. Несомненно, что протурецкие симпатии позволяют правящим элитам страны парировать угрозу со стороны радикального исламизма, чуждого традиционной родоплеменной структуре казахов. При этом, как справедливо отмечает конфликтолог Александр Халдей, «тюркский национализм» становится неизбежным следствием формирования «национального самосознания казахов, со всеми издержками этого процесса»⁵.

Действительно, являясь наряду с Азербайджаном, Киргизией, Турцией и Узбекистаном членом Совета сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет), Казахстан участвовал в создании в мае 2019 г. Тюркской торговой и промышленной палаты. Он также планирует вместе с партнерами запустить совместный Тюркский инвестиционный фонд для финансирования различных проектов в тюркоязычных странах и поддерживать местный бизнес. В настоящее время секретариат организации ведет разработку стратегической программы «Тюркское видение — 2040». В апреле 2020 г. на внеочередном саммите ССТГ президент Казахстана К.-Ж. Токаев сравнил Тюркский совет с полноценной многосторонней платформой, укрепляющей благодаря совместным усилиям свой международный авторитет и влияние.

Безусловно, реализуемый Турцией и ее центральноазиатскими партнерами проект «Великий Туран» несет в себе для России определенные риски. Но не более того. По нашему мнению, излишне радикальными представляются выводы М. Г. Делягина о том, что данный проект угрожает самому существованию России⁶, а также экспертов Института Русских стратегий, по мнению которых Турция намерена стать альтернативным центром геополитической сборки Евразийского региона в ущерб российскому интеграционному проекту⁷, что «угро-

¹ Процесс перехода Казахстана на латинский алфавит власти республики запустили в 2017 г. и планируют завершить к середине 2020-х гг.

² Лаумулин М. Т. Место и роль Турции в современном мире.

³ Эрдоган строит «тюркский мир» в зоне жизненных интересов России // Взгляд. Деловая газета. 2020. 19 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://vz-ru.turbopages.org/vz-ru/s/world/2020/10/19/1065785.html> (дата обращения: 20.01.2021).

⁴ Лаумулин М. Т. Место и роль Турции в современном мире.

⁵ Халдей А. Реальность конфликта России и Казахстана? // Русское Агентство Новостей. 2018. 25 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://новости-казахстана.ru-an.info/новости/конфликт-россии-и-казахстана-прямая-угроза-военной-безопасности-россии-со-стороны-казахстана/> (дата обращения: 20.01.2021).

⁶ Сентябрь-2021: свержение Путина?

⁷ Турция пытается вернуть статус центра Евразии // РУССТРАТ. 2021. 21 января [Электронный ресурс]. URL: https://russtrat.ru/comments/21-yanvary-2021-1135-2749?utm_source=politobzor.net (дата обращения: 20.02.2021).

жает целостности России и идет вразрез с ее целями в Закавказье и Средней Азии»¹.

Более взвешенное мнение по данному вопросу излагает В. А. Аватков, утверждающий, что многочисленные тюркские народы, локализованные в РФ и ЦА, «сохранили намного больше традиций, чем Турция. И именно Россия, а не Турция, является центром тюркоязычного пространства»². Вместе с тем исходя из конфронтационной логики противостояния турецкой угрозе, этот автор рекомендует России занять оборонительную позицию, сосредоточиться на защите собственных тюркоязычных субъектов от влияния Турции, политика которой якобы направлена «на разрушение самобытности и подмену российских идеологий противоположными по смыслу идеями». Одновременно он призывает к поиску баланса с Турцией, но при этом не раскрывает возможную компромиссную основу взаимодействия с этой страной [1, с. 45–46].

Отмечая определенное увлечение казахстанских элит идеями пантюркизма, было бы ошибкой видеть в этом их опорную точку противодействия евразийскому проекту. Напротив, недоразумения между участниками ЕАЭС возникают исключительно по конкретным поводам, касающимся отдельных аспектов самого интеграционного процесса. Так, в мае 2020 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) К.-Ж. Токаев в весьма критических тонах высказался о проекте документа «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». По его словам, «предлагаемые в Стратегии “гармонизация и унификация” законодательства, в части установления правовой ответственности — административной и уголовной, в ряде отраслей, речь идет о таможенном деле, техническом регулировании, защите прав потребителей» не отвечали принципу «необходимой достаточности». Он призвал к ограничению функционала Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), прежде всего, в части ее участия в двусторонних переговорах государств-членов с третьими странами по вопросам торговли услугами и инвестиций. Президент Казахстана также выступил противником расширения сферы компетенций ЕЭК за счет таких вопросов, как здравоохранение, образование и наука, поскольку видел в этом искажение экономического характера деятельности ЕАЭС. Кроме того, Токаев высказался за обновление кадрового состава ЕЭК, в соответствии с принципом профессионализма в ущерб действующему, согласно которому главную роль в отборе кадров на замещение исполнительских должностей играют представители России, как страны с максимальным долевым участием в финансировании наднационального органа ЕАЭС. Неудивительно, что по итогам саммита документ «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» был одобрен в основном, но не принят. Правительствам стран-участниц и Комиссии было поручено доработать Стратегию³.

¹ Российско-турецкие отношения в контексте перспектив новой Османской империи // РУССТРАТ. 2020. 30 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://russtrat.ru/reports/30-noyabrya-2020-0010-2306> (дата обращения: 20.01.2021).

² Эрдоган строит «тюркский мир» в зоне жизненных интересов России.

³ Ергалиев Г. «Токаев резко высказался о предлагаемой стратегии развития ЕАЭС, увидев в ней ограничение суверенитета» // ZONAKZ. 2020. 25 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://zonakz.net/2020/05/25/tokaev-rezko-vyskazalsya-o-predlagaemoj-strategii-razvitiya-eaes-uvidev-v-nej-ogranichenie-suvereniteta/> (дата обращения: 20.01.2021); Президент Казахстана выступил на заседании Высшего Евразийского экономического совета [Электронный ресурс] // KAZINFORM. 2020. 19 мая. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6XsjCZOY04U>; О чем говорил Касым-Жомарт Токаев на заседании Высшего Евразийского экономического совета // Казахстанская правда. 2020. 19 мая [Электронный ресурс]. URL: https://www.kazpravda.kz/news/prezident2/o-chem-govoril-kasim-zhomart-tokaev-na-zasedanii-vysshego-evraziiskogo-ekonomicheskogo-soveta_ (дата обращения: 20.01.2021).

Даже открытые противники евразийской интеграции в обоснование своей критики ЕАЭС приводят «материалистические» аргументы. Так, комментируя выступление своего президента, некоторые из них усмотрели в его содержании проявление недоверия к якобы чуждой интересам Казахстана структуре — ЕАЭС. В частности, директор неправительственной консалтинговой организации «Группа оценки рисков» Досым Сатпаев отметил в нем рассчитанное на внутреннюю аудиторию выражение экспертных настроений противников создания ЕАЭС, изначально определявших его как геополитический проект России и «экономическую ловушку» для Казахстана: «Казахстанский бизнес, может быть, в 2014 г. имел какие-то определенные надежды на появление ЕАЭС — были обещания Назарбаева, что казахстанский бизнес получит доступ на 170-миллионный рынок. Все это оказалось мифом, потому что Россия стала активно закрывать свой рынок, проводить разные нетрадиционные методы регулирования. Конфликт Запада и России подлил масла в огонь еще больше, создавая проблемы для казахстанских, белорусских производителей»¹. Вторя ему, казахстанский политолог Ерлани Саиров акцентировал внимание на отрицательном сальдо баланса в торговле между Казахстаном и Россией в 2019 г. в размере свыше 8 млрд долл. Отсюда его критика ЕАЭС: «Не может быть Союза, где одни только выигрывают, другие проигрывают, везде должен быть баланс интересов»². Мотивируя необходимость разрыва с ЕАЭС, Д. Сатпаев также отмечал прямое или косвенное влияние на Казахстан любого ужесточения западных санкций против России³.

На первый взгляд, изложенные аргументы за выход из ЕАЭС имели под собой объективную основу. Однако при более внимательном рассмотрении, ни один из них не являлся «камнем преткновения» в двусторонних отношениях. Это вскоре продемонстрировали лидеры двух стран, обсудившие по телефону проблемные вопросы взаимодействия в рамках ВЕЭС⁴. Затем К.-Ж. Токаев дал интервью «Комсомольской правде», в котором подчеркнул, что дальнейшее развитие интеграции в рамках ЕАЭС, ОДКБ и ШНГ остается приоритетным направлением развития Казахстана. Он не отрицал, что «порой в ЕАЭС, даже на самом высоком уровне, бывают острые дискуссии», но при этом обусловил их необходимость «общим стремлением сделать союз более успешным, авторитетным, привлекательным. Ведь равнодушие — это верный признак деградации»⁵. Данный кейс обесценивает вывод В. А. Аваткова о том, что контакты России с тюркскими государствами постсоветского пространства остаются разрозненными и все еще «не приобрели структурную и долгосрочную основу, которая гарантировала бы в перспективе реализацию интересов и России, и этих государств» [1, с. 46].

В Казахстане не могут отрицать, что Таможенный кодекс ЕАЭС 2018 г. позволил вдвое сократить сроки таможенных операций и в шесть раз — сроки выпуска то-

¹ Калмурат А. «Токаев пытается продемонстрировать, что у него есть собственный голос» совета // Радио Азаттык. 2020. 20 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-dossym-satpayev-interview-eurasian-union-strategy-tokayev/30623760.html> (дата обращения: 20.01.2021).

² Ергалиев Г. «Токаев резко высказался о предлагаемой стратегии развития ЕАЭС, увидев в ней ограничение суверенитета» // ZONAKz. 2020. 25 мая.

³ Досым Сатпаев: Как сложатся отношения между Казахстаном и США после выборов? // FORBES. 2020. 11 ноября [Электронный ресурс]. URL: https://forbes.kz/process/expertise/dosyim_satpaev_kak_slojatsya_otnosheniya_mejdu_kazahstanom_i_ssha_posle_vyiborov/ (дата обращения: 20.01.2021).

⁴ Леонард П. Члены ЕАЭС делают разноречивые заявления по поводу целесообразности блока // Eurasianet, США. 2020. 9 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/economic/20200609/247578007.html> (дата обращения: 20.01.2021).

⁵ Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев: В Казахстане нет понятия «национальное меньшинство».

варов¹. Здесь признают очевидные успехи России в цифровизации таможенных операций и налогового администрирования, а также в применении технологий больших данных².

За время функционирования ЕАЭС взаимная торговля Казахстана с партнерами выросла на 33%, в том числе экспорт — на 25%. Приток инвестиций из стран ЕАЭС составил до 6% в общем объеме ПИИ. Количество совместных предприятий увеличилось в два раза и составляет сегодня около 13 тыс.³ При этом РФ является главным внешнеторговым партнером Республики Казахстан. На нее же приходится свыше 90% всей торговли Астаны со странами ЕАЭС. В Казахстане успешно работают свыше 7000 российских компаний и около 3500 совместных казахстанско-российских предприятий. Реализуются совместные проекты в приоритетных отраслях экономики. К примеру, в 2018 г. российской компанией «Полиметалл» запущено Бакырчикское горнодобывающее предприятие с объемом инвестиций 418 млн, запланирована совместная реализация 53-х инвестиционных проектов на сумму 6,6 млрд долл.⁴.

Вместе с тем показатели табл. 1 не дают оснований для победных реляций. Неудивительно, что товарооборот Казахстана со всеми партнерами по ЕАЭС за 10 лет тоже мало изменился: в 2011 г. он составил 23 млрд долл., а в 2019 г. — 21,7 млрд. Из них на Россию приходилось 97 и 93% соответственно⁵.

Надо признать и то, что объем ПИИ из России в экономику Казахстана — 15,7 млрд долл. — сильно уступает европейским и американским инвестициям. По данным Национального банка Республики Казахстан, за 30 лет весь объем ПИИ в Казахстан составил порядка 350 млрд, в том числе в 2018 г. — 24,3 млрд, а в 2019 г. — 24,1 млрд. При этом в 2019 г. пятерка стран с наибольшим объемом ПИИ осталась неизменной. Больше всего в экономику Казахстана вложили инвесторы из Нидерландов — 7,3 млрд долл. (с долей 30,2%)⁶. Далее расположились инвесторы из США — 5,5 млрд долл. (23,0%), Швейцарии — 2,2 млрд. Китайские инвесторы потеснили партнеров из России и заняли 4-е место — 1,7 млрд долл. (7,0%), в то время как РФ замкнула пятерку лидеров — 1,4 млрд (5,8%)⁷. По состоянию же на 1 января 2020 г., крупнейшими странами по объему накопленных в Казахстане инвестиций, превышающему 10 млрд долл., являются шесть государств — Нидерланды, США, Великобритания, Китай, Франция и Россия. На них приходится 75% накопленных инвестиций всех видов в экономику республики, в том числе 80% — ПИИ, 94,5% — портфельных инвестиций и 44,2% — прочих инвестиций [3].

¹ Коннов М. Союз разрушимый // Лента.ru. 2020. 10 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/10/10/eaeu/> (дата обращения: 20.01.2021).

² Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев: В Казахстане нет понятия «национальное меньшинство».

³ Токаев выступил на заседании Высшего Евразийского экономического совета // NUR.KZ. 2020. 11 декабря [Электронный ресурс]. URL: https://www.nur.kz/politics/1889089-tokayev-vystupil-na-zasedanii-vyssego-evrazijskogo-ekonomicheskogo-soveta/?utm_source=clipboard&utm_medium=article-fragment (дата обращения: 20.01.2021).

⁴ Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев: В Казахстане нет понятия «национальное меньшинство».

⁵ Коннов М. Союз разрушимый.

⁶ В отношении Нидерландов важно уточнить, что юрисдикция этой страны традиционно используется транснациональными и казахстанскими компаниями для создания дочерних подразделений, которые выступают в качестве иностранных инвесторов в Казахстане, прежде всего, в крупнейших нефтегазовых проектах.

⁷ Объем валового притока иностранных инвестиций в Казахстан достиг 350 млрд долл. // FORBES. 2020. 8 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://forbes.kz/news/2020/04/08/newsid_222885 (дата обращения: 20.01.2021).

Торговля между Россией и Казахстаном (млн долл.)
 Table 1. Trade between Russia and Kazakhstan (\$ million)

Год	Товарооборот России с Казахстаном	Экспорт России в Казахстан	Импорт России из Казахстана
2011	20 678	14 099	6579
2012	25 793	15 722	10 071
2013	23 519	17 632	5887
2014	21 051	13 892	7159
2015	15 550	10 769	4782
2016	13 039	9427	3612
2017	20 140	11 470	8670
2018	18 219	12 923	5296
2019	19 622	14 051	5571

Источники: Внешняя торговля России // russian-trade.com. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016-01/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kazahstanom-v-2011-g/>; <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016-03/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kazahstanom-v-2012-g/>; <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016-03/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kazahstanom-v-2013-g/>; <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016-04/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kazahstanom-v-2014-g/>; <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016-05/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kazahstanom-v-2015-g/>; <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2017-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kazahstanom-v-2016-g/>; <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kazahstanom-v-2018-g/>; <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kazahstanom-v-2019-g/>; Товарооборот России и Республики Казахстан: Кто больше? // Экспортеры России. 2018. 4 июля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusexporter.ru/news/detail/7075/> (дата обращения: 20.01.2021).

На этом фоне вследствие ослабления инвестиционного потенциала Турции ее экономическое сотрудничество со странами ЦА, включая Казахстан, было менее масштабным (см.: табл. 2). В последнее время доля товарооборота Казахстана и Турции составляет лишь 2,5% от общего внешнеторгового оборота РК. Более того, в экспорте республики в турецком направлении преобладает сырье (94%)¹.

Впрочем, было бы неверно недооценивать инвестиционные возможности Турции. Достаточно сказать, что в 2019 г. турецкие предприниматели вложили в казахстанские объекты рекордную сумму — порядка 358 млн долл. Сегодня турецкие инвесторы реализуют ряд проектов в сфере транспорта (строительство аэропорта), машиностроения (производство бытовой техники), химии (производство кальцинированной соды), ГМК (геологоразведка), туризма (гостиничные комплексы), а также четыре проекта в сфере здравоохранения (больницы и диагностический центр). Крупнейшим из них является завод по производству 144 тыс. т ферросилиция в год в Карагандинской области².

В данном контексте несомненный интерес представляют данные опроса граждан Казахстана, свидетельствующие о слабости антироссийских и антиевразийских настроений в стране. Хотя в 2017 г. в странах ЕАЭС было зафиксировано снижение общественной поддержки евразийской интеграции, катастрофы не произошло.

¹ Лаумулин М. Т. Место и роль Турции в современном мире.

² Объем валового притока иностранных инвестиций в Казахстан достиг 350 млрд долл.

Торговля между Казахстаном и Турцией (млн долл.)
 Table 2. Trade between Kazakhstan and Turkey (\$ million)

Год	Товарооборот Казахстана с Турцией	Экспорт Казахстана в Турцию	Импорт Казахстана из Турции
2015	1900	1100	750
2016	1469	851	618
2017	1976	1147	729
2018	1900	1242	655
2019	2206	1400	806

Источники: Шибутон М. «Мягкая сила» Турции: современное состояние казахстано-турецких отношений // ИА REGNUM. 2018. 30 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/2440405.html> Чем привлекателен рынок Турции для Казахстана? // Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен». 2016. 13 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://atameken.kz/ru/articles/22328>; Товарооборот между Казахстаном и Турцией 2017 // MCheng. 2018. 1 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.kazdata.kz/import-export/tovarooborot-mezhdu-kazahstanom-i-turciej-2017.html>; Товарооборот между Казахстаном и Турцией в 2018 году составил 1,9 млрд долл. // Turan Times. 2019. 24 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://turantimes.kz/ekonomika/6979-tovarooborot-mezhdu-kazahstanom-i-turciej-v-2018-godu-sostavil-19-mlrd.html>; В прошлом году Турция увеличила товарооборот с Казахстаном // Trend, Баку. 2020. 19 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trend.az/world/turkey/3194094.html> (дата обращения: 20.01.2021).

Если в России соответствующий показатель уменьшился с 78 до 68%, то в Казахстане — с 80 до 76%¹. Впрочем, приукрашивать ситуацию тоже не стоит. Согласно январскому (2019) опросу ВЦИОМ, только 12% россиян имели адекватное представление об ЕАЭС. Лишь половина респондентов определила его как структуру, занимающуюся развитием торгово-экономического сотрудничества. Остальные связали функционал ЕАЭС с укреплением обороноспособности и коллективным противостоянием Западу².

Результаты социологических исследований, проведенных Институтом Евразийской интеграции (г. Нур-Султан), свидетельствуют о поддержке внешнеполитических приоритетов страны (87%), и участия Казахстана в Евразийском интеграционном проекте: 86,4% опрошенного населения и 98% экспертов одобрили участие Казахстана в ЕАЭС³. На этом основании вызывает возражение вывод Д. Сатпаева о том, что «значительная часть казахстанского населения стала более трезво оценивать деятельность ЕАЭС, понимая, что на самом деле это мертворожденная структура»⁴.

В феврале 2020 г. британский веб-сайт о международной политике и культуре

¹ Интеграционный барометр ЕАБР — 2017 // Евразийский банк развития. 2017. 6 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://eabr.org/analytics/integrationresearch/cii-reports/integratsionnyu-barometr-eabr-2017/> (дата обращения: 20.01.2021).

² Коннов М. Союз разрушимый.

³ Лаумулин М. ЕАЭС как центральный элемент полномасштабной евразийской интеграции // Международный научный комплекс «Астана». 2019. 21 мая [Электронный ресурс]. URL: <http://isca.kz/ru/analytics-ru/3435> (дата обращения: 20.01.2021).

⁴ Калмурат А. «Токаев пытается продемонстрировать, что у него есть собственный голос» совета // Радио Азаттык. 2020. 20 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-dossym-satpayev-interview-eurasian-union-strategy-tokayev/30623760.html> (дата обращения: 20.01.2021).

Геополитические ориентиры граждан Казахстана
 Table 3. Geopolitical guidelines of citizens of Kazakhstan

Страна	Сохранение отношений	Развитие отношений	Сокращение отношений
РФ	48,6	25,5	17,2
Мусульманские страны	46,5	9,9	30,2
ЕС	37,9	6,5	44,2
КНР	23,7	11,9	54,5
США	22,8	4,2	64,5

Источники: Клевцова А. Друзья и враги Казахстана, известного «непотизмом и коррупцией» // Радио Азаттык. 2020. 2 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.azattyq.org/a/press-review-kazakhstan-neighbours-geopolitical-orientations/30588605.htm>; Kazakhs are wary of neighbours bearing gifts // OPENDEMOCRACY [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/kazakhs-are-wary-neighbours-bearing-gifts/> (дата обращения: 20.01.2021).

Open Democracy исследовал отношение казахстанцев к зарубежным государствам. В результате оказалось, что за сохранение и развитие отношений с США высказалось около 27% опрошенных¹, а за их сокращение — 65%. Для России эти показатели были заметно лучше — 74 и 17% соответственно, а для мусульманских стран (прежде всего, Турции) — 56 и 30% (табл. 3).

Западные исследователи зафиксировали, что только 24% респондентов выбрали Россию в качестве образца для подражания, а 17% высказались за сокращение присутствия России в Казахстане. Безусловно, эти результаты свидетельствовали о предпочтении многими казахстанцами самостоятельной, национально-ориентированной траектории развития своей страны. Вместе с тем данные опроса не позволяют согласиться с выводом авторов о постепенной структуризации в Казахстане националистических антироссийских групп. На наш взгляд, важнее другое. Отвечая на вопрос: «Кто главный друг Казахстана?», только 0,1% указали на США и 2,5% — на Китай. Напротив, Россию назвали другом 51% казахстанцев².

Подчеркивая особую роль ЕАЭС во внешней политике Казахстана, глава Евразийского аналитического клуба Н.А. Мендкович отмечает, что незадолго перед вступлением в должность президента К.-Ж. Токаев высказывался о необходимости развития ЕАЭС, а затем повторил эту мысль в своей речи на заседании дискуссионного клуба «Валдай» в начале октября 2019 г.³ Более того, в действующей Концепции внешней политики Казахстана (2020) прямо говорится о намерении страны тесно взаимодействовать с государствами-участниками ЕАЭС, оптимизировать подходы к ведению переговорного процесса в рамках ЕАЭС в целях полноценного учета долгосрочных национальных интересов Казахстана⁴.

¹ С 2006 г. казахстанско-американские отношения приобрели статус стратегического партнерства.

² Kazakhs are wary of neighbours bearing gifts.

³ Мендкович Н. Что угрожает отношениям Казахстана с Россией и ЕАЭС // Sputnik Казахстан. 2020. 25 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kz/columnists/20200525/14062188/otnosheniya-kazakhstan-russia-eaes.html> (дата обращения: 20.01.2021).

⁴ О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы. Указ Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 г. № 280 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/

По словам К.-Ж. Токаева, мнения отдельных экспертов о влиянии интеграционных процессов на государства ЕАЭС зачастую весьма субъективны и не отражают реальной ситуации. В своем выступлении на заседании ВЕЭС 11 декабря 2020 г. он заявил, что республика считает приоритетной задачей полноценную реализацию договора об интеграционном объединении. В этой связи он особое внимание уделил решению задач формирования кадрового состава ЕЭК, усиления ее ответственности и дееспособности, а также последовательной реализации странами — участниками общего транзитного потенциала с целью завершения строительства и модернизации участка автодороги Западная Европа — Западный Китай на территории России¹.

Прямым подтверждением правоты слов президента Казахстана о потенциале евразийской интеграции стало получение Узбекистаном в конце 2020 г. статуса наблюдателя при ЕАЭС. Примечательно, что годом ранее эта страна стала полноправным членом Тюркского совета. Данное решение было продиктовано, прежде всего, экономическими интересами республики. Кроме того, согласно данным опроса, проведенного незадолго до того Центром экономических исследований и реформ (ЦЭИР) при администрации президента Шавката Мирзиёева, 74% респондентов высказались в поддержку членства². По мнению Д. Сатпаева, сыграло свою роль и то, что по сравнению с Тюркским советом ЕАЭС является менее формальной структурой и опирается не столько на культурно-гуманитарное и языковое единство, сколько на согласие стран-участниц «передать часть экономического суверенитета в руки наднационального органа, как это наблюдается в ЕАЭС»³. Приветствуя евразийский выбор Узбекистана, К.-Ж. Токаев рассчитывает, что он «гармонично дополнит» отношения двух стран, «а также сотрудничество в рамках Центрально-Азиатского региона»⁴.

Война в Нагорном Карабахе актуализировала тему «турецкой угрозы» российскому влиянию на постсоветском пространстве. Большинство российских экспертов проявили беспокойство в связи с возобновлением турецкой экспансии на Южном Кавказе. Участились сетования по поводу якобы несовместимости проектов «Великого Турана» и ЕАЭС. В воображении профессора НИУ Высшей школы экономики Д. Г. Евстафьева возникла прямо-таки апокалиптическая картина «дикого поля» в зоне исторических российских интересов, на котором исчезли какие-либо институциональные основы для укрепления российского влияния, включая «бюрократические организации, от ЕАЭС до ОДКБ»⁵.

По нашему мнению, вместо того чтобы негодовать на Турцию, якобы оттягивающую на себя постсоветское пространство и инвестирующую в лояльность тюрко-

o-konceptcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody% (дата обращения: 20.01.2021).

¹ Белоруссия, Казахстан и Таджикистан возглавят интеграцию на евразийском пространстве // ТАСС. 2021. 1 января [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-raznogolosa/10395585> (дата обращения: 20.01.2021).

² Леонард П. Члены ЕАЭС делают разноречивые заявления по поводу целесообразности блока // Eurasianet, США. 2020. 9 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/economic/20200609/247578007.html> (дата обращения: 20.01.2021).

³ Сатпаев Д. Зачем Узбекистан заманивают в ЕАЭС? // FORBES. 2019. 10 октября [Электронный ресурс]. URL: https://forbes.kz/finances/integration/zachem_uzbekistan_zamanivayut_v_eaes/ (дата обращения: 20.01.2021).

⁴ Токаев выступил на заседании Высшего Евразийского экономического совета [Электронный ресурс] // NUR.KZ. 2020. 11 декабря. URL: <https://www.nur.kz/politics/1889089-tokaev-vystupil-na-zasedanii-vyssego-evrazijskogo-ekonomiceskogo-soveta/> (дата обращения: 20.01.2021).

⁵ «Дикое поле» вокруг России: Карабах, лоббисты, «испуганный» Алиев и Эрдоган [Электронный ресурс] // EurAsia Daily. 2020. 12 октября. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/10/12/dikoe-pole-vokrug-rossii-karabah-lobbisty-ispugannyy-aliev-i-erdogan> (дата обращения: 20.01.2021).

язычных народов России¹, нашей стране следует более убедительно демонстрировать собственные успехи в научном, технологическом, промышленном и социальном обновлении и через это привлекать на свою сторону республики ЦА и Закавказья. Более того, принимая во внимание, что влияние Турции на постсоветском пространстве накапливалось на протяжении трех десятилетий и обесценить его физически невозможно, следует использовать это обстоятельство в общих евразийских интересах.

Несмотря на множество частных расхождений с Турцией — великой евразийской державой — у России с ней немало общих масштабных заделов. Помимо развития торговых связей (табл. 4) партнеры запустили ряд значительных проектов. Прежде всего, речь идет о газопроводе «Турецкий поток» и АЭС «Аккую». Общий объем взаимных российско-турецких инвестиций превысил 20 млрд долл. Недавно Турецкий Фонд благосостояния заключил с Российским фондом прямых инвестиций и Фондом национального благосостояния России соглашение о создании совместного фонда с объемом инвестиций в 8,1 млрд турецких лир (900 млн евро).

Еще в 2013 г. Казахстан выступил с инициативой пригласить Турцию к участию в Таможенном союзе. У президента страны Нурсултана Назарбаева для этого были серьезные основания. Во-первых, расчет делался на усиление двустороннего товарооборота и привлечение турецких ПИИ. Во-вторых, на определенную схожесть структуры торговли КР и РФ, преобладание в их экспорте в Турцию энергоносителей и минеральных ресурсов. В-третьих, во внимание принималось то, что основные поставки из Турции в Казахстан осуществлялись через Россию. В-четвертых, приглашая Турцию к участию в евразийской интеграции, Астана намеревалась ослабить свою зависимость от Пекина и Москвы. В-пятых, Казахстан стремился к укреплению своей роли в ЕАЭС. В-шестых, он собирался таким образом стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию².

Сегодня импульсы евразийской тональности исходят и от самой Турции. В этом отношении интерес представляет заявление ее президента Реджепа Тайипа Эрдогана от 10 декабря 2020 г. о возможности создания на Южном Кавказе «платформы шести» для развития регионального сотрудничества: «Мы сегодня с моим братом (президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым — *Авт.*) обсуждали возможность создания платформы из шести стран — Азербайджана, Турции, России, Ирана, Грузии и при желании — Еревана, Армении. Это было бы хорошим сотрудничеством для развития региона»³. Обратив внимание на то, что «эрдоганова платформа» исключает из закавказских дел западные державы, в частности — сопредседателей минской группы ОБСЕ по Карабаху — США и Францию», обозреватель «Новой газеты» Павел Фельгенгауэр предположил заинтересованность в ней и Москвы, и Тегерана⁴.

Определенным шагом в данном направлении становится последовательная реализация трехсторонних договоренностей от 9 ноября 2020 г. По мнению российского президента В. В. Путина, это создает необходимые предпосылки для долго-

¹ Эрдоган строит «тюркский мир» в зоне жизненных интересов России.

² Аватков В. Казахстан во внешней политике Турции // Внешняя политика. 2014. 14 апреля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/kazakhstan-vo-vneshney-politike-turtsii/> (дата обращения: 20.01.2021).

³ Эрдоган предложил создать «платформу шести» на Южном Кавказе // РИА Новости. 2020. 10 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20201210/erdogan-1588641827.html> (дата обращения: 20.01.2021).

⁴ Фельгенгауэр П. Дорога через хаос // Новая газета. 2020. 17 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/12/17/88415-na-rasputie> (дата обращения: 20.01.2021).

Торговля между Россией и Турцией (млн долл.)

Table 4. Trade between Russia and Turkey (\$ million)

Год	Товaroоборот России с Турцией	Экспорт России в Турцию	Импорт России из Турции
2015	15 550	10 769	4782
2016	15 846	13 698	2148
2017	21 604	18 221	3383
2018	25 561	21 345	4216
2019	26 034	21 063	4971

Источники: Внешняя торговля России // russian-trade.com [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016-05/torgovlya-mezhdu-rossiye-i-turtsiye-v-2015-g/>; <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2017-02/torgovlya-mezhdu-rossiye-i-turtsiye-v-2016-g/>; <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-02/torgovlya-mezhdu-rossiye-i-turtsiye-v-2017-g/>; <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiye-i-turtsiye-v-2018-g/>; <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiye-i-turtsiye-v-2019-g/> (дата обращения: 20.01.2021).

срочного и полноформатного урегулирования застарелого конфликта на справедливой основе в интересах как армянского, так и азербайджанского народов¹. По итогам состоявшейся 11 января 2021 г. в Кремле встречи В. В. Путина с президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым и премьер-министром Армении Николом Пашиняном удалось подписать новое совместное заявление по поводу развития ситуации в Нагорном Карабахе. При этом И. Алиев выразил уверенность в том, что реализация достигнутых договоренностей, в частности, разблокирование транспортных коммуникаций отвечает интересам Азербайджана, Армении и России, придаст большой динамизм развитию региона и позволит укрепить безопасность, а также активно включиться соседним странам в создание транспортных коридоров и разветвленной сети транспортных артерий на Южном Кавказе².

Посредством транспортной коммуникации через территорию Армении Азербайджан сможет получить сообщение с Нахичеванью, а через нее — с Турцией. Для Армении через территорию Азербайджана откроются железнодорожные выходы на Россию и Иран³. В данном контексте важно отметить, в Грузии признали значительное усиление в региональной политике России и Турции и позитивно оценили новые возможности трех стран региона — Грузии, Азербайджана и Армении в восстановлении старых и открытии новых транзитных путей⁴. Заслужи-

¹ Путин: Трехсторонние договоренности по Карабаху последовательно реализуются // EurAsia Daily. 2021. 11 января [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/01/11/putin-tryohstoronnie-dogovoryonnosti-po-karabahu-posledovatelno-realizuyutsya> (дата обращения: 20.01.2021).

² Карабах будут развивать: Путин, Алиев и Пашинян приняли новое заявление // EurAsia Daily. 2021. 11 января [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/01/11/karabakh-budut-razvivat-putin-aliev-i-pashinyan-prinyali-novoe-zayavlenie> (дата обращения: 20.01.2021).

³ Азербайджан и Армения сойдутся коридорами: Ереван получит выход на Москву // EurAsia Daily. 2021. 11 января [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/01/11/azerbaydzhan-i-armeniya-soydutsya-koridorami-erevan-poluchit-vyход-na-moskvu> (дата обращения: 20.01.2021).

⁴ Хачидзе И. Россия восстанавливает «Закавказский Транссиб»: какое место обретет Грузия? // EurAsia Daily. 2021. 11 января [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/>

вает внимания и тот факт, что в состоявшемся телефонном разговоре В.В. Путина с Р. Эрдоганом российский президент проинформировал турецкого коллегу об основных итогах трехсторонней встречи лидеров России, Азербайджана и Армении 11 января в Москве. Со своей стороны, Эрдоган выразил поддержку усилиям России в русле карабахского урегулирования, высказался за продолжение координации действий Анкары и Москвы, в том числе в интересах экономического развития региона и продвижения взаимовыгодных проектов¹.

Более того, вскоре после победы Республики Азербайджан в Карабахе посол этой страны в России Полад Бюльбюль оглы заявил о возможности присоединения Азербайджана к ЕАЭС. Очевидно, что Нур-Султан окажет Баку поддержку в реализации такого намерения. «Можно вспомнить, — отмечает в этой связи экономический аналитик Олег Поляков, — что в ходе переговоров о создании ЕАЭС Армения очень хотела, чтобы предполагаемые союзом торговые режимы распространялись и на Нагорный Карабах, мотивируя это тем, что непризнанная республика является частью ее экономического пространства. Однако противником такого решения открыто выступил президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, заявивший, что Армения должна вступать в ЕАЭС в тех же границах, в которых некогда вступала в ООН, то есть без НКР. В Баку такую постановку вопроса, разумеется, категорически поприветствовали и при удобном случае вспоминают до сих пор»².

Также важно отметить, что нормализация в регионе протекает на фоне дальнейшего обострения турецко-американских отношений. Так, 14 декабря 2020 г. госсекретарь Майк Помпео объявил о введении санкций в отношении руководства Управления оборонной промышленности (SSB) Турции, включая его директора Исмаила Демира из-за приобретения Анкарой ЗПК С-400. Санкции запрещают SSB получать кредиты от американских или международных финансовых институтов, ограничивают экспортные лицензии на турецкую военную продукцию, произведенную с использованием компонентов производства США, а также инициируют замораживание виз и финансовых активов руководящего состава SSB. Тем не менее Турция выражает готовность приобрести у России вторую партию ЗПК С-400 при условии передачи ей технологий [6]³.

По мнению многих экспертов, с приходом в Белый дом Джозефа Байдена, имеющего репутацию жесткого критика Анкары, следует ожидать дальнейшего охлаждения в двусторонних отношениях. В российских СМИ обратили внимание на проявленное недовольство турецкой государственной телекомпанией TRT назначением координатором по Ближнему Востоку и Северной Африке в Совете национальной безопасности США Бретта Макгерка. Последнему, в частности, припомнили причастность к созданию арабо-курдского альянса «Сирийские демократические силы», ведущую роль в котором играют курдские «Отряды на-

news/2021/01/11/rossiya-vosstanavlivaet-zakavkazskiy-transsib-kakoe-mesto-obretet-gruziya (дата обращения: 20.01.2021).

¹ Путин посвятил Эрдогана в основные итоги трехсторонней встречи по Карабаху // EurAsia Daily. 2021. 13 января [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/01/13/putin-posvyatil-erdogana-v-osnovnye-itogi-tryohstoronney-vstrechi-po-karabahu> (дата обращения: 20.01.2021).

² Поляков О. Вечный кандидат в кандидаты: Азербайджан подает признаки сближения с ЕАЭС заявление // EurAsia Daily. 2021. 20 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/04/20/vechnyy-kandidat-v-kandidaty-azerbaydzhan-podaet-priznaki-sblizheniya-s-eaes> (дата обращения: 20.04.2021).

³ См. также: Турция обусловила закупку у России второй партии С-400 передачей технологий // EurAsia Daily. 2021. 11 января [Электронный ресурс]. URL: https://eadaily.com/ru/news/2021/01/11/turciya-obuslovila-zakupku-u-rossii-vtoroy-partii-s-400-peredachy-tehnology_ (дата обращения: 20.01.2021).

родной самообороны», определяемые официальной Анкарой террористической организацией¹.

От израильской газеты The Jerusalem Post не укрылось, что война, к которой Турция подтолкнула Азербайджан в сентябре 2020 г., имела своим результатом усиление ее сотрудничества с Россией и Ираном и одновременно обнуление позиций США на Кавказе. Вопреки разным домыслам в СМИ Турция и Россия фактически приблизились к стратегическому партнерству². В свою очередь, сотрудник Центра стратегических исследований Бегин — Садат (BESA, Израиль), турецкий аналитик Бурак Бекдил пришел к выводу о том, что закупка ЗПК С-400, а также западные оружейные эмбарго и санкции ожидаемо подтолкнут Анкару в сторону Москвы, «особенно в сфере оборонных закупок... Турция может стать первым союзником НАТО, имеющим в своем парке российские истребители»³.

Изложенный материал показывает, что в контексте реализации евразийского интеграционного проекта российско-казахстанские отношения продолжают развиваться и имеют значительные резервы для качественного роста. Возникающие в процессе двустороннего и многостороннего взаимодействия трудные и спорные вопросы в целом успешно решаются. Непосредственный опыт интеграции однозначно свидетельствует в пользу ЕАЭС, как состоявшегося и успешного института экономического развития. Важно отметить, что население стран, вовлеченных в процесс интеграции, продолжает оказывать ему доверие и поддержку.

Несмотря на сохраняющееся в последние годы отрицательное сальдо в торговле с Россией, а также негативные последствия антироссийских санкций, Казахстан стоически преодолевает эти трудности, понимая, что альтернативы общему евразийскому рынку просто не существует. В свою очередь Россия сдержанно реагирует на пантюркистские увлечения Казахстана, как, впрочем, и других стран ЦА. Оставаясь центральным государством тюркоязычного пространства, она, по всей видимости, и впредь будет терпимо относиться к подобным проявлениям самоидентификации и самореализации новых независимых государств.

Наконец, многие инициативы Турции на постсоветском пространстве тоже должны быть встречены с пониманием. В большинстве случаев их целесообразно рассматривать как турецкий аванс в общую копилку евразийского успеха. Происходящий в условиях начавшейся деглобализации развал мира на устойчивые валютные зоны потребует от всех государств переоценки национальных приоритетов и поиска новых партнеров. Учитывая ухудшение отношений Турции с США и странами ЕС, можно предположить, что продвижение Турции в направлении евразийской зоны со временем приобретет более последовательный и целенаправленный характер. Переориентация этой страны на евразийские рынки уже сегодня сулит ей очевидные выгоды, а завтра может оказаться единственной возможностью выживания в условиях обострения экономических и геополитических рисков. В этой

¹ Первый сигнал недовольства из Анкары: Байден принял «антитурецкое» решение // EurAsia Daily. 2021. 11 января [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/01/11/pervyy-signal-nedovolstva-iz-ankary-bayden-prinyal-antitureckoe-reshenie> (дата обращения: 20.01.2021).

² Цель Турции на Кавказе заключалась в усилении роли России // The Jerusalem Post, Израиль. 2021. 10 января [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210110/248879507.html> (дата обращения: 20.01.2021).

³ Bekdil B. Erdoğan's Reckless Gambit: It's Payback Time // BESA. January 10, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://besacenter.org/perspectives-papers/turkey-erdogan-caatsa-sanctions/>; «Русский роман» Эрдогана: Для Турции настает время расплаты — мнение // EurAsia Daily. 2021. 11 января [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/01/11/russkiy-roman-erdogana-dlya-turcii-nastayot-vremya-rasplaty-mnenie> (дата обращения: 20.01.2021).

связи следует отметить, что, несмотря на все перипетии, связанные с турецкой закупкой ЗРК С-400 и сохраняющимися разногласиями Москвы и Анкары по целому ряду чувствительных вопросов, геополитический крен Турции в сторону от НАТО становится все более заметным. России необходимо учитывать эти изменения и направлять ситуацию вместе с союзниками по ОДКБ и ЕАЭС в русло общих евразийских интересов.

Литература

1. *Аватков В.* Идейный фактор и тюркский элемент в политике России сквозь призму трансформации мирового порядка // *Россия и современный мир.* 2020. № 3 (108). С. 38–49.
2. *Аватков В.* Роль Турции на постсоветском пространстве // *Россия и мусульманский мир.* 2010. № 11. С. 134–147.
3. *Додонов В. Ю.* Инвестиционная активность ведущих стран мира в Казахстане // *Россия и новые государства Евразии.* 2020. № 3 (48). С. 94–113.
4. *Дружиловский С. Б., Аватков В. А.* Внешнеполитические идеологемы Турции (2002–2012 гг.) // *Обозреватель.* 2013. № 6 (281). С. 73–88.
5. *Желдыбаева А. Т.* Стратегия «мягкой силы» как инструмент политики Турции в отношении Казахстана // *Дневник Алтайской школы политических исследований.* 2018. № 34. С. 77–83.
6. *Шумилов М. М., Нуруллаев Ш. Х.* РЗК С-400 как фактор изменений в турецко-американских отношениях // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* 2019. № 2 (28). С. 93–102.
7. *Isaacs R.* Russia-Kazakhstan Relations and the Tokayev — Nazarbayev Tandem // *The Russian Analytical Digest.* 2020. № 248. P. 2–5.
8. *Kunic N.* Rusya'nın Orta Asya Politikası: Kazakistan Örneği (Russia's Central Asia Policy: The Case of Kazakhstan) // *Electronic Journal of Political Science Studies (EJPSS);* Jun 2020. Vol. 11. Is. 2. P. 56–71.
9. *Laruelle M.* Untangling the puzzle of “Russia's influence” in Kazakhstan // *Eurasian Geography and Economics.* 2019. Vol. 60. Is. 2. P. 211–243.

Об авторе:

Шумилов Михаил Михайлович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук; mshumilov@mail.ru

References

1. Avatkov V. The idea factor and the Turkic element in Russian politics through the prism of the transformation of the world order // *Russia and the modern world [Rossiya i sovremennyyi mir].* 2020. N 3 (108). P. 38–49. (In Rus).
2. Avatkov V. The role of Turkey in the post-Soviet space // *Russia and the Muslim world [Rossiya i musul'manskii mir].* 2010. N 11. P. 134–147. (In Rus).
3. Dodonov V.Yu. Investment activity of leading countries of the world in Kazakhstan // *Russia and new states of Eurasia [Rossiya i novye gosudarstva Evrazii].* 2020. N 3(48). P. 94–113. (In Rus).
4. Druzhilovsky S.B., Avatkov V.A. Foreign policy ideologies of Turkey (2002–2012) // *Observer [Obozrevatel'].* 2013. N 6 (281). P. 73–88. (In Rus).
5. Zheldybaeva A. T. Soft power strategy as an instrument of Turkey's policy towards Kazakhstan // *Diary of the Altai School of Political Studies [Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovaniy].* 2018. N 34. P. 77–83. (In Rus).
6. Shumilov M. M., Nurullaev Sh. H. S-400 missile system as a factor in changes in Turkish-American relations // *Eurasian integration: economy, law, politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika].* 2019. N 2 (28). P. 93–102. (In Rus).
7. Isaacs R. Russia-Kazakhstan Relations and the Tokayev — Nazarbayev Tandem // *The Russian Analytical Digest.* 2020. № 248. P. 2–5.

8. Kunic N. Rusya'nın Orta Asya Politikası: Kazakistan Örneği (Russia's Central Asia Policy: The Case of Kazakhstan) // Electronic Journal of Political Science Studies (EJPSS); Jun 2020. Vol. 11. Is. 2. P. 56–71.
9. Laruelle M. Untangling the puzzle of “Russia's influence” in Kazakhstan // Eurasian Geography and Economics. 2019. Vol. 60. Is. 2. P. 211–243.

About the author:

Mikhail M. Shumilov, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); mshumilov@mail.ru

Систематизация феноменов цифровизации маркетинга: концепция и пример реализации

Суслов Е. Ю. *, Минаев Д. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *suslov-ey@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена исследованию и систематизации современного состояния и развития феноменов цифровизации маркетинга. Методологическая база включает элементы общей теории маркетинга и теории информационного общества. В исследовании использовались общесистемные методы анализа, категоризации и классификации. Авторами уточнены особенности понятия «цифровизация», а также сформулирована общая концепция систематизации феноменов цифровизации маркетинга через построение многомерного морфологического ящика, базовыми классификационными срезами которого определены онтологические модели функционала маркетинга и цифровых технологий. Предложен вариант многомерного морфологического ящика, в котором маркетинговое измерение обеспечивает структуризация маркетинга по компонентам: аналитическому, креативно-синтетическому, коммуникационному и организационно-управленческому, а в качестве его «цифрового» измерения использованы классификации и онтологии международных и отечественных аналитических ресурсов. На основе предложенной модели проведена систематизация феноменов цифровизации в маркетинге и смежных областях. Дана оценка произошедшей трансформации потенциала отдельных компонентов в контексте модели DIKW.

Ключевые слова: цифровизация, технологии маркетинга, цифровая этика, функционал цифрового маркетинга, интелекtronика, онтология, DIKW

Для цитирования: Суслов Е. Ю., Минаев Д. В. Систематизация феноменов цифровизации маркетинга: концепция и пример реализации // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 64–80.

Phenomena Systematization of Marketing Digitalization: Concept and Implementation

Evgeny Yu. Suslov, Dmitry V. Minaev*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *suslov-ey@ranepa.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the research and systematization of the current state and development of marketing digitalization phenomena. The methodological base includes system-wide methods of system analysis, categorization and classification, elements from theories of general marketing and information society. This work clarifies features of the term “digitalization”, formulates a general concept of systematizing marketing digitalization phenomena through the construction of multidimensional morphological box, and defines ontological models of marketing functionality and digital technologies in all main classification cross-sections of the multidimensional morphological box. It also proposes a variant of multidimensional morphological box, where structuring by components (analytical, creative-synthetic, communication and organizational-managerial) forms marketing dimension and where classifications and ontologies of international and domestic analytical resources create its “digital” dimension. Based on this variant, current digital phenomena in marketing and related fields are systematized and passed transformation with different impact on separate components of the DIKW model is estimated.

Keywords: digitalization, marketing technologies, digital ethics, digital marketing functionality, intellectionica, ontology, DIKW

For citing: Suslov E. Yu., Minaev D. V. Phenomena Systematization of Marketing Digitalization: Concept and Implementation // Administrative consulting. 2021. N 4. P. 64–80.

Введение

Цифровизация сегодня является популярной темой исследований и обсуждений. Глобальное влияние телекоммуникаций и компьютерных технологий на общественное развитие с 70-х годов прошлого века прогнозировалось футурологами и теоретиками постиндустриального и информационного общества: С. Лемом [18], М. Порратом [22], Д. Тэпскоттом [25], Т. Умесао [27] и др. Они смогли за несколько десятилетий до событий, которые мы сейчас наблюдаем воочию, предугадать грядущие титанические сдвиги. Цифровая трансформация пронизала уже практически все отрасли и области человеческой деятельности.

Этот масштабный переход приобретает все ускоряющийся и необратимый характер. Появление первого поколения «цифровых аборигенов» относят примерно к 1980 г. Сейчас эстафету Человечества перенимает второе «поколение Z» — уже «чистокровных» цифровых аборигенов, которое погружено во все более оцифровывающийся мир с младенчества¹. «Оцифровка» постепенно охватывает мезо- и макросистемы, вплоть до формирования общей цифровой экосистемы и до появления «цифрового двойника» человека. Цивилизация фактически вступила в новую эру своего развития. Наш интерес, более узкая сфера — изучение современного состояния и перспектив развития феноменов цифровизации в маркетинге.

Взаимодействие понятий «цифровизация» и «маркетинг» порождает два направления исследований: цифровизация самого маркетинга и маркетинг «цифровизирующихся» отраслей человеческой деятельности.

Целью исследования стало раскрытие особенностей первого аспекта — проявления феномена цифровизации в маркетинге, как особом виде деятельности. Не претендуя на исчерпывающее описание, мы ставили перед собой следующие исследовательские задачи:

- проработка методологических подходов к структуризации и классификации феноменов цифровизации маркетинга (ФЦМ);
- исследование и определение набора актуальных ФЦМ;
- разработка оценочной модели систематизации ФЦМ;
- оценка влияния, которое оказали ФЦМ на маркетинговый инструментарий и на маркетинговую методологию в целом с начала эпохи цифровизации;
- выработка прогностических оценок развития ФЦМ.

Очевидно, что решение поставленных исследовательских задач требует обращения к общим методам системного анализа и синтеза, обобщения и классификации. В первую очередь, необходимо исследовать общую картину цифровизации маркетинга с позиций метаклассификации. То есть все многообразие феноменов цифровизации маркетинга привести к некоторому обобщенному системному виду. На сегодняшний день такой системной модели нами не обнаружено.

Системное представление феноменов цифровизации маркетинга позволит сделать более целенаправленными усилия сообщества маркетологов по развитию используемого инструментария, а также спрогнозировать возможные проблемные

¹ Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. On the Horizon MCB University Press. 2001. Vol. 9 N 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (дата обращения: 20.02.2021).

области и перспективы его развития, что также позволит переосмыслить саму методологию маркетинга.

До настоящего времени исследования по тематике компьютеризации и информатизации маркетинговой деятельности проводились, но были посвящены в большей мере инструментальному аспекту, отвечая на вопросы: «как использовать конкретные программные решения?», «какой софт нужно разработать, чтобы автоматизировать конкретную функцию?». Хотя встречались работы, пытающиеся в той или иной мере комплексно проанализировать программный инструментарий маркетинга [7; 8].

Публикации последнего времени все больше внимания уделяют вопросам конвергенции цифровых и маркетинговых технологий и формированию новой «цифровой» методологии маркетинга и ставят вопрос: «Как систематизировать пространство цифровизации маркетинга?».

Материалы и методы

Любой феноменологический уровень изучения предполагает выделение и категоризацию наблюдаемых явлений. Начнем с понятия «цифровизация». Цифровой (digital) в приложении к компьютерной переработке информации означает оперирование с числовой информацией. Надо отметить, что компьютеры с самого их появления работали не только с цифровыми данными, и на сегодняшний день в общем объеме перерабатываемой информации преобладает именно символьная (например — аудиовизуальная), а не цифровая.

Постепенно развивается нейросетевая компьютерная технология [12] и некоторые другие, в том числе — давно известная аналоговая. Принцип переработки информации в нейросетевых компьютерах точно не является цифровым. Но именно этой технологии прочат роль основы искусственного интеллекта — будущей технологической платформы — интеллектроники.

Термин «цифровизация» ныне бытующий в общественном дискурсе и содержательно не очень корректный, почти заслонил собой циркулировавшие ранее термины «информатизация» и «компьютеризация» [24]. Однако его появление может быть связано с желанием обозначить какой-то особый этап глобального процесса информатизации человеческого общества, которому просто пока не удалось подобрать более удачное обозначение.

В чем особенность этого этапа. В первую очередь — это переход от материальных, чаще всего бумажных носителей, к цифровым; трансформация контента в знания, которые можно обрабатывать и анализировать автоматически. Другими словами — это поступательный переход к двум верхним этажам модели DIKW: data (данные) → information (информация) → knowledge (знание) → wisdom (мудрость) [20], причем, в контексте рассматриваемой проблематики, это приближение к последним ее фазам.

Опираясь на многочисленные разработки в области определения сущности информационного общества [10; 28], мы обозначим несколько конкретных моментов, которые выделяют нынешний этап взаимодействия человечества с информационным пространством, и которые следует учитывать при интерпретации явлений цифровизации в контексте обсуждаемой нами темы:

- массовый, спонтанный и круглосуточный доступ к информационным ресурсам;
- комфортный человеко-машинный интерфейс;
- универсализация обрабатываемых типов информации (нечеткой, неполной, неформализованной и т. п.);
- появление и развитие междисциплинарных онтологий (систем знаний);
- переход от жестко алгоритмических систем к элементам человекоподобной интеллектуализации (распознавание речи и образов, ведение адаптивного и гибкого диалога, экспертные системы, самообучение и т. п.);

- информатизация эмоций (обработка и передача эмоционального взаимодействия);
- глобальная интеграция информационного пространства в масштабе планеты по всем сферам человеческой деятельности.

Это глобальные тенденции, на поверхности цифровизации мы видим ее конкретные технологические проявления: роботизацию, технологии больших данных, умных вещей и даже городов, машинное обучение, виртуальную и дополненную реальность и многое другое. Это перечисление уже есть не что иное, как спонтанно сформировавшаяся в языке категорийная феноменология конкретных технологических новаций. Учитывая это, для определения нужных нам категорий можно было бы задействовать специальные лингвистические технологии, например национальный корпус русского языка¹, и подобные зарубежные проекты. Однако использование такого базиса категоризации в нашем случае связано с определенными трудностями, так как исходные цели указанных проектов обладают избыточной универсальностью для решаемой нами задачи.

Другой, более плодотворный подход — использование онтологий — формализаций некоторой области знаний с помощью концептуальной схемы [3; 11]. Специально сформированная онтология, учитывающая концептуальную проблематику цифровизации маркетинга, могла бы решить проблему. Однако о существовании такой онтологии нам пока не известно.

В русле «онтологизации» цифровизации общества, в целом, и цифровизации маркетинга, в частности, сейчас реализуется несколько инициатив: формализованных и полуформализованных.

К формализованным можно отнести деятельность специальных международных центров по генерации онтологий в виде языков, определений, моделей и стандартов. Например: W3C² — консорциум по разработке единой онтологической нотации для описания знаний в интернете, OMG³ — группа по разработке цифровых стандартов в области деятельности. Сюда же можно отнести и стандартизацию в области коммерции (штрихкодирования, маркировки и т. п.). Но в целом, такие наработки сложно применить для целей нашего исследования, так как они носят в существенной мере узкоспециализированный характер.

В качестве примера других полуформализованных инициатив упомянем известный аналитический инструмент Hype Cycle («цикл ажиотажа») исследовательской компании Gartner⁴. Компания выявляет и проводит регулярный мониторинг организационно-технических новаций в той или иной сфере деятельности. Выявленные инструменты затем накладываются на специально разработанный шаблон жизненного цикла. Компания формирует некую упрощенную онтологию, которую вполне можно использовать для решения наших задач.

Целесообразно также использовать систему категорий, используемую крупными каталогизаторами бизнес-софта: Capterra⁵, GetApp⁶, G2 Crowd⁷, российские

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 20.02.2021).

² World Wide Web Consortium (W3C) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.w3.org> (дата обращения: 20.02.2021).

³ Object Management Group (OMG) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.omg.org/about/index.htm> (дата обращения: 20.02.2021).

⁴ Gartner Hype Cycle. Interpreting technology [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gartner.com/en/research/methodologies/gartner-hype-cycle> (дата обращения: 20.02.2021).

⁵ Интернет-сервис подбора программного обеспечения для бизнеса Capterra [Электронный ресурс]. URL: <https://capterra.com> (дата обращения: 20.02.2021).

⁶ Интернет-сервис подбора программного обеспечения для бизнеса GetApp [Электронный ресурс]. URL: <https://www.getapp.com/> (дата обращения: 20.02.2021).

⁷ Интернет-сервис подбора программного обеспечения для бизнеса G2 Crowd [Электронный ресурс]. URL: <https://www.g2.com/> (дата обращения: 20.02.2021).

LiveBusiness.ru¹, lostapp.ru², портал выбора технологий и поставщиков TAdviser³ и другие. Эксперты этих ресурсов проводят постоянную систематизацию новшеств в цифровой сфере.

Второй базой систематизации для нашего анализа является *теоретическая модель маркетинга*. Здесь ситуация складывается неоднозначно. С одной стороны, маркетинг, как теоретическая дисциплина, достиг уже достаточно высокого уровня развития. С другой стороны, до конца сложившейся и общепринятой единой теории маркетинга, на наш взгляд, на сегодняшний день не существует [6]. Есть некоторое теоретико-методологическое ядро, включающее ряд устоявшихся понятий, концепций, моделей и методов, варианты представления которого можно найти у зарубежных и отечественных авторов [5; 16; 17].

Из теоретико-методологического ядра маркетинга можно использовать ряд устоявшихся положений. Например, структуру понятийного аппарата маркетинга: «идеология маркетинга — стратегический маркетинг — оперативный маркетинг»⁴. Можно также выделять в маркетинге основные деятельностные плоскости: аналитическую, креативно-синтетическую, коммуникационную и организационно-управленческую. Можно опираться на «классику» 4P — модели: «product — price — place — promotion». Или на другие ее разновидности: 5P, 7P, 8P, 4C, 4S, 3V, вплоть до возвращения к истокам 12-компонентной модели Marketing Mix Нейла Бордена [1].

Результаты

Развивая модель систематизации феноменов цифровизации маркетинга, к исходным двум базовым основам: «цифровизация» и «маркетинг» можно добавить элементы DIKW. В результате мы получаем многомерный «морфологический ящик» [29], рис. 1.

Полное раскрытие морфологического ящика цифровизации маркетинга — дело достаточно трудоемкое. Фактическое многообразие проявлений цифровизации можно проиллюстрировать аналитическим исследованием, проведенным Capterra⁵. Исследование убедительно раскрывает общий ландшафт так называемого martech⁶.

С 2015 г. отмечался взрывообразный характер «цифровизации» маркетинга: 1876 «цифровых» инструментов маркетинга в 2015 г. против 947 в 2014. Своеобразную иллюстрацию сложившейся картины дает так же инфографика Скотта Бринкера⁷. За прошедшее с тех пор время ситуация сильно не изменилась, хотя, конечно, состав и структура ландшафта очевидно претерпели изменения.

В качестве базовой модели структуризации инструментария маркетинга используем укрупненное разделение маркетинговой деятельности на аналитическую, креа-

¹ Интернет-сервис подбора программного обеспечения для бизнеса LiveBusiness [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livebusiness.ru/> (дата обращения: 20.02.2021).

² Сервис поиска программного обеспечения [Электронный ресурс]. URL: <http://lostapp.ru/soft/capterra> (дата обращения: 20.02.2021).

³ Интернет-портал TAdviser [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tadviser.ru> (дата обращения: 20.02.2021).

⁴ Минаев Д. В. Проблемы трансферта теории маркетинга в нетрадиционные сферы приложения // Проектное и маркетинговое управление на предприятиях. СПб. : СПбГИЭУ, 2002.

⁵ The Marketing Technology Suite: A Comparison of 100 Businesses and the MarTech Software They Use [Электронный ресурс]. URL: <https://www.capterra.com/marketing-automation-software/martech-comparison-report> (дата обращения: 20.02.2021).

⁶ Martech (профессиональный жаргон, англ.) — инструментарий маркетинга (в основном подразумевается — опирающийся на технические средства).

⁷ Scott Brinker. Marketing Technology Landscape Supergraphic [Электронный ресурс]. URL: https://cdn.chiefmartec.com/wp-content/uploads/2015/01/marketing_technology_jan2015.png (дата обращения: 20.02.2021).

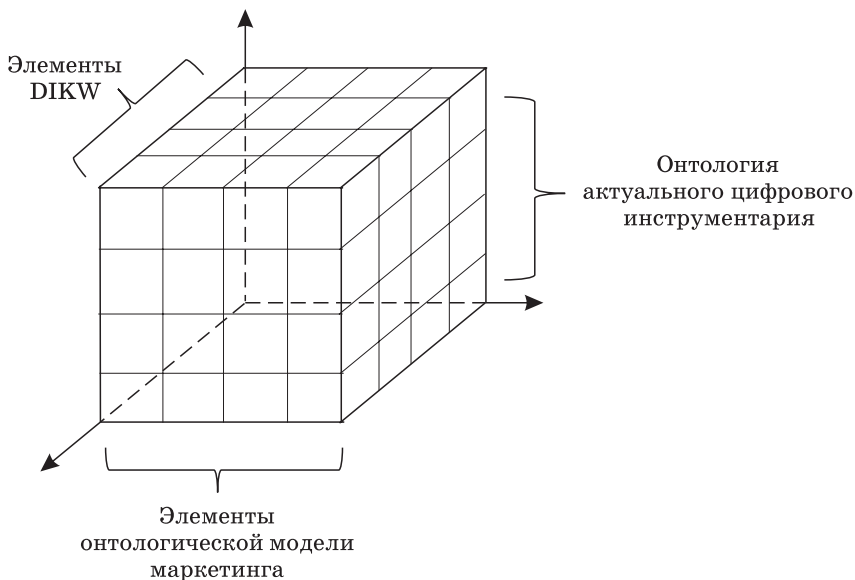

Рис. 1. Проекция морфологического ящика цифровизации маркетинга в трехмерное пространство классификаций
 Fig. 1. Projection of the morphological box in marketing digitalization into the three-dimensional classifications space

тивно-синтетическую, коммуникационную и организационно-управленческую. В качестве первичных элементов онтологии актуального цифрового инструментария примем классы маркетинговых технологий, выделенные рядом исследователей и исследовательских компаний (Gartner, Forrester, Pointillist и др.). Отразим тенденции развития процессов цифровизации по оси DIKW.

Аналитическая плоскость маркетинга реализуется в первую очередь технологиями маркетинговых исследований. Они раскрываются через совокупность различных маркетинговых моделей и через совокупность различных приемов получения, обработки и аккумулирования данных. Это традиционная и достаточно продвинутая сфера цифровизации, осваиваемая маркетингом с момента появления доступных компьютерных технологий: офисных пакетов, баз данных и статистической обработки.

Ожидаемый прогресс связан с дальнейшим развитием дата-майнинг (data mining), больших данных (big data), распознавания образов и искусственного интеллекта. В исследовании компании Gartner отмечается произошедшая за очень короткий период 2014–2018 гг. эволюция востребованных навыков маркетингового анализа¹. На смену электронным таблицам приходит программное обеспечение цифровых дисплеев и табло (tableau software). Статистическое моделирование замещается анализом, обработкой и представлением знаний (data science). Обработка данных развилась в инжиниринг данных (data engineering), а обнаружение данных в технологии аналитики больших данных (big data analytics).

Содержательно, эти тренды обусловлены ростом доступных вычислительных мощностей и инфраструктуры передачи данных, а также — совершенствованием

¹ Levy H. P. (2019). The Secret to a Genius Marketing Analytics Organization [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gartner.com/en/marketing/insights/articles/building-a-genius-marketing-analytics-organization> (дата обращения: 20.02.2021).

технологий понимания различных проявлений естественной человеческой коммуникации и продолжающейся цифровизацией присутствия человека в информационном пространстве.

Для примера упомянем программное обеспечение для опросов (survey software). Согласно исследованию¹ в 2015 г. этот инструмент применяло всего 5% из ста опрошенных компаний. Однако в 2020-м его используют уже 73% фирм-респондентов.

Коммуникационная плоскость маркетинга. Иногда этот аспект маркетинга вообще синонимично отождествляют с общим процессом цифровизации маркетинга. Очевидно, это поверхностный взгляд, но именно появление интернет-технологий, как средства коммуникации, обусловило рост уровня цифровизации маркетинга.

Компания Pointillist в 2019 г. выпустила отчет по опросу более 700 специалистов по маркетингу и аналитике по всему миру². На рис. 2 представлен уровень использования различных источников для анализа взаимодействия с клиентами по каналам.

К актуальным инструментам этого класса можно отнести формирующуюся технологию маркетинга общения (conversational marketing). Постепенно продвигаются к зрелости технологии персональной идентификации (identity resolution), блокировки рекламы (ad blocking), естественная реклама (native advertising), персонализация сайтов (personalization engines), маркетинг влияния (influencer and advocacy marketing) и верификация рекламы (ad verification).

Особо следует выделить куст технологий автоматического распознавания эмоций человека, который получил название искусственный эмоциональный интеллект (emotion AI). Это подмножество технологий искусственного интеллекта, измеряющих, понимающих, моделирующих и реагирующих на человеческие эмоции, что важно для коммуникационных процессов. Они уже активно применяются в рекламе, автоматических системах получения отзывов пользователей. В работе [23] приведены результаты исследований о влиянии эмоционального и искусственного интеллекта на производительность работников.

В связи с обсуждением коммуникативного аспекта маркетинга необходимо заострить внимание на проблематике цифровой этики (digital ethics, cyberethics) и персональной безопасности личных данных (privacy). Эта тематика активно обсуждается и входит в топ 10 стратегических трендов последнего времени [13; 14; 19; 26].

Появились совершенно новые области человеческого взаимодействия, где этические проблемы встают ребром. Упомянем этику opensource и свободного копирования, феномен «информационного пузыря» в поисковых системах, последствия доступа к персональным данным и использования искусственного интеллекта. На повестке не только привычные рассуждения об этическом поведении людей в новой цифровой реальности, но и этического поведения самих машин и программного обеспечения. Это принципиально новая проблематика. Вспомним, что еще в 1964 г. С. Лем в своем философско-футурологическом трактате «Сумма технологий» описывал возможное развитие этики думающих машин, вплоть до открытия ими этической категории Бога [18].

Цифровизация в организационно-управленческой плоскости затронула все уровни системы маркетинга. Начиная с самых общих, например, инфраструктурных: компьютерной инфраструктуры (compute infrastructure), облачных вычислений (cloud computing) и так далее. И заканчивая развитыми системными платформами: цифровыми рабочими пространствами (the digital workplace), цифровой коммерцией (digital com-

¹ The Marketing Technology Suite: A Comparison of 100 Businesses and the MarTech Software They Use [Электронный ресурс]. URL: <https://www.capterra.com/marketing-automation-software/martech-comparison-report> (дата обращения: 20.02.2021).

² 2019 State of Customer Journey Management & Measurement. Pointillist. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://myjourney.pointillist.com/rs/837-MZM-862/images/Pointillist-2019-State-of-Customer-Journey-Management-CX-Measurement-Report.pdf> (дата обращения: 20.02.2021).

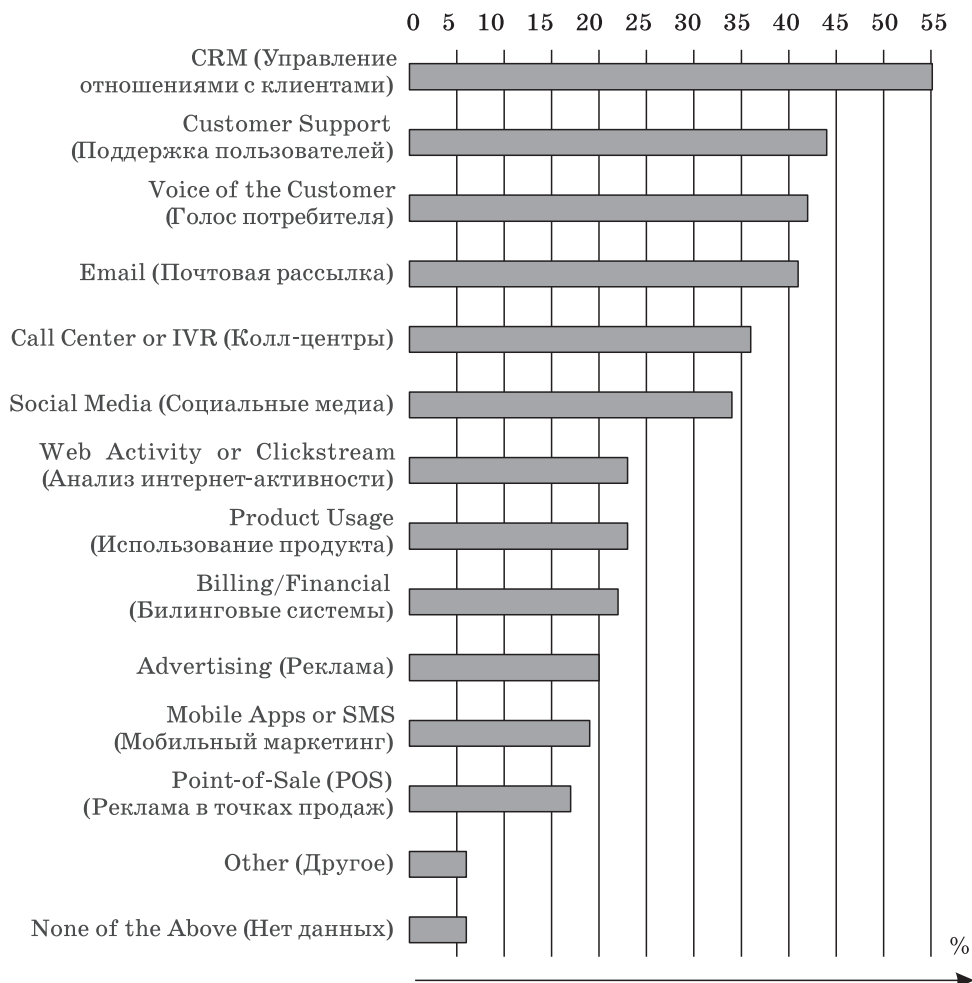

Рис. 2. Процент организаций, использующих данные для анализа взаимодействия с клиентами в разрезе каналов коммуникации

Fig. 2. Percentage of organizations that use data to analyze customer interaction by communication channels

Источник: 2019 State of Customer Journey Management & Measurement. Pointillist. 2019. P. 20 [Электронный ресурс]. URL: <http://myjourney.pointillist.com/rs/837-MZM-862/images/Pointillist-2019-State-of-Customer-Journey-Management-CX-Measurement-Report.pdf> (дата обращения: 20.02.2021).

merce) и стратегического управления цепями поставок (supply chain strategy), системами управления информацией на уровне предприятий (enterprise information management), глобальными цифровыми платформами (global digital platform).

Среди особых технологических новшеств в этой области можно обнаружить маркетинг в реальном времени (real-time marketing) и усовершенствованные торги со стороны предложения (advanced supply-side bidding). В стадии переосмысления находятся многоканальные маркетинговые хабы (multichannel marketing hubs), маркетинг мобильных кошельков (mobile wallet marketing), маркетинговые платформы

на основе аккаунта (account-based marketing platforms), маркетинговые технологии сканирования (scannable marketing). Недавно заявили о себе технологии блокчейн для рекламы (blockchain for advertising) [21] и управление доступом к персональным данным (consent and preference management). Дальнейшая цифровизация процессов организации и управления маркетингом проходит за счет развития распределенного принятия решений, реконфигурации физических рабочих пространств, а также виртуализации рабочих мест и обеспечения удаленной работы.

В то же время такие технологии цифровизации, как системы управления взаимоотношениями с клиентурой (CRM), колл-центры (call center software) и многие другие уже стали естественной технологической средой многих компаний.

Не имея возможности подробно обсуждать в статье каждую из представленных технологий, отметим, что общее направление влияния цифровизации сказывается на все большей интегрированности организационных бизнес-процессов. Именно сейчас стали появляться реальные примеры цифровых решений полного и целостного охвата всей системы управления организациями класса BPM (business process management) и межорганизационных платформ (multi enterprise solutions). И эти процессы находят свою рефлексию в научной среде [2; 4].

Маркетинг, как известно, по отношению к системе управления организацией имеет двойственное положение. Он в своей оперативной ипостаси является всего лишь одной из функций, наряду с производственным и финансовым менеджментом, логистикой и т. д. Цифровизация в этих аспектах очевидно проявляется в рассмотренных выше примерах.

Однако маркетинг претендует на роль философии бизнеса, задавая его архитектуру. И здесь следует рассматривать как за счет проникновения цифровых технологий в систему управления организацией происходит ее перестройка на принципах маркетинга — реализуется всеобъемлющая ориентация на потребителя.

Креативно-синтетическая плоскость маркетинга. Креативный подход — это поиск оригинальных и уникальных решений во всех компонентах маркетинга. Синтетический — это формирование сквозной совокупности представлений, идей, образов и ассоциаций по всей цепочке создания потребительской ценности. Наиболее ярко синтетический подход проявляется в брендинге.

Инструменты автоматического изобретательства пока не созданы, даже получившие распространение креативные методики типа TRIZ, так и не были перенесены в реальное программное воплощение¹.

Большинство экспертных систем в маркетинге используют подход, основанный на конвенционных правилах [9]. Возможный прогресс в этой сфере связан с развитием технологий искусственного интеллекта.

Процесс цифровизации оказывает влияние на креативно-синтетическую деятельность за счет развития соответствующей инфраструктуры. Например, за счет облегчения сотрудничества творческих сообществ на базе цифровых рабочих пространств («the digital workplace», «teamwork and collaborative platforms»).

Становлению синтетического маркетинга способствуют любые интегративные программные решения. В первую очередь — это продукты информационного менеджмента и BPM-системы уровня предприятия, оснащаемые коммуникативными инструментами. Для примера, российское SaaS решение Advanta² первоначально

¹ *Reena J.* The World According to TRIZ. Bloomberg Businessweek (30 мая 2006) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2006-05-30/the-world-according-to-triz> (дата обращения: 20.02.2021); *Shaughnessy H.* What Makes Samsung Such an Innovative Company? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/haydnshaughnessy/2013/03/07/why-is-samsung-such-an-innovative-company/753355e92ad7> (дата обращения: 20.02.2021).

² Официальный сайт компании Аванта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advantagroup.ru/about-system/> (дата обращения: 20.02.2021).

создавалось как система управления проектами, но постепенно обросло сервисами совместной работы сотрудников. Сейчас она позволяет развернуть в едином пространстве коммуникаций: CRM, корпоративную социальную сеть, электронный документооборот, систему помощи сотрудникам (helpdesk) и, даже, — систему управления идеями.

Таблица 1

Структура цифровых технологий маркетинга в разрезе укрупненных аспектов функционала маркетинга

Table 1. Digital marketing technologies structure in the context of enlarged aspects in marketing functional

«Цифровые» технологии и методы		Укрупненная структуризация маркетинга			
Русскоязычная терминология	Англоязычная терминология	аналитическая	креативно-синтетическая	коммуникационная	организационно-управленческая
ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ ИНТЕГРАЦИИ МАРКЕТИНГА/МАРКЕТИНГОВЫХ ФУНКЦИЙ	MARKETING INTEGRATION AND FUNCTION				
Интегральные системы маркетинга	Marketing Software	+	+	+	+
Программное обеспечение автоматизации маркетинговых операций	Marketing Automation Software	+	+	+	+
Управление брендом	Brand Management Software	—	—	—	—
Поддержка компаний продвижения	Campaign Management Software	—	—	—	—
Автоматизация Email продвижения	Email Marketing Software	+	—	+	+
Поддержка управления лидами (потенциальной клиентурой)	Lead Management Software	+	—	+	+
Поддержка маркетинговой аналитики	Marketing Analytics Software	+	—	—	+
Управление дистрибуцией	Distribution Software	+	—	—	+
Поддержка программ формирования покупательской лояльности	Customer Loyalty Program Software	+	—	+	+
Системы управления взаимоотношениями с клиентами	CRM	+	—	+	+
Системы электронной коммерции	E-commerce Software	—	—	+	+
Платформы управления контентом	Content Marketing Platforms	+	+	+	—
Маркетинговое программное обеспечение для малого бизнеса	Small Business Marketing Software	+	+	+	+

«Цифровые» технологии и методы		Укрупненная структуризация маркетинга			
Русскоязычная терминология	Англоязычная терминология	аналитическая	креативно- синтетическая	коммуникационная	организационно- управленческая
ОПЕРАЦИОННЫЙ УРОВЕНЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ МАРКЕТИНГА	MARKETING OPERATIONS				
Управление активами и ресурсами	Asset & Resource Management	+	–	–	+
Системы управления данными о рынках и аудитории	Audience & Market Data	+	–	–	+
Бизнес-аналитика, конкурентная разведка и науки о данных	BI, CI & Data Science	+	–	–	+
Аналитика и управление звонками	Call Analytics / Management	+	–	+	–
Управление сбытовыми каналами	Channel / Local Marketing	+	–	–	+
Визуализация показателей и сводок («приборные доски»)	Dashboards/ Visualization	+	+	–	+
Анализ эффективности и факторов влияния	Performance & Attribution	+	–	–	+
Управление командой и проектом	Team & Project Management	–	–	+	+
Анализ характеристик продавцов	Vendor Data/Analysis	+	–	–	+
Аналитика Веб- и мобильных каналов коммуникации	Web & Mobile Analytics	+	–	+	–
МАРКЕТИНГ ВЗАИМООТНОШЕ- НИЙ С КЛИЕНТОМ	MARKETING EXPERIENCES				
Сообщества и обзоры	Communities & Reviews	+	–	+	+
Контент-маркетинг	Content Marketing	–	+	+	–
Генерация идей и дизайн	Creative & Design	–	+	–	–
Сбор и аналитика опыта клиентов / «голос потребителя»	Customer Experience / VoC	+	–	+	+
Естественная и медийная реклама	Display & Native Ads	–	+	+	–
Автоматизация рекламной рассылки по электронной почте	Email Marketing	–	–	+	+
Управление событиями и вебинарами	Events & Webinars	–	–	+	+

«Цифровые» технологии и методы		Укрупненная структуризация маркетинга			
Русскоязычная терминология	Англоязычная терминология	аналитическая	креативно- синтетическая	коммуникационная	организационно- управленческая
Маркетинг влияния (соцсети)	Influencer Marketing	–	–	+	–
Интерактивный контент	Interactive Content	–	–	+	–
Управление лояльностью, реферальными программами и геймификация	Loyalty/Referral/ Gamification	–	–	+	
Мобильный маркетинг	Mobile Marketing	–	–	+	
Персонализация и чаты	Personalization & Chat	–	–	+	
Маркетинговая поддержка продаж	Sales Enablement	–	–	+	
Поисковая оптимизация	SEO	–	–	+	
Маркетинг в социальных сетях	Social Media Marketing	–	–	+	
Тестирование и оптимизация	Testing & Optimization	–	+	+	
Видеомаркетинг и реклама	Video Marketing & Ads	–	–	+	–
ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СРЕДНЕГО УРОВНЯ	MIDDLEWARE				
Управление веб-контентом / пользовательским опытом	Web Content / Experience Management	–	–	+	+
Платформы управления данными / Платформы данных клиентов	Data Management Platforms / Customer Data Platforms	+	–	–	+
Системы идентификации	Identity	+	–	+	–
Управление тегами	Tag Management	+	–	+	–
Блок-чейн бизнес технологий	blockchain business	–	–	–	+
БАЗОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И ЦИФ- РОВАЯ ИНФРАСТРУКТУРА	BACKBONE PLATFORMS & INFRASTRUCTURE				
Компьютерная инфраструктура / Программные интерфейсы	Compute infrastructure / APIs	+	+	+	+
Облачная интеграция и вычисления / Корпоративные сервисные шины данных	Cloud Integration & computing / ESBs	+	+	+	+
Цифровые рабочие пространства	Digital workplace	–	+	+	+
Инфраструктура как сервис, программное обеспечение как сервис	Cloud/IaaS/SaaS	+	+	+	+

«Цифровые» технологии и методы		Укрупненная структуризация маркетинга			
Русскоязычная терминология	Англоязычная терминология	аналитическая	креативно-синтетическая	коммуникационная	организационно-управленческая
Базы данных и большие данные	Databases & Big Data	+	+	+	+
Веб-устройства	Web Device	+	+	+	+
Автоматизации ввода-вывода	i&o automation	—	—	—	—
Интернет-технологии (общие)	Internet	+	+	+	+

Таким образом, представление морфологического ящика цифровизации маркетинга может быть отображено в виде набора двумерных таблиц. В табл. 1 находит отображение структура современного массива существующих «цифровых» технологий и методов, соотнесенная с выделенными укрупненными аспектами маркетинга.

В табл. 2 находит отражение другой срез морфологического ящика — обобщенная экспертная оценка изменения потенциала маркетингового инструментария, произошедшего в связи с цифровизацией, в контексте модели DIKW. Для оценки использована следующая 10-балльная качественная шкала: 0 — инструмент полностью не способен эффективно поддерживать функционал соответствующего аспекта маркетинга; 10 — инструментarial полностью и исчерпывающе способен эффективно поддерживать функционал аспекта маркетинга.

Таблица 2

Сопоставление «доцифрового» и современного этапов развития инструментария маркетинга

Table 2. Comparison between “Pre-digital” and present stages of marketing tools development

Аспект маркетинга	Оценка уровня потенциала поддержки функционала маркетинга цифровым инструментарием (в разрезе элементов модели DIKW)							
	Data (данные)		Information (информация)		Knowledge (знания)		Wisdom (мудрость)	
	ранее	сейчас	ранее	сейчас	ранее	сейчас	ранее	сейчас
Аналитический	7	9	8	9	5	8	4	6
Креативно-синтетический	2	5	4	5	2	3	1	2
Коммуникационный	3	8	3	7	2	5	2	5
Организационно-управленческий	5	10	5	9	3	6	2	5

Обсуждение

Естественно, приведенная оценка достаточно обобщенно характеризует тот скачок в возможностях реализации маркетинговых функций, который можно качественно сопоставить с уже проявленным на сегодняшний день влиянием цифровых технологий. За базу (колонка «ранее») принимаем состояние «доцифровой эпохи», завершение которой связано с началом массового появления и становления технологий, реализующих верхние уровни модели DIKW (ранее этот момент мы отмечали).

Представленные в таблице данные не могут претендовать на исчерпывающий охват и по другой причине — ситуация в обсуждаемой сфере имеет очень высокую динамику. Мы обсуждаем только концепцию, подход, которые позволят выстроить соответствующую систему мониторинга. Только регулярное и систематическое применение такого анализа может дать нужную степень понимания.

Всестороннее понимание и выбор адекватных инструментов цифрового маркетинга является общей проблемой. Трудности связаны со следующими моментами.

Многие из популярных технологий, которые можно обнаружить сегодня, изучая феномены цифровизации маркетинга, ведут родословную от технологических предшественников. Происходит постоянная генерация продуктов, которым дают новые имена. Реализуя известную маркетинговую стратегию «голубого океана» [15], продукт-менеджеры нового маркетингового софта часто придумывают броские названия для технологий, которые вполне могли бы быть вписаны в существующие.

На этот процесс категорийного творчества накладываются объективные особенности реализуемых инновационных продуктов, многие из которых имеют комплексный функционал, относящийся к разным классам. Функционалы разных продуктов пересекаются между собой в разных сочетаниях.

Практикующему маркетологу и исследователю не просто разобраться в этом пестром потоке новинок. Такое спонтанное творчество, формирующее наблюдаемую совокупность феноменов цифровизации маркетинга, затрудняет решение основной задачи смысловой классификации и систематизации.

Проведенное исследование показывает, что новые программные продукты и технологии «цифрового мира» проявляют свой эффект в различной степени по отношению к разным аспектам маркетинга (см. табл. 1 и 2).

Аналитический аспект: эффект на уровнях D и I относительно невелик, но новые технологии позволили в существенной мере совершить прорыв на уровне знаний и глубокого понимания. Это связано с тем, что аналитика в существенной мере оперирует с уже формализованной информацией и здесь к моменту запуска процессов цифровизации многое уже было освоено. Прогресс в основном связан с «очеловечиванием» режимов использования. Аналитические задачи сейчас способны решать менее квалифицированные специалисты.

Креативно-синтетический аспект: обеспечение процессов на уровне данных и информации совершили рывок за счет приближения средств интерактивности к человеческому восприятию. Но дальнейшее развитие пока упирается в ограничения интеллектуальных возможностей инструментария. Сейчас он не способен в существенной мере заменить творческие возможности человека. Прорыв на этом направлении возможен за счет развития технологий искусственного интеллекта. Но тогда, очевидно, придется вновь ставить вопрос о начале некой принципиально новой технологической эпохи «интеллектроники».

Коммуникационный аспект: существенный скачок наблюдается практически на всех уровнях модели DIKW. Пожалуй, это наиболее очевидное проявление цифровизации в маркетинге. Нынешняя всемерная доступность коммуникационной среды, распространяющаяся во временном и пространственном измерениях, разительным образом отличается от совсем недавней телекоммуникационной и документарной среды.

Высокие баллы в компонентах К и W обусловлены проникновением в коммуникацию зачатков интеллектроники (пример — автоматизированные чат-боты).

Организационно-управленческий аспект демонстрирует максимальный кумулятивный эффект от цифровизации, хотя и структурно несколько смещен к нижним уровням DIKW модели по сравнению с аналитическим аспектом. По сути, здесь проявляется достигаемая за счет цифровизации общесистемная интеграция маркетинга.

Выводы

Каковы дальнейшие перспективы развития технологий цифровизации маркетинга в ближайшее десятилетие? Этот вопрос можно рассматривать под различными углами зрения: количества отдельных предлагаемых решений, количества логически выделяемых категорий инструментов. На каждом из этих фронтов сейчас идет интенсивная борьба двух тенденций.

Первая, обусловлена потоком новшеств, открывающих все новые возможности сбора, передачи, хранения, обработки, интерпретации и использования информации в процессе маркетингового взаимодействия. Эта тенденция генерирует постоянный рост разнообразия цифровых решений.

Вторая тенденция связана с постоянным процессом унификации выдержавших проверку жизнью решений. Такая унификация приводит к сокращению числа предложений и их закреплению. Эта тенденция поддерживается также процессами поглощения и интеграции. Иллюстрацией может служить появление интегрированных облачных решений, размывающих границы между программным обеспечением и сервисами. На рынке постепенно начинают соперничать не элементарные продукты, а целые маркетинговые платформы и цифровые агрегаторы маркетингового контента.

Несмотря на все имеющиеся противоречия развития информационного общества, цифровой базис маркетинга, несомненно, уже приобрел всеобъемлющий характер. Потенциал технологических возможностей цифровизации для обеспечения высокого качества обслуживания клиентов продолжает расти. Однако многие компании все еще находятся на ранней стадии зрелости «цифровизации». Сложность попыток разобратся в спектре цифровых маркетинговых технологий является лишь отголоском этой ситуации. Описанная ситуация делает актуальным формирование нового корпуса «цифровых маркетологов», не просто использующих инструментарий ИТ-технологий, а формирующих новую «цифровую» архитектуру маркетинговой организации. Проведенное исследование призвано облегчить эту задачу.

Литература

1. Борден Н. Концепция маркетинга-микс // Классика маркетинга: Сборник работ, оказавших наибольшее влияние на маркетинг. СПб. : Питер, 2001. С. 529–538.
2. Визгунов А. Н. Базовые требования к созданию комплексной системы управления бизнес-процессами на предприятии // Актуальные вопросы развития современного общества. Курск : ЗАО «Университетская книга», 2016.
3. Волокитин Ю. И., Куприяновский В. П., Гринько О. В. и др. Проблемы цифровой экономики и формализованные онтологии // International Journal of Open Information Technologies. 2018. № 6. С. 87–96.
4. Женова Н. А. Цифровизация бизнес-процессов // Цифровизация общества: состояние, проблемы, перспективы. М. : Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова. 2019. С. 83–87.
5. Минаев Д. В. Стратегический менеджмент — стратегический маркетинг. На пути к единой теории? // Маркетинг на рубеже тысячелетий. СПб. : СПбГИЭА, 2000. С. 31–38.
6. Минаев Д. В. Маркетинг в схемах и моделях. Ростов-на-Дону : Феникс, 2004. 80 с.
7. Миронова О. А. Трансформация маркетинговых инструментов в условиях цифровизации экономики и формирования потребительских предпочтений поколения Z // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2019. № 2 (66). С. 60–72.

8. Назаров А.Д. Инструменты интернет-маркетинга в период цифровизации экономики // Наука и бизнес: пути развития. 2018. № 10 (88). С. 100–102.
9. Павлов Н.В. Система поддержки принятия решений для задач управления продуктом // Управление экономическими системами. 2011. № 4 (28). С. 143–151.
10. Чернов А.А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. М. : Дашков и К, 2003. 232 с.
11. Ярославцева Е.И. Онтология цифровых коммуникаций — проблемы гуманитарного измерения // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. М., 2014. С. 357–373.
12. Agnese J., Herrera J., Tao H., Zhu X. A survey and taxonomy of adversarial neural networks for text-to-image synthesis // Wiley Interdisciplinary Reviews: Data Mining and Knowledge Discovery. 2020. Vol. 10, Is. 4, 1 July 2020, N e1345.
13. Davisson A., Booth P. Controversies in Digital Ethics. Bloomsbury Publishing: USA, 2017.
14. Floridi L. The 4th revolution: how the infosphere is reshaping human reality. Oxford : Oxford University Press, 2016. 248 p.
15. Kim W.C., Mauborgne R. Blue Ocean Strategy. Harvard Business School Press, 2005. 240 p.
16. Kotler P., Keller K.L. A Framework for Marketing Management. (6th ed.) Prentice Hall, 2012. 360 p.
17. Lambin J.J., Schuiling I. Market-driven management: Strategic and operational marketing. London: Macmillan International Higher Education, 2012. 624 p.
18. Lem S. Summa Technologiae: [польск.]. Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1964. 501 s.
19. Lin P., Abney K., Bekey G.A. Robot ethics: the ethical and social implications of robotics. MIT Press, Cambridge, 2014. 398 p.
20. Merkus J., Helms R., Kusters R. Data governance and information governance: Set of definitions in relation to data and information as part of DIKW // ICEIS 2019 — Proceedings of the 21st International Conference on Enterprise Information Systems. Vol. 2. P. 143–154.
21. Mohindru V., Chitranshi U., Bhatt R., Singh Y. Possibilities of Block Chain in Indian Market and Notably in Advertising Industry // Proceedings of IEEE International Conference on Signal Processing, Computing and Control. Vol. 2019, October 2019, N 8988349. P. 84–89.
22. Porat M., Rubin M. The Information Economy: Development and Measurement. Wash., 1978.
23. Prentice C., Dominique Lopes S., Wang X. Emotional intelligence or artificial intelligence — an employee perspective // Journal of Hospitality Marketing and Management. Vol. 29, Is. 4, 18 May 2020. P. 377–403.
24. Sundberg L. From Automatic Data Processing to Digitalization: What is Past is Prologue // Lecture Notes in Computer Science / Vol. 11685 LNCS, 2019. P. 31–42.
25. Tapscott D. Growing Up Digital: The Rise of the Net Generation. McGraw-Hill Companies, 1999. 338 p.
26. Tavani H. T. Ethics and technology: Controversies, questions, and strategies for ethical computing. Rivier University — Fourth edition, NJ: John Wiley & Sons, Inc., 2013. 456 p.
27. Umesao T., Hosono A. Joho sangyo ron. Information Industry Theory: Dawn of the Coming Era of the Ectodermal Industry. Tokyo : VP, 1963.
28. Webster F. Theories of the information society. Psychology Press, 2002. 304 p.
29. Zwicky F. Discovery, invention, research through the morphological approach. New York : Macmillan, 1969. 276 p.

Об авторах:

Суслов Евгений Юрьевич, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; suslov-ey@ranepa.ru

Минаев Дмитрий Всеволодович, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; minaev-dv@ranepa.ru

References

1. Borden N. The concept of marketing-mix // Marketing Classics: A collection of works that had the greatest impact on marketing. St. Petersburg: Piter, 2001. P. 529–538. (In Rus).
2. Vizgunov A.N. Basic requirements for the creation of an integrated business process management system at the enterprise // Topical issues of the development of modern society. Kursk: CJSC "University Book", 2016. (In Rus).
3. Volokitin Yu.I., Kupriyanovsky V.P., Grinko O.V. and others. Digital Economy Challenges and Formalized Ontologies // International Journal of Open Information Technologies. 2018. N 6. P. 87–96. (In Rus).

4. Zhenova N. A. Digitalization of business processes // Digitalization of society: state, problems, prospects. M.: G. V. Plekhanov Russian University of Economics. 2019. P. 83–87. (In Rus).
5. Minaev D. V. Strategic management - strategic marketing. On the way to a single theory? // Marketing at the turn of the millennium. St. Petersburg: SPbSIEA, 2000. P. 31–38. (In Rus).
6. Minaev D. V. Marketing in schemes and models. Rostov-on-Don: Phoenix, 2004. 80 p. (In Rus).
7. Mironova O. A. Transformation of marketing tools in the conditions of digitalization of the economy and formation of consumer preferences of generation Z // Bulletin of Rostov State Economic University (RINH) [Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2019. N 2 (66). P. 60–72. (In Rus).
8. Nazarov A. D. Internet marketing tools during the period of digitalization of the economy // Science and business: ways of development [Nauka i biznes: puti razvitiya]. 2018. N 10 (88). P. 100–102. (In Rus).
9. Pavlov N. V. Decision support system for product management tasks // Economic systems management [Upravlenie ekonomicheskimi sistemami]. 2011. N 4 (28). P. 143–151. (In Rus).
10. Chernov A. A. The formation of a global information society: problems and prospects. M.: Dashkov and K., 2003. 232 p. (In Rus).
11. Yaroslavtseva E. I. The ontology of digital communications — problems of humanitarian dimension // Place and role of humanism in future civilization. M., 2014. P. 357–373. (In Rus).
12. Agnese J., Herrera J., Tao H., Zhu X. A survey and taxonomy of adversarial neural networks for text-to-image synthesis // Wiley Interdisciplinary Reviews: Data Mining and Knowledge Discovery. 2020. Vol. 10, Iss. 4, 1 July 2020, № e1345.
13. Davisson A., Booth P. Controversies in Digital Ethics. Bloomsbury Publishing: USA, 2017.
14. Floridi L. The 4th revolution: how the infosphere is reshaping human reality. Oxford: Oxford University Press, 2016. 248 p.
15. Kim W. C., Mauborgne R. Blue Ocean Strategy. Harvard Business School Press, 2005. 240 p.
16. Kotler P., Keller K. L. A Framework for Marketing Management. (6th ed.) Prentice Hall, 2012. 360 p.
17. Lambin J. J., Schuiling I. Market-driven management: Strategic and operational marketing. London: Macmillan International Higher Education, 2012. 624 p.
18. Lem S. Summa Technologiae. Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1964. 501 p.
19. Lin P., Abney K., Bekey G. A. Robot ethics: the ethical and social implications of robotics. MIT Press, Cambridge, 2014. 398 p.
20. Merkus J., Helms R., Kusters R. Data governance and information governance: Set of definitions in relation to data and information as part of DIKW // ICEIS 2019 — Proceedings of the 21st International Conference on Enterprise Information Systems. Vol. 2. P. 143–154.
21. Mohindru V., Chitranshi U., Bhatt R., Singh Y. Possibilities of Block Chain in Indian Market and Notably in Advertising Industry // Proceedings of IEEE International Conference on Signal Processing, Computing and Control. Volume 2019, October 2019, № 8988349. P. 84–89.
22. Porat M., Rubin M. The Information Economy: Development and Measurement. Wash., 1978.
23. Prentice C., Dominique Lopes S., Wang X. Emotional intelligence or artificial intelligence — an employee perspective // Journal of Hospitality Marketing and Management. Vol. 29, Iss. 4, 18 May 2020. P. 377–403.
24. Sundberg L. From Automatic Data Processing to Digitalization: What is Past is Prologue // Lecture Notes in Computer Science / Volume 11685 LNCS, 2019. P. 31–42.
25. Tapscott D. Growing Up Digital: The Rise of the Net Generation. McGraw-Hill Companies, 1999. 338 p.
26. Tavani H. T. Ethics and technology: Controversies, questions, and strategies for ethical computing. Rivier University — Fourth edition, NJ: John Wiley & Sons, Inc., 2013. 456 p.
27. Umesao T., Hosono A. Joho sangyo ron. Information Industry Theory: Dawn of the Coming Era of the Ectodermal Industry. Tokyo: VP, 1963.
28. Webster F. Theories of the information society. Psychology Press, 2002. 304 p.
29. Zwicky F. Discovery, invention, research through the morphological approach. New York: Macmillan, 1969. 276 p.

About the authors:

Evgeny Yu. Suslov, Associate Professor of the Chair of Management of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; suslov-ey@ranepa.ru

Dmitry V. Minaev, Professor of the Chair of Management of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; minaev-dv@ranepa.ru

Стратегические направления развития туристской отрасли в цифровой экономике

Чхотуа И. З.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; chkhotua@inbox.ru

РЕФЕРАТ

Туризм и индустрия гостеприимства — стратегически важная отрасль экономики, обладающая значительным мультипликативным эффектом, выполняющая ряд важнейших функций по обеспечению комплексного развития территории. Именно реализация стратегических приоритетов развития отрасли, закрепленных в формализованном документе Стратегии, способна вывести ее на новый виток развития, сфокусировать все ресурсы региона и государства в целом на достижение стратегических целей России в сфере туризма. Значительный природно-рекреационный, культурный потенциал нашей страны является бесспорным конкурентным преимуществом при определении и обосновании стратегических направлений развития туризма.

Цель статьи — предложить стратегические векторы преобразований отрасли туризма, определенные в ответ на кризисные явления в экономике и глобальный тренд диджитализации: перестройка модели ведения бизнеса, изменение продуктовой стратегии в сторону технологичности, построение новой маркетинговой стратегии с привлечением современных ИКТ, изменение требований к персоналу индустрии туризма, разработка новой коммуникационной стратегии в ответ на изменение модели поведения самого туриста. Комплексное развитие отрасли туризма возможно только при стратегической трансформации всех данных направлений.

Ключевые слова: стратегия, стратегирование отрасли туризма, цифровизация отрасли туризма, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), цифровые компетенции персонала, платформизация услуг

Для цитирования: Чхотуа И. З. Стратегические направления развития туристской отрасли в цифровой экономике // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 81–96.

Strategic Directions of Tourism Industry Development in the Digital Economy

Ilona Z. Chkhotua

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; chkhotua@inbox.ru

ABSTRACT

Tourism and the hospitality industry is a strategically important sector of the economy with a significant multiplier effect, performing a number of important functions to ensure the integrated development of the territory. The strategic priorities for the development of the industry should be implemented in the formalized document of the Strategy that brings tourism to a new stage of development, focusing all the state's resources on achieving Russia's strategic goals in this tourism industry. The significant natural, recreational, cultural potential of our country is an indisputable competitive advantage in determining and approving the strategic directions of tourism development.

The purpose of the article is to propose strategic vectors for transforming the tourism industry, determined in response to the crisis in the economy and the global trend of digitalization: restructuring the business model, changing the product strategy towards technology, building a new marketing strategy with the help of modern ICT, changing the requirements for the tourism industry personnel, development of a new communication strategy in response to the changing behavior of the tourist himself. Comprehensive development of the tourism industry is possible only with a strategic transformation of all these areas.

Keywords: strategy, strategy of the tourism industry, digitalization of the tourism industry, information and communication technologies (ICT), digital competencies of personnel, platformization of services

For citing: Chkhotua I. Z. Strategic Directions of Tourism Industry Development in the Digital Economy // Administrative consulting. 2021. No. 4. P. 81–96.

Самая большая опасность во времена турбулентности — это не турбулентность. Опасность в действиях со вчерашней логикой.

П. Друкер

Введение

Туризм — стратегически важная отрасль экономики, до недавнего времени характеризующаяся значительными темпами роста международных турприбытий и величиной поступлений от международного туризма в бюджеты принимающих государств, высокой долей в ВВП стран мира, являющаяся крупнейшим работодателем и по сути способствующая развитию множества смежных отраслей. Согласно данным Всемирной туристской организации до пандемии мировой туристский рынок характеризовался следующими параметрами: величина международных турприбытий на уровне более 1,4 млрд, доходы от международного туризма — 1,7 трлн долл. (29% мирового экспорта услуг), совокупный вклад туризма в мировой ВВП с учетом прямого, косвенного и индуцированного воздействия — на уровне 8,9 трлн долл. (10,3% мирового ВВП), предполагаемое число занятых в отрасли — 330 млн чел. (каждое десятое рабочее место в мире)¹.

Прогноз Всемирной туристской организации по развитию мирового рынка туристских услуг на период до 2030 г., составленный до кризиса, вызванного пандемией коронавируса, предполагал уверенное поступательное развитие отрасли и предлагал следующие количественные ориентиры ее развития: совокупный вклад туризма в мировой ВВП с учетом прямого, косвенного и индуцированного воздействия — 12,45 трлн долл. (11,7% мирового ВВП), величина международных турприбытий на уровне 1,8 млрд, количество работников индустрии туризма — 425 млн чел. или каждое девятое рабочее место в мире связано с туризмом и индустрией гостеприимства². В научной литературе развитие туризма не редко связывают с активизацией экономического роста города, региона, страны [3; 13; 17-19 и др.]. Туризм берет на себя образовательную и просветительскую функции, сохраняя культуру и традиции малочисленных народов. Настоящий кризис, вызванный пандемией, буквально заморозил отрасль, нанеся значительный ущерб мировой экономике в целом, что наглядно иллюстрируют следующие показатели: снижение величины поступлений от международного туризма более чем на 2,7 трлн долл. и потеря рабочих мест более 100 млн чел., занятых в отрасли³. Нынешний кризис, вызванный внешним шоком, беспрецедентен, хотя глобальный мир сталкивался в прошлом с множеством эпидемий. Тем не менее он открывает новые стратегические возможности.

¹ International tourism highlights 2019 edition // сайт UNWTO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284421152> (дата обращения: 25.11.2020).

² The importance of travel and tourism in 2019 // сайт UNWTO [Электронный ресурс]. URL: https://wtcc.org/Research/Economic-Impact/EIR_2020_Importance_of_Travel_and_Tourism_Infographic.pdf (дата обращения: 25.11.2020).

³ Travel and tourism economic impact from COVID-19 // сайт UNWTO [Электронный ресурс]. URL: [https://wtcc.org/Research/Economic-Impact/EIR_Global_Economic_Impact_from_COVID_19_Infographic%20\(1\).pdf](https://wtcc.org/Research/Economic-Impact/EIR_Global_Economic_Impact_from_COVID_19_Infographic%20(1).pdf) (дата обращения: 01.12.2020).

В период кризиса среди профессионалов туротрасли сформировался термин «обнуление» туризма или «нулевая точка отсчета» туризма, предполагающий необходимость коренной перестройки принципов функционирования отрасли в пользу системного развития, предполагающего разработку стратегии развития туризма — комплексного документа, опирающегося на ценности и интересы объекта стратегирования. Обеспечение высокого качества жизни человека — важнейшая стратегическая цель, которую ставит перед собой государство для достижения экономического процветания и социального благополучия общества.

Основные направления стратегических преобразований туризма, вызванные цифровизацией и последствиями кризиса

Стратегия как «путеводитель к выверенным приоритетам и целям через хаос будущего и неизвестного» и стратегирование как процесс разработки и реализации стратегии, включающий этапы анализа прогнозов, мониторинга трендов, проведения OTSW — анализа объекта стратегирования, разработки концепции стратегирования [8, с. 353; 11, с. 387–396] и далее самой стратегии позволяют определить важнейшие направления развития отрасли туризма с учетом ценностей, интересов, приоритетов, подкрепленных конкурентными преимуществами страны, региона, города и при полной и последовательной ее реализации закрепить за страной, регионом, городом статус привлекательной туристической дестинации мирового уровня, обеспечив стабильные поступления от международного туризма в бюджеты соответствующих уровней, значительным мультипликативным эффектом смежные отрасли экономики и способствуя повышению уровня занятости населения дестинации.

Цифровая трансформация кардинально меняет экономическую модель взаимодействия субъектов рынка и нацелена на повышение конкурентоспособности государств, отраслей, организаций. В новых реалиях данные являются стратегическим активом государства, обладающим высокой потребительской стоимостью за счет альтернативной ценности его применения в различных сферах деятельности. Развитие цифровой экономики сопряжено с развитием персонализированных сервисных моделей, экономики совместного потребления, а также sharing-сервисов, позволяющих увеличить целевую аудиторию потребителей услуг, сфокусироваться на качестве и высокой потребительской ценности предлагаемого турпродукта. Согласно отчету, публикуемому компанией Amadeus¹, число активных пользователей мобильных устройств к 2020 г. достигло уровня 6,1 млрд чел., что вызвано, прежде всего, клиентоориентированным подходом предприятий отрасли, предполагающих персонализированный сервис.

Принятые в РФ документы стратегического уровня (Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г.², Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации³, Государственная программа Российской Федерации «Информационное

¹ Online Travel 2020: Evolve or Expire, 2018 // сайт компании Amadeus [Электронный ресурс]. URL: <https://amadeus.com/en/insights/research-report/online-travel-2020-evolve-expand-or-expire> (дата обращения: 01.11.2020).

² Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р) // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2013/11/08/tehnologii-site-dok.html> (дата обращения: 03.12.2020).

³ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (Указ Президента от 01.12.2016 № 642) // Информационно-правовой портал КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/48053.html/> (дата обращения: 03.12.2020).

общество» (2011–2020 гг.)¹, указ Президента от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»², Национальная программа «Цифровая экономика»³) нацелены на реализацию ключевых направлений преобразования экономики и социальной сферы под воздействием ИКТ. Тем не менее в качестве основных факторов, сдерживающих распространение ИКТ в социально-экономической сфере, определены несовершенство нормативно-правовой базы, регламентирующей взаимодействие субъектов рынка, вопросы обеспечения защиты персональных данных в цифровом пространстве, недостаточные вложения предприятий в цифровизацию бизнеса, в том числе в сфере туризма, а также недостаточный уровень цифровых навыков у населения и цифровых компетенций у большинства работников различных сфер деятельности [16, с. 198].

Развитие цифровой экономики ставит перед государствами вызовы по управлению новой действительностью, одним из которых является преобразование рынка труда, предполагающее сокращение рабочих мест при повышении эффективности рынка рабочей силы [16, с. 154]. По оценкам института McKinsey, в мире к 2036 г. будет автоматизировано до 50% рабочих процессов, что предполагает сокращение количества рабочих мест, требующих средней квалификации, и увеличение разницы в уровнях оплаты труда⁴.

1. Стратегическое переосмысление модели ведения бизнеса в туризме

Стратегические преобразования туризма и индустрии гостеприимства, как и многих иных отраслей экономики, в эпоху цифровой экономики, коснутся следующих направлений: перестройка модели ведения бизнеса, предполагающая активное внедрение различных ИКТ в процесс разработки, продвижения и реализации турпродукта, вопросы кадрового обеспечения отрасли и структуры трудовых ресурсов в соответствии с новыми рыночными реалиями, разработки новых высокотехнологичных продуктов, удовлетворяющих потребности современного туриста. В то же время стратегические преобразования в туризме затронут самого путешественника, изменив его ценностные ориентиры и модель поведения при планировании и организации путешествия.

В табл. 1 представлены наиболее актуальные цифровые технологии, применяемые в отрасли туризма и гостеприимства.

Важнейшая стратегическая задача государства по развитию туризма (внутреннего, въездного) — создание единой экосистемы туризма, объединяющей «всех участников рынка на онлайн-платформе для формирования лучшего клиентского опыта,

¹ Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество» (2011–2020 годы) (в ред. постановления Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 356-24) // Сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/> (дата обращения: 03.12.2020).

² Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Информационно-правовой портал Гарант.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/71670570/ixzz6fyjCkbnc> (дата обращения: 03.12.2020).

³ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7) // Сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf (дата обращения: 05.12.2020).

⁴ Цифровая Россия: новая реальность. Digital McKinsey // Сайт компании McKinsey [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/ru/our-insights> (дата обращения: 05.12.2020).

Топ 10 диджитал-технологий в туризме
Table 1. Top 10 digital technologies in tourism

№ п/п	Наименование технологии	Содержание технологии и примеры реализации в отрасли
1	Большие данные (Big data)	Возможности учета больших данных позволяют делать прогностические модели в туризме, предполагают увеличение конверсии, формирование персонализированных предложений, контент-маркетинг
2	Интернет вещей (IoT)	Комплекс подключенных друг к другу интеллектуальных устройств активно применяется в том числе в индустрии гостеприимства. Примеры: умный дом, умный чемодан с датчиком геолокации и функцией саморегистрации багажа и т.д.
3	Искусственный интернет и машинное оборудование	Искусственный интеллект позволяет смоделировать предполагаемые потребности путешественника на основе анализа его предыдущего опыта отдыха, информация о котором размещена в информационном пространстве. Таким образом достигается персонализация обслуживания и так называемый «custom-tailored tourism» или туризм, «сделанный на заказ». Пример: Amadeus Alita — устройство, помогающее создать уникальное персонализированное предложение посредством голосового общения с клиентом
4	Виртуальная и дополненная реальность (VR, AR)	Появление новых аттракционов, предполагающих наполнение турпродукта возможностями речевого контента, дополнительными функциями визуализации изображения. Объем мирового рынка AR к 2023 г. может составить 7,9 млрд долл. [1, с. 239]
5	Компьютерное зрение	Предполагает решение следующих задач: 1) идентификация лица (используется, например, при регистрации, предоставлении бесконтактного ключа в отелях); 2) оценка потоков посетителей на закрытых мероприятиях, оценка эмоций покупателя/посетителя
6	Блокчейн	Технология распределенного реестра, смарт-контрактов, предполагающих отслеживание самой системой выполнения обязательств контрагентами. Преимущества использования: гарантии выполнения обязательств сторонами, возможности прямого взаимодействия поставщиков и потребителей тур-услуг, возможность выхода на рынок мелких локальных игроков. Успешный пример реализации технологии — продажа билетов на крупные международные мероприятия (напр., ЧМ по футболу 2018 г.), сбор и контроль информации за перемещением багажа в аэропортах, идентификация пассажиров с помощью отпечатков пальцев, программы LockChain, Winding Tree и др.
7	Навигационно-информационные технологии (LBS)	Сервисы, основанные на месторасположении (организаторы перевозок (Uber, Yandex, Get и др.)), геолокационные системы

№ п/п	Наименование технологии	Содержание технологии и примеры реализации в отрасли
8	ERP/CRM/PMS и др. системы автоматизации бизнес-процессов	Повышение эффективности работы предприятия индустрии туризма через управление продажами, организацию документооборота, аналитику и генерацию отчетностей. Примеры: TourControl, ERP.Travel, U-ON. Travel и др.
9	Платформы	Характеризуются наличием « сетевого эффекта », предполагающего снижение транзакционных издержек взаимодействия при увеличении количества участников платформы, увеличением скорости обмена информацией, повышением производительности труда. Пример: Ruspasp, LockChain, Winding Tree, Local Alike и др. Платформизация туруслуг экономически целесообразна как для поставщика, так и потребителя, способствует более тесному взаимодействию представителей индустрии туризма в определенном правовом поле и предполагает установление прямых договорных отношений между поставщиками и потребителями туруслуг, а также высвобождение резервов повышения эффективности бизнеса
10	Речевые технологии	Голосовая идентификация, чат-боты и др.

Источник: составлено автором по [1, с. 238–240; 2, с. 41–42; 14, с. 18].

интегрированной с внешними источниками данных и социальными платформами»¹. Единая платформа позволит повысить узнаваемость отечественных брендов, продвигать их как на внутреннем, так и на международном туристском рынке. Расширение свободы потребительского выбора в виде повышения гибкости формирования турпродуктов и скорости предоставления туруслуг — тренд, усиленный сегодняшними реалиями цифровизации туристской отрасли.

Диджитализация, предоставляющая возможность анализа больших данных, ценна с позиции выстраивания диалога с каждым клиентом. Рост диджитализации повысит качество предоставляемых услуг, уникальность турпродукта, лояльность и возвратность потребителя туруслуги, индивидуальный подход к удовлетворению потребностей, а значит, эффективность бизнеса предприятий сферы услуг.

Рейтинг развития информационно-коммуникационных технологий ICT Development Index (IDI) составляется Международным союзом электросвязи (МСЭ) и отражает эволюцию телекоммуникационных услуг в экономиках стран мира. Анализируется статистика за 10 лет с 2009 по 2019 г. IDI рассчитывается как среднее арифметическое трех субиндексов: субиндекс «доступ населения к ИКТ», субиндекс «использование ИКТ на территории страны», субиндекс «навыки использования ИКТ»².

¹ Стратегия развития туризма в Российской Федерации до 2035 года. Распоряжение правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р. // Информационно-правовой портал Гарант.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/> (дата обращения: 05.12.2020).

² The ICT Development Index (IDI). Methodology, indicators and definitions. (as of February 2019) // Сайт ITU [Электронный ресурс]. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/statistics/ITU_ICT%20Development%20Index.pdf (дата обращения: 25.11.2020).

К передовым странам по показателю внедрения ИКТ в различные сферы деятельности относят Сингапур, Финляндию, Швецию, Норвегию, США и ряд других стран¹. Россия за десятилетний период занимала различные позиции в диапазоне от 38-го по 49-е места, по состоянию на 2017 г. — 45-е место из 176 стран мира, участвующих в рейтинге.

Анализ использования интернета населением для заказа товаров (услуг) в разрезе стран мира и по возрастным группам по состоянию на 2019 г. (в % от общей численности населения в возрасте 15–74 лет) и в сравнении с предыдущим годом, рассчитанный по данным Росстата, Евростата, ОЭСР, МСЭ, иллюстрирует следующую динамику: самые активные пользователи интернета для заказа товаров/услуг — население Великобритании (85%), Швеции (78%), Германии (77%), Финляндии (70%), в России только 35% населения пользуется услугами глобальной сети для данных целей. Что касается возрастной группы — это лица с 25 до 40 лет, где чуть более 50% населения являются активными пользователями услуг интернета [7, с. 131].

Любопытно, что основным фактором, сдерживающим использование интернета в России по состоянию на 2018 г., согласно исследованию, опубликованному в статистическом сборнике «Индикаторы цифровой экономики: 2019» [7, с. 120], является отсутствие необходимости пользоваться услугами интернета для заказа товаров или услуг. Недостаток навыков работы в сети и высокие затраты на подключение на порядок отстают от вышеупомянутого фактора.

2. Направления стратегических преобразований в туризме: трудовые ресурсы

Характерной особенностью услуги как товара является зависимость качества конечного продукта от качества предоставления услуг персоналом предприятий отрасли, уровня его квалификации. Поэтому сущностно персонал является важнейшим стратегическим ресурсом, от компетентности которого зависят степень удовлетворенности и возвратность клиента, объемы продаж и выручка предприятий индустрии туризма. Ниже представлены характерные особенности трудовых ресурсов в туристской отрасли:

- 1) в туристской отрасли занято больше молодого населения в возрасте от 15–24 лет, нежели в других отраслях экономики². Так, согласно данным Международной организации труда (МОТ), приблизительно 41,8 млн молодых людей в возрасте 15–24 лет будут предлагать свои услуги на рынке труда за период с 2017 по 2030 г.;
- 2) страны, в экономику которых туризм вносит значительный вклад (Греция, Испания, Португалия и др.), рассматривают занятость в туризме не как краткосрочную или сезонную, а как круглогодичную, перспективную с точки зрения карьерного роста;
- 3) общемировой тренд снижения величины занятости молодого поколения за период с 2007 г. по настоящее время в общей структуре занятости, в том числе и в отрасли туризма, что вызвано ростом продолжительности жизни и увеличением продолжительности трудовой занятости населения стран мира. При этом важно отметить снижение доли молодого поколения в возрасте от 15–25 лет в общей возрастной структуре занятости населения мира с 18,2 (2005 г.) до 16,2% (2015 г.), а также тренд на желание молодого поколения учиться, и рост

¹ Measuring the Information Society Reports. Year: 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/misr2018> (дата обращения: 25.11.2020).

² The future of work and skill development in tourism // Сайт UNWTO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284421213> (дата обращения: 05.09.2019).

продолжительности периода получения образования, а также фокус работодателей не на рекрутинг, а на сохранение опытных кадров и их дальнейшее обучение;

- 4) отрасль туризма предполагает занятость как высококвалифицированного персонала с высшим, средним образованием, так и работников, не имеющих соответствующего уровня образования;
- 5) специфика занятости в туризме (сезонная работа, частичная занятость) комфортна молодому поколению миллениалов;
- 6) высока доля занятости женщин в отрасли: в туризме задействовано в два раза больше женского труда, нежели в любой другой отрасли (особенно это касается стран с формирующимся рынком). В рамках стран Большой двадцатки доля женщин, занятых в сфере туризма, насчитывает 46,6%. В лидерах по количеству женщин в общей структуре занятых в туротрасли находится РФ, Южная Африка и Южная Корея¹;
- 7) непонимание перспектив карьерного роста и развития, а также непонимание сути профессий в сфере туризма приводят к тому, что она недооценена общественностью и не популярна среди абитуриентов вузов;
- 8) туризм — межотраслевой комплекс, в рамках которого на сегодняшний день четко прослеживается тенденция сокращения числа посредников между потребителем услуги и собственно услугой. Следовательно, многие сервисы массового пользования будут автоматизироваться.

В табл. 2 отражено воздействие глобальных, национальных трендов на изменения в потребительских ожиданиях туриста и реакция предприятий индустрии туризма в вопросе подготовки кадрового состава отрасли.

Туризм — сфера деятельности, где общение с клиентом играет непосредственную роль, социальные навыки являются ключевыми, эмоциональная составляющая является элементом, необходимым для выстраивания дружеских доверительных отношений между продавцом туруслуги и ее покупателем, так как товаром является не объект, имеющий материально-вещественную форму, а впечатление, уникальный опыт и эмоции. Индивидуальный подход, «кастомизация» туризма — один из трендов, предполагающих проектирование турпродукта исходя из индивидуальных запросов и вкусовых предпочтений туриста. Проектирование уникального турпродукта не является стандартной задачей, повторяющейся в массовых масштабах и предполагающей определенный алгоритм реализации, который можно облечь в компьютерную программу. Мнение профессиональной общественности в сфере туризма сводится к тому, что простейшие рутинные унифицированные задачи будут, безусловно, автоматизироваться и замещать ручной труд специалистов, в то время как уникальный опыт и компетенции высококвалифицированных специалистов будут капитализироваться, так как именно эти специалисты способны выполнять сложные неординарные задачи, не поддающиеся цифровизации. В этом контексте возникает проблема занятости той категории персонала, которая выполняет простые операции (так называемая «технологическая безработица»). Выход — дополнительные инвестиции в персонал организации (обучение на протяжении всей жизни) с целью наделения его компетенциями, в том числе в сфере ИКТ, позволяющими выполнять операции, приносящие большую добавленную стоимость предприятию индустрии туризма. Помимо цифровой компетенции актуальной на сегодняшний день в контексте соответствия спроса и предложения трудовых

¹ Travel & tourism: driving women's success // Сайт UNWTO [Электронный ресурс] . URL: <https://www.wttc.org/economic-impact/social-impact/driving-womens-success>. (дата обращения: 05.12.2020).

Формирование новых компетенций у персонала туристского предприятия под воздействием глобальных, национальных трендов и изменений в потребительских ожиданиях туристов

Table 2. Formation of new competencies among the personnel of a tourism enterprise under the influence of global, national trends and changes in consumer expectations of tourists

Глобальные, национальные тренды мирового туррынка	Изменения в потребительских ожиданиях туриста	Требования к персоналу как стратегическому ресурсу туристских предприятий
Глобальные		
- Внедрение ИКТ в организацию туристской деятельности: глобальные дистрибутивные системы, электронные платформы, технология динамического пакетирования туров, применение VR, AR - Глокализация и здоровый образ жизни и активный отдых - Рост связанности дестинаций - Рост интереса к экологическому и природоориентированному туризму - Доступный туризм - Приоритет безопасности жизни и здоровья	- Возможность самостоятельной организации путешествия, высокая вариативность турпродукта - Высокое требование к сервису, вопросам безопасности - Путешествия как форма познания, получения уникального аутентичного опыта («living like a local») - Сочетание отдыха с иными видами деятельности, появление новых концепций отдыха: «education+edutainment», «business+asure=belasure» - Снижение глубины бронирования, спонтанность принятия решений о поездке - Рост популярности приграничных путешествий, автотуризма и караваннинга	- Наличие цифровых компетенций у персонала индустрии туризма - Инновационный подход и креативность - Критическое мышление и высокие аналитические способности (способность работать с big data) - Желание учиться на протяжении всей жизни - Внимание к деталям, клиентоориентированность - Эмоциональная резистентность и эмпатия - Постоянный контроль качества и уровня безопасности предоставления услуг - Умение работать в команде, тайм-менеджмент - Умение быстро реагировать на комплексные проблемы (complex problem-solving) - Экологическое мышление - Кросскультурность (открытость к межкультурному диалогу) - Высокая эрудированность (глубокие знания культуры продаваемых направлений)

Глобальные, национальные тренды мирового туррынка	Изменения в потребительских ожиданиях туриста	Требования к персоналу как стратегическому ресурсу туристских предприятий
Национальные		
• Приоритет внутреннего туризма над выездным • Перегрузка малых городов России как уникальных дестинаций на туркарте России • Соответствие качества отечественного турпродукта мировым стандартам • Применение разнообразного инструментария стимулирования спроса на отечественный турпродукт (господдержка отрасли) • Повышение престижа путешествий по России	• Рост интереса к внутренним направлениям, но с учетом соответствия ожиданий высокого уровня сервиса реалиям его предоставления • Рост интереса к природоориентированным турам по стране и уникальной русской природе, популярным в том числе и за пределами России (оз. Байкал, северное сияние, «настоящая русская зима» и др.) • Актуальность санаторно-курортного лечения в постковидный период • Необходимость услуги по сопровождению путешествия в режиме 24/7 • Рост спроса на страховые продукты на туррынке	• Глубокие знания истории, традиций и культуры страны, необходимые для создания уникальных турпродуктов • Клиентоориентированность, высокие стандарты обслуживания • Цифровая грамотность и сопровождение клиентского сервиса в режиме 24/7 • Эмоциональная резистентность и умение работать в стрессовых условиях, решать сложные задачи • Знание основ экологического права, следование принципам устойчивого развития • Знание основ страхового права • Знание иностранных языков и кросскультурность

Источник: составлено автором по [15, с. 9; и др.].

ресурсов туристской направленности является наличие так называемой рекреационно-экологической компетенции — профессиональных знаний и навыков организации экологических путешествий, а именно: системы знаний о месте и роли человека в экосистеме, бережном отношении к окружающей среде, восприятие природы как важнейшей ценности для человечества, ценностные установки по отношению к собственной экологоориентированной деятельности. Задача рационального использования природных ресурсов представляется стратегической задачей всех отраслей экономики страны. Туристский комплекс в первую очередь должен отреагировать на данный вызов и внедрить в образовательные программы основы рационального природопользования, изучение основ экологического права. Будущие работники отрасли при планировании туризма, разработке комплексного турпродукта и его реализации должны принимать во внимание цели устойчивого развития, провозглашаемые международными авторитетными организациями (UNWTO, WEF, WTTC и др.), а также способствовать экологическому воспитанию туриста. Так, компания Booking.com в ежегодном исследовании потребительских трендов в сфере туризма подчеркивает повышенный спрос со стороны путешественников на экологические туры

и желание видеть на сайтах онлайн бронирования наличие фильтров, позволяющих найти соответствующие экологическим стандартам объекты размещения¹.

ИКТ кардинально поменяет рынок труда в том числе и в отрасли туризма, способствуя росту трансграничной удаленной занятости [14, с. 183; 15, с. 13], повышению требований к квалификации персонала туристической индустрии. Туризм стал высокотехнологичным, по мере проникновения высоких технологий в отрасль будут требоваться высокообразованные, технически подкованные специалисты и нехватка (разрыв между спросом и предложением) трудовых ресурсов в сфере туризма будет ощущаться все сильнее. В данном контексте авторитетной и действенной методологией стратегического управления является методология, предложенная академиком В. Л. Квинтом и апробированная во многих странах в том числе при планировании трудовых ресурсов и управлении ими, а также при построении национальных, региональных и корпоративных стратегий [9, с. 140; 10, с. 155].

Важно отметить, что новая концептуальная основа подготовки высококвалифицированных кадров предполагает переход от внутриотраслевой к межотраслевой базе, т. е. введение модулей туристских дисциплин в образовательные программы других групп специальностей и направлений (экономика в туризме, архитектурное проектирование в туризме, компьютерное моделирование в туризме и т. д.) [5, с. 16].

3. Направление стратегических преобразований в туризме: изменение портрета путешественника

Развитие информационно-коммуникационных технологий приводит к трансформации поведения самого путешественника. В научной литературе сложился термин «цифровой кочевник», по-иному воспринимающий пространство и время в новой цифровой среде. Основными характеристиками такой модели поведения являются: приоритет свободы, желание узнавать мир и постигать себя, высокая трудовая мобильность, абсолютное принятие ситуации отсутствия долгосрочных гарантий занятости [12, с. 157–162], высокая зависимость от ИКТ, минимализм к материальному комфорту, но необходимость комфорта иного уровня, рационального, целесообразного, технологичного и соответствующего системе ценностей цифрового кочевника. По мере роста фриланса растет спрос на дестинации с длительным сроком пребывания. С одной стороны, в международной статистике принято относить к турпоездам поездки, не превышающие годовую продолжительность пребывания в месте, отличном от постоянного места жительства путешественника (отечественное законодательство устанавливает срок в 6 мес.), однако сущностно такая форма взаимоотношений поставщика и потребителя туруслуги по своему экономическому содержанию является туристической, так как турист, оставаясь по сути нерезидентом, расходует средства в дестинации, не связанной с ним источником получения дохода. Здесь можно говорить о туризме как об образе жизни и о смешении понятий постоянного и временного места жительства. Важно отметить, что эффективное использование времени, выделенного для осуществления рекреационных потребностей человека, в дальнейшем конвертируется в человеческий капитал или «символический капитал». Согласно исследованиям Booking.com, 43% респондента из России задумываются о бронировании жилья для удаленной работы².

¹ Результаты исследования устойчивого туризма и предпочтений путешественников от Booking.com // Hotelia [Электронный ресурс]. URL: <http://prohotelia.com/2019/04/sustainable-tourism-travel-preferences> (дата обращения: 11.06.2020).

² Booking.com наметил тренды в туризме будущего [Электронный ресурс]. URL: <https://>

В условиях кризиса и высокой неопределенности внешней среды стратегическая задача игроков рынка — разработка собственной стратегии развития с учетом возможностей, открываемых в посткризисном мире, угроз, возникших ввиду нарушения основных принципов функционирования отрасли, принимая во внимание сильные и слабые стороны бизнеса. В новых условиях хозяйствования происходит переоценка ценностей, интересов и приоритетов всех игроков рынка, вследствие чего во главу принятия релевантных управленческих решений стоит постоянный мониторинг поведения потребителя туруслуги. Так, компания Amadeus в исследовании «Amadeus Travel Tribes 2030»¹, направленном на определение портрета будущего путешественника с целью дальнейшей разработки коммуникационной стратегии компании, выделила шесть специфических типов путешественников [7, с. 131].

Сегментация потребителя — существенный аспект маркетинговой стратегии, ориентированной на выбор ценностного предложения для целевых внутренних и внешних рынков и его донесение до целевой аудитории через современные каналы коммуникации.

4. Направление стратегических преобразований в туризме: разработка высокотехнологичных турпродуктов

Получение уникального туристского опыта, высокие требования к безопасности и высокие стандарты предоставления услуги, сопровождение турпоездки в режиме 24/7, высокая вариативность турпродукта и возможность его модификации в режиме реального времени (технология динамического пакетирования тура), расширение географии и временных границ путешествия, интеграция различных целей поездки, экологизация туристского поведения, приоритет социальные медиа как инструмента коммуникационной стратегии с целевыми сообществами — основные тренды, которые необходимо учитывать при разработке и продвижении новых туристских продуктов. Стратегически важен учет предприятиями индустрии туризма ценностных ориентиров поколений (табл. 3).

Поколения «Миллениалы» и поколения «Screenagers» — основной целевой сегмент туррынка, формирующие так называемый «новый туризм», когда потребитель туруслуги более информационно подкован, сам формирует наполнение турпродукта и нацелен на уникальный туристский опыт. Коммерциализация впечатлений, превращение туризма в сегментированный, сделанный на заказ, массовая персонализация турпродуктов — основные потребительские тренды в туризме.

Развитие ИКТ предполагает значительно большее присутствие информации о турпродукте, предприятии индустрии туризма, городе, регионе, стране в информационном поле. Стратегическим активом в данной ситуации может являться туристский бренд и репутация поставщика туруслуги (предприятий индустрии туризма и гостеприимства) либо дестинации в целом, представленной на туристской карте страны, мира.

Заключение

Стратегия есть результат системного анализа внешней среды (анализ общепризнанных глобальных, региональных, отраслевых трендов и выявление еще непро-

travelvesti.ru/novosti/booking-com-nametil-trendy-v-turizme-budushchego.html (дата обращения: 30.11.2020).

¹ «Amadeus Travel Tribes 2030» [Электронный ресурс]. URL: <https://amadeus.com/documents/en/blog/pdf/2015/07/amadeus-traveller-tribes-2030-airline-it.pdf> (дата обращения: 30.11.2020).

**Ценностные ориентиры поколений и их влияние
на туристские предпочтения**

Table 3. Values of generations and their influence on tourist preferences

Ценности поколения «беби-бумеры» (1943–1963)	Ценности поколения «X» (1963–1983)	Ценности поколения «Y» (1983–2003)	Ценности поколения «Z» (2003–2023)
<i>Поколению свой- ственны:</i> опти- мизм, активность, любопытность, постоянное преодо- ление трудностей, командный дух, культ молодости. <i>Предпочтения в досуговой сфере:</i> туризм, связанный с заботой о здоро- вье и поддержании молодости (СПА, санаторно-курорт- ное лечение). Для них важна статусность и качество досуго- вой услуги, характеризуются вкусовым постоян- ством в выборе поездки	<i>Поколению свой- ственны:</i> гибкость в отношении с людьми, готов- ность к переменам, расчет только на собственные силы. Они индивидуали- сты, противники толпы, тусовок, высоко ценят возможность выбора. Им свойственна техническая грамотность («tech savvy»), стремле- ние учиться в течение всей жизни, неформаль- ность взглядов, поиск эмоций, прагматичность. <i>Предпочтения в досуговой сфере:</i> высоко ценят время, готовы переплатить за услугу, если она соответствует их представлениям о комфорте. Выбирают отдых в пансионате, санатории, пляж- ный отдых, не реагируют на громкие бренды, предпочитают качеству уникаль- ность, возмож- ность получить новые яркие впечатления	<i>Поколению свой- ственны:</i> работа в команде, техно- логически подко- ваны, нацелены на общение и взаимо- действие, прекрас- но функционируют в условиях вирту- альной реальности, хорошо управле- мы, вместе с тем уверены в своей ценности. <i>Предпо- чтения в досуговой сфере:</i> максимали- сты в получении удовольствия от досуга, руковод- ствуются модой и громкими брендами, высоко ценят комфорт, престиж и стре- мятся быть в трен- де	<i>Поколению свой- ственны:</i> интро- вертность, эгоцен- тризм, динамич- ный стиль жизни, они живут в вир- туальном мире, оперируют боль- шими массивами информации, характеризуются высоким уровнем образования, высокими адаптив- ными способностя- ми, потребитель- ским отношением к жизни, беском- промисностью, крайне мало тех, для которых приоритетным становится высо- кая культура, образование, личное развитие, более легко расста- ются с деньгами, руководствуются принципом «пра- вильно — это быть как все». <i>Предпочтения в досуговой сфере:</i> в выборе досуга практичны — вы- бирают недорогие полетные програм- мы и уникальный туристский опыт

явившихся тенденций и закономерностей, относящихся к объекту стратегирования и мониторинг их воздействия на него), существующих прогнозов развития событий в будущее, базируясь на стратегическом мышлении, фундаментальных знаниях и интуиции. Именно стратегия как путеводитель к выверенным приоритетам и стратег как навигатор, направляющий объект стратегирования из прошлого в будущее способны обеспечить системное развитие отрасли в новых условиях функционирования. Индустрия туризма нуждается в коренных преобразованиях, опирающихся на фундаментальные научные знания, международный опыт ведущих мировых туристских держав, в то же время принимая во внимание отечественный опыт правления туризмом. При разработке стратегии развития туризма в России, как в любой другой стране, научное сообщество должно «принимать во внимание две парадоксальные культурные динамики: глобальную конверсию культур и в то же время сохранение и защиту национальных и местных культурных особенностей и ценностей» [8, с. 27].

Литература

1. Архипова О. В., Кущева Н. Б., Владыкина Ю. О. Цифровые трансформации и новые технологические решения как драйверы индустрии гостеприимства // Проблемы современной экономики. 2020. № 2 (74). С. 237–242.
2. Богомазова И. В., Аноприева Е. В., Климова Т. Б. Цифровая экономика в индустрии туризма и гостеприимства: тенденции и перспективы // Сервис в России и за рубежом. 2019. Т. 13. Вып. 3. С. 34–47.
3. Зингер-Корн Н., Теснина Я. Новые вызовы туристского рынка к кадровому обеспечению отрасли // Рекреация и туризм. 2019. № 4 (4). С. 15–21.
4. Индикаторы цифровой экономики: 2019: стат. сб. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ. 2019.
5. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Т. 1. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2019 (Сер. «Библиотека стратега»).
6. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Т. 2. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2020 (Сер. «Библиотека стратега»).
7. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2020.
8. Квинт В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М. : Бюджет, 2012.
9. Краснорядцева О. М., Ваулина Т. А., Щеглова Э. А. Цифровые кочевники: проблемы образовательного взаимодействия // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд. Сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции. 2017. Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30007294/> (дата обращения: 03.12.2020).
10. Морозов М. А., Морозова Н. С. Новая парадигма развития туризма и индустрии гостеприимства в условиях цифровой экономики // Вестник РосНОУ. Сер. «Человек и общество». 2018. № 1. С. 135–141.
11. Морозов М. А., Морозова Н. С. Влияние мобильных приложений на развитие туристской индустрии // Вестник Национальной академии туризма. 2015. № 4 (36). С. 17–19.
12. Морозов М. М. Особенности управления туристскими системами в условиях цифровой экономики // Туризм: право и экономика. 2018. № 3. С. 7–10.
13. Новикова И. В. Концепция стратегии занятости населения в цифровой экономике. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2020.
14. Новикова И. В. Стратегическое управление трудовыми ресурсами предприятия в Индустрии 4.0 // Экономическое возрождение России. 2019. Т. 61. № 3. С. 181–184.
15. Пятковский А. А., Садовнича А. В., Чхотуа И. З., Юматов К. В. Стратегические приоритеты развития туризма и выставочно-ярмарочной деятельности в Кузбассе. Экономика в промышленности. 2020. № 13 (3). С. 339–347.
16. Шпилюк С. П., Шевель К. В. Факторы и тенденции развития туристских потребностей на современном этапе // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования.

Труды XIV Международной научно-практической конференции / под общ. редакцией В.И. Кружалина. М., 2019. С. 24–34.

17. Чхотуа И.З. Организация системы контроллинга на предприятиях индустрии туризма с учетом специфики функционирования рынка и особенностей объекта управления // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 2 (92). С. 132–136.
18. Cheng M., Foley C. The sharing economy and digital discrimination: the case of Airbnb. Int. J. Hospitality Manage. 2018. № 70. P. 95–98.
19. Kum H., Aslan A., Gungor M. Tourism and economic growth: The case of Next-11 countries. International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. № 5 (4). P. 1075–1081.

Об авторе:

Чхотуа Илона Зурабовна, доцент кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; chkhotua@inbox.ru

References

1. Arkhipova O.V., Kushcheva N.B., Vladykina Yu.O. Digital transformations and new technological solutions as drivers of the hospitality industry // Problems of the modern economy [Problemi sovremenoi ekonomiki]. 2020. N 2 (74). P. 237–242. (In Rus).
2. Bogomazova I.V., Anoprieva E.V., Klimova T.B. Digital economy in the tourism and hospitality industry: trends and prospects // Services in Russia and Abroad [Servis v Rossii i za rubezhom]. 2019. N 13 (3). P. 34–47. (In Rus).
3. Singer-Korn N., Tesnina J. New challenges of the tourism market to the staffing of the industry // Recreation and tourism [Rekreatzia i turizm]. 2019. N 4 (4). P. 15–21. (In Rus).
4. Indicators of the digital economy: 2019: statistical collection / G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky, L.M. Gokhberg and others; Nat. issled. University Higher School of Economics. M. : NRU HSE. 2019. 248 p. (In Rus).
5. Kvint V.L. The Concept of Strategizing. Vol. 1. SPb. : NWIM RANEPa, 2019. 132 p. ("The Strategist's Library" Series). (In Rus).
6. Kvint V.L. The Concept of Strategizing. Vol. 2. SPb. : NWIM RANEPa, 2020. 164 p. ("The Strategist's Library" Series). (In Rus).
7. Kvint V.L. The Concept of Strategizing. Kemerovo: Kemerovo State University, 2020. 170 p. (In Rus).
8. Kvint V.L. Strategic management and economics in the global emerging market. Budget Moscow Publishing House, 2012. 627 p. (In Rus).
9. Krasnoryadtseva O.M., Vaulina T.A., Shcheglova E.A. Digital nomads: problems of educational interaction // Digital nomadism as a global and Siberian trend. Collection of materials of the III International transdisciplinary scientific-practical WEB-conference. 2017. Publisher: National Research Tomsk State University (Tomsk) []. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30007294> (accessed: 03.12.2020).
10. Morozov M.A., Morozova N.S. A new paradigm for the development of tourism and the hospitality industry in the digital economy // Bulletin of RosNOU, Series "Man and Society" [Buleten RosNOU]. 2018. N 1. P. 135–141. (In Rus).
11. Morozov M.A., Morozova N.S. Influence of mobile applications on the development of the tourism industry // Bulletin of the National Academy of Tourism [Vestnik nacionalnoi akademii turisma]. 2015. N 4 (36). P. 17–19. (In Rus).
12. Morozov M.M. Features of management of tourist systems in the digital economy // Tourism: law and economics [Turizm: pravo i ekonomika]. 2018. N 3. P. 7–10. (In Rus).
13. Novikova I.V. Concept of the strategy of employment of the population in the digital economy. Kemerovo State University Kemerovo, 2020. 254 p. (In Rus).
14. Novikova I.V. Strategic management of labor resources of an enterprise in Industry 4.0 // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii] 2019. Vol. 61. N 3. P. 181–184.
15. Pyatovskiy A.A., Sadovnichaya A.V., Chkhotua I.Z., Yumatov K.V. Strategic priorities for the development of tourism and trade fair activities in Kuzbass region. Economics in industry [Ekonomika v promishlennosti]. 2020. N 13 (3). P. 339–347. (In Rus).

16. Shpilko S.P., Shevel K.V. Factors and trends in the development of tourist needs at the present stage // Tourism and recreation: fundamental and applied research. Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of V.I. Krushalina. M., 2019. P. 24–34. (In Rus).
17. Chkhotua I.Z. Organization of the controlling system at the enterprises of the tourism industry taking into account the specifics of the functioning of the market and the features of the management object // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics. 2015. N 2 (92). Pp. 132–136.
18. Cheng M., Foley C. The sharing economy and digital discrimination: the case of Airbnb. Int. J. Hospitality Manage. 2018. N 70. P. 95–98.
19. Kum H., Aslan A., Gungor M. Tourism and economic growth: The case of Next-11 countries. International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. N 5 (4). P. 1075–1081.

About the author:

Ilona Z. Chkhotua, Associated Professor of the Chair of Economic and Financial Strategy of Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics; chkhotua@inbox.ru

Методика формирования рейтинга деловой активности организаций инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на муниципальном уровне

Демидов М. О.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; demidov-mo@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена разработке методики рейтинга деловой активности организаций инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на муниципальном уровне. Описан способ формирования рейтинга и расчета интегрального показателя эффективности деятельности этих организаций, базирующийся на учете объективных и субъективных факторов. Сформулированы критерии для объективной части оценки на основе анализа нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность организаций инфраструктуры поддержки, и предложен метод определения их «весов» на основе одного из элементов метода анализа иерархий Т. Саати. Описан способ формирования субъективной части оценки, основанный на мнениях потребителей. Результатом внедрения предложенной методики может являться повышение эффективности деятельности и качества предоставляемых услуг данными организациями.

Ключевые слова: организации инфраструктуры поддержки предпринимательства, рейтинг деловой активности, оценка эффективности

Для цитирования: Демидов М. О. Методика формирования рейтинга деловой активности организаций инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на муниципальном уровне // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 97–104.

Methodology of Formation of Business Activity Rating of Infrastructure Organizations Supporting Small and Medium-Sized Enterprises at the Municipal Level

Mikhail O. Demidov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; demidov-mo@ranepa.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the presentation of the methodology for rating the business activity of organizations of the infrastructure to support small and medium-sized businesses at the municipal level. The article describes a method for forming a rating and calculating an integral indicator of the effectiveness of these organizations, based on taking into account objective and subjective factors. Criteria for the objective part of the assessment are formulated based on the analysis of the legal framework governing the activities of support infrastructure organizations, and a method for determining their “weights” is proposed based on one of the elements of T. Saati’s hierarchy analysis method. The article describes a method of forming the subjective part of the assessment based on the opinion of the consumer. The result of the implementation of the proposed methodology can be an increase in the efficiency of activities and the quality of services provided by these organizations.

Keywords: organization of infrastructure for supporting entrepreneurship, rating of business activity, assessment of efficiency

Введение

Утверждение, что любое государство, реализующее рыночную модель развития экономики, заинтересовано в развитии малого и среднего предпринимательства можно назвать трюизмом. Данный тезис подтверждается большим количеством классических трудов, начиная с Макса Вебера и Йозефа Шумпетера, представляющих предпринимателей главной движущей силой этого развития, стимулирующей перестройку структуры экономики, увеличивающей рыночный выбор и создающей новые рабочие места. В соответствии с этим, у такого государства должен формироваться запрос на проведение адекватных мер государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства и, в частности, на создание соответствующей инфраструктуры.

В настоящее время в Российской Федерации эта идея находит отражение в Национальном проекте «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»¹, определяющем развитие микрофинансовых организаций, предоставляющих доступ к заемным средствам на льготных условиях в субъектах Российской Федерации, как одно из основных мероприятий, направленных на всестороннюю поддержку малого и среднего предпринимательства. Основным документом, регламентирующим деятельность данных организаций, является Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации № 125 от 14.03.2019.² В этом документе закреплены основные понятия, цели и функции микрофинансовых организаций, действующих на муниципальном уровне, а также обозначены критерии оценки эффективности их деятельности. Однако он не предусматривает наличие какого-либо инструмента для проведения оценки качества функционирования данных организаций, который позволял бы определять эффективность их деятельности и выделять проблемные места для дальнейшего совершенствования.

В научной литературе теме исследований инфраструктуры поддержки предпринимательства посвящено достаточно небольшое количество работ [5; 6]. В основном, авторов интересует более комплексное рассмотрение мер поддержки предпринимательства со стороны государства, во многом привязанное к региональным особенностям [1; 2; 4; 7]. Существуют работы, посвященные конкретным инстру-

¹ Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/ (дата обращения: 09.12.2020).

² Об утверждении Требований к реализации мероприятий, осуществляемых субъектами Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства в субъектах Российской Федерации в целях достижения целей, показателей и результатов региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результатов федеральных проектов, входящих в состав национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», и требований к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства: приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 14.03.2019 № 125 [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru//document/72264634/paragraph/52703:0> (дата обращения: 09.12.2020).

ментам оценки эффективности государственной поддержки [3], однако работы, посвященные исключительно роли данных организаций и их функционированию, отсутствуют. Этот пробел был заполнен в рамках соответствующего проекта СЗИУ РАНХиГС в 2019 г., в рамках которого была проанализирована нормативно-правовая база функционирования организаций инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, рассмотрены различные инструменты оценки качества функционирования схожих систем, проведено включенное наблюдение и разработана методика проведения рейтинга деловой активности этих организаций.

Основная цель настоящей статьи заключается в представлении методики проведения данного рейтинга. Настоящая статья может быть интересна представителям органов государственной власти и руководителям организаций инфраструктуры поддержки предпринимательства на муниципальном уровне.

Методы и методология

Основополагающими принципами при разработке методики расчета и формулировании критериев оценки были выбраны принципы, заложенные в теоретической концепции New Public Management, артикулирующей менеджериальный подход к определению государства [8]. Их суть заключается в представлении государства как эффективного менеджера, ориентированного на минимизацию издержек и максимизацию эффективности принимаемых решений, учитывающего рыночные установки и нужды потребителя.

В процессе разработки алгоритма методики проведения рейтинга и ее составляющих были рассмотрены различные методики построения рейтингов и проведения оценки эффективности и результативности схожих систем, представляющие лучшие практики в данной области. На основании этого анализа ключевыми принципами формирования оценки были выбраны принципы учета объективных данных и субъективного мнения, а также принцип использования относительных показателей, лежащие в основе Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах РФ¹ и исследования «Ведение бизнеса»².

Для определения перечня критериев были проанализированы федеральные и региональные документы, регулирующие деятельность муниципальных организаций инфраструктуры поддержки, среди которых стоит выделить вышеупомянутый Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации № 125 от 14.03.2019 об утверждении требований к реализации мероприятий, осуществляемых субъектами Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, и Постановление Правительства Ленинградской области № 557 от 05.12.2017³.

Инструментом дифференциации важности критериев оценки был выбран один из элементов метода анализа иерархий Т.Л. Саати, а именно метод парных сравне-

¹ Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ // Сайт Агентства стратегических инициатив [Электронный ресурс]. URL: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 09.12.2020).

² Методология исследования «Ведение бизнеса» // Сайт проекта «Ведение бизнеса» [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.doingbusiness.org/ru/methodology> (дата обращения: 10.12.2020).

³ Об утверждении требований к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства Ленинградской области при реализации государственных программ (подпрограмм) Ленинградской области. Постановление Правительства Ленинградской области от 05.12.2017 № 557 [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/43437730/> (дата обращения: 10.12.2020).

ний [9]. Данный выбор обусловлен соответствием предложенного подхода поставленной задаче. Он предполагает построение матрицы парных сравнений критериев $A = \|a_{ij}\|$, внесение соответствующих баллов на основе сравнения (под главной диагональю записываются числа, обратные к числам над диагональю $l_{ji} = 1/l_{ij}$), дальнейшее деление каждого элемента на сумму соответствующего столбца $b_{ij} = a_{ij} / \sum_j a_{ij}$ и определение «весов» строк посредством нахождения среднего арифметического для каждой $l_i = \sum_j b_{ij} / n$, где n — количество критериев в строке.

Методика построения рейтинга деловой активности организаций инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на муниципальном уровне

Перед началом изложения самой методики рейтинга деловой активности организаций инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на муниципальном уровне необходимо дать определение ключевым понятиям, которые будут использованы в дальнейшем:

- *деловая активность организаций инфраструктуры поддержки* — деятельность, осуществляемая организациями инфраструктуры поддержки (далее — ОИП) в рамках своих полномочий;
- *интегральная оценка эффективности деятельности организаций инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства* (далее — МСП) — это показатель, отражающий эффективность деятельности ОИП на основе достижения максимального уровня объективных и субъективных показателей;
- *рейтинг ОИП* — ранжированный перечень интегральных показателей оценки эффективности деятельности организаций инфраструктуры поддержки;
- *субъекты МСП* — совокупность организаций, входящих в перечень Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства.

Процесс построения рейтинга включает в себя следующие этапы:

- 1) сбор данных, необходимых для формирования объективной и субъективной части оценки;
- 2) расчет интегрального показателя оценки эффективности для каждой организации инфраструктуры поддержки;
- 3) ранжирование полученных результатов.

Как уже было упомянуто ранее, в основе построения рейтинга лежит ранжирование результатов интегральной оценки эффективности для каждой ОИП на основе оценки объективных критериев, включающей в себя оценку фактических результатов деятельности, и субъективных критериев, включающих оценку посредством контрольной закупки и оценку посредством опроса получателей услуг. Интегральная оценка эффективности деятельности C_p является аддитивным числовым показателем, лежащим на отрезке $[0; 1]$, и определяется следующим образом:

$$C_p = \frac{\sum_{i=1}^n (m_n \times l_n)}{100} \times \beta + \frac{S}{\max S} \times (1 - \beta), \quad (1)$$

где l_n — весовой коэффициент, соответствующий критерию n ; S — субъективная часть оценки; $\max S$ — максимальный возможный балл субъективной части оценки; m_n — показатель по критерию n объективной части оценки. β — весовой коэффициент; $\beta \in [0; 1]$, он задается экспертно: чем важнее аспект оценки для субъекта проведения рейтинга, тем коэффициент β должен быть ближе к единице и наоборот.

Ниже приведены критерии, на основании которых формируется объективная часть оценки. Данный список сформулирован на основе перечня функций организаций инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, указанных в Приказе Министерства экономического развития Российской Федерации № 125 от 14.03.2019:

- отношение количества субъектов МСП, обратившихся в ОИП, к общему количеству субъектов МСП в муниципальном районе (данные ЕРСМСП УФНС), %;
- отношение количества субъектов малого и среднего предпринимательства, принявших участие в мероприятиях ОИП, за отчетный период к общему количеству субъектов малого и среднего предпринимательства в муниципальном районе (городском округе), %;
- отношение количества вновь созданных субъектов МСП (участниками проекта «Популяризация») к общему количеству вновь созданных субъектов МСП за аналогичный период в муниципальном районе (городском округе), %;
- отношение количества представителей субъектов МСП в муниципальном районе, прошедших обучение на площадке ОИП, к общему количеству обратившихся в центр за этой услугой в оцениваемый период, %;
- количество просмотров сайта, деленное на численность населения муниципального района (городского округа), %;
- количество подписчиков, как доля от общей численности населения муниципального района (городского округа), %;
- количество субъектов МСП в районе в расчете на 1 тыс. человек населения района в процентном соотношении, %;
- количество рабочих мест, созданных в субъектах МСП в районе, как доля от общей среднесписочной численности работников в районе, %;
- отношение суммы полученных собственных средств к общему объему финансирования, %.

Весовой коэффициент для дифференциации каждого из критериев ln предлагается определять посредством метода парных сравнений. Сбор информации предлагается осуществлять посредством заполнения сотрудниками оцениваемых ОИП Анкет самообследования. Стоит отметить, что под оцениваемым периодом понимается временной интервал, за который осуществляется оценка. Расчет субъективной части оценки S осуществляется следующим образом:

$$S = \frac{\sum_{i=1}^w s_w}{\max w} + \frac{\sum_{i=1}^q s_q}{\max q}, \quad (2)$$

где sw — оценка на основе контрольной закупки; sq — оценка на основе опроса предпринимателей, обращающихся в ОИП.

Данные для этого аспекта интегральной оценки формируются на основе проведения контрольной закупки с целью получения первичной консультации и опроса предпринимателей, обращающихся в организацию инфраструктуры поддержки за оцениваемый период. Предлагается использовать различные шкалы для оценки предложенных групп, что обусловлено временным промежутком, образовавшимся с момента получения услуги в ОИП: представители контрольной закупки могут более детально дать обратную связь по получению услуги, нежели те, кто получал ее какое-то время назад.

Далее приведен перечень вопросов для опросных анкет, используемых для определения субъективного аспекта интегральной оценки:

- оцените количество и качество информации об организации инфраструктуры поддержки и предоставляемых ей услугах в интернете (1 — очень низкое, m — очень высокое);

- были ли вы удовлетворены телефонным разговором с оператором организации инфраструктуры поддержки (1 — не удовлетворен, *m* — полностью удовлетворен);
- были ли вы удовлетворены транспортной доступностью организации инфраструктуры поддержки (1 — не удовлетворен, *m* — полностью удовлетворен);
- легко ли было найти офис организации инфраструктуры поддержки (1 — очень тяжело, *m* — очень легко);
- оцените комфортабельность офиса (места для ожидания, наличие воды, Wi-Fi) (1 — очень неудобно, *m* — очень удобно);
- оцените качество предоставляемых услуг и работу специалистов (компетентность, доброжелательность, заинтересованность и др.) (1 — очень плохо, *m* — превосходно);
- вы удовлетворены сроком оказания услуги (1 — совсем не удовлетворен; *m* — полностью удовлетворен);
- оцените пользу вашему предприятию от обращения в организацию инфраструктуры поддержки (1 — пустая трата времени; *m* — помогли решить важные проблемы).

Для каждого из вопросов в анкете предлагается формирование поля для обоснования выбранной оценки: данные комментарии можно использовать в дальнейшем для формирования рекомендаций по улучшению работы соответствующим ОИП.

По итогам сбора информации производится расчет интегрального показателя эффективности деятельности для каждой из организаций инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства и ранжирование полученных результатов. Для более наглядной интерпретации результатов рейтинга и улучшения его восприятия рекомендуется оформлять результаты рейтинга в формате линейчатых диаграмм с обозначением среднего значения по группе (рис.).

Также имеет смысл дополнительно строить рейтинг по субъективной и объективной части оценки в отдельности. Это может дать возможность выявлять локальные проблемы в функционировании организаций инфраструктуры поддержки и служить основанием для принятия соответствующих управленческих решений.

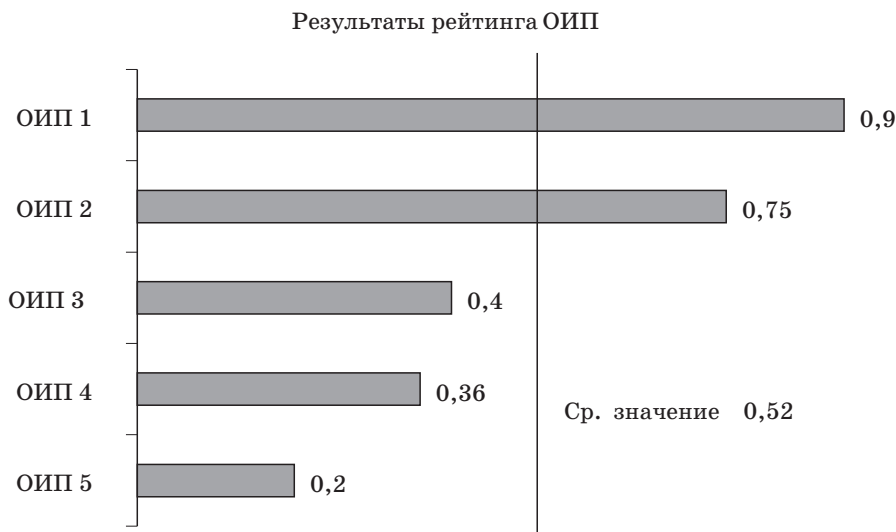

Рис. Пример оформления результатов рейтинга
Fig. Example of rating results

Заключение

Вопрос определения способов измерения эффективности деятельности является одним из ключевых в управлении. Представленная методика позволяет оценить ее, основываясь как на объективных статистических показателях, так и на субъективном мнении непосредственных клиентов организаций инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства — самих предпринимателей. Приведенный подход способствует формированию полного представления о качестве принимаемых управленческих решений и их реализации.

Среди направлений совершенствования предложенной методики можно выделить учет темпов изменения показателей при повторном проведении рейтинга и поиск способов более адекватного определения весовых коэффициентов.

Литература

1. Аверин А. В., Рязанов А. А. Совершенствование механизмов государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства московской агломерации // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2015. Вып. 1. Ч. I. С. 24–30.
2. Бухтиярова Т. И., Дубынина А. В. Формирование модели инфраструктурной поддержки малого и среднего предпринимательства // Социум и власть. 2016. № 3 (59). С. 73–80.
3. Кремин А. Е. Методика оценки эффективности государственной поддержки малого предпринимательства в регионе // Проблемы развития территории. 2017. № 3 (89). С. 46–61.
4. Молчан А. С. Государственная поддержка субъектов регионального предпринимательства как фактор экономического регулирования развития деловой среды региона // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. 2015. № 2. С. 126–142.
5. Пелькова С. В., Кольцова Т. А. Действующая система государственной поддержки предпринимательства в Тюменской области // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2020. Т. 82. № 1 (83). С. 340–349.
6. Плотнокова Т. А. Инфраструктура поддержки малого бизнеса в России // Бизнес в законе. 2011. № 4. С. 249–251.
7. Черемных М. Б., Сидорова Д. В., Орел Ю. В., Еременко Н. В. Государственная поддержка малого предпринимательства: региональный аспект // Фундаментальные исследования. 2015. № 5–4. С. 772–776.
8. David Osborne, Ted Gaebler. Reinventing government: How the entrepreneurial spirit is transforming the publ. sector. N Y etc. : Plume, 1993. XXII. 405 p.
9. Saaty T. Decision making with the analytic hierarchy process // International Journal of Services Sciences. 2008. N 1. P. 83–98.

Об авторе:

Демидов Михаил Олегович, Директор проекта, Центр исследований и прикладных разработок, научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории стратегии, территориального развития и качества жизни Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); аспирант кафедры управления и планирования социально-экономических процессов СПбГУ; demidov-mo@ranepa.ru

References

1. Averin A. V., Ryazanov A. A. Improvement of mechanisms of the state support of subjects of small and average business of the Moscow agglomeration // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences [Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki]. 2015. Vol. 1. Pt. I. P. 24–30. (In Rus)
2. Bukhtiyarova T. I., Dubynina A. V. Forming a model of infrastructural support of small and medium business // Society and Power [Sotsium i vlast']. 2016. N 3 (59). P. 73–80. (In Rus)
3. Kremin A. E. Assessment methodology of state support efficiency of small entrepreneurship in the region // Problems of territory's development [Problemy razvitiya territorii]. 2017. N 3 (89). P. 46–61. (In Rus)

4. Molchan A. S. State support regional enterprise as a factor of economic regulation of the business environment of the region // Scientific works of Kuban State Technological University [Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta]. 2015. N 2. P. 126–142. (In Rus)
5. Pelkova S. V., Koltsova T. A. The current system of state support for small business in the Tyumen region // Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies [Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologii]. 2020. T. 82. N 1 (83). P. 340–349. (In Rus)
6. Plotnikova T. A. Infrastructure of support of small-scale business in Russia // Business in law [Biznes v zakone]. 2011. N 4. P. 249–251. (In Rus)
7. Cheremnykh M. B., Sidorova D. V., Eagle Yu. V., Eremenko N. V. State support of small business: regional aspect // Fundamental research [Fundamental'nye issledovaniya]. 2015. N 5-4. P. 772–776. (In Rus)
8. David Osborne, Ted Gaebler. Reinventing government: How the entrepreneurial spirit is transforming the publ. sector. N Y etc. : Plume, 1993. XXII. 405 p.
9. Saaty T. Decision making with the analytic hierarchy process // International Journal of Services Sciences. 2008. N 1. P. 83–98.

About the author:

Mikhail O. Demidov, Project director, Center for Applied Research and Development, Researcher of Research Laboratory for Strategy, Territorial Development and Quality of Life of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); Postgraduate Student of Saint-Petersburg State University; demidov-mo@ranepa.ru

Вопросы обоснования государственной политики регулирования производства и потребления социально опасных товаров и услуг

Федорова Н. И. *, Ходачек В. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *fedorova-ni@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель исследования — обоснование разумного баланса между интересами потребителей и различными слоями общества в процессе производства и потребления социально опасных товаров и услуг и разработка рекомендаций по совершенствованию государственной политики в этой сфере. Анализируются различные точки зрения по решению проблемы. Рассматриваются возможные варианты дальнейшей стратегии регулирования потребления данной группы товаров и услуг на примере табачной продукции. Характеризуются методы и механизмы регулирования, обеспечивающие как охрану здоровья общества, так и права потребителей.

Ключевые слова: потребитель, политика, регулирование, механизмы, табак, здоровье, личность

Для цитирования: Федорова Н. И., Ходачек В. М. Вопросы обоснования государственной политики регулирования производства и потребления социально опасных товаров и услуг // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 105–114.

Questions of Justification of State Policy Regulation of Production and Consumption of Socially Dangerous Goods and Services

Natalya I. Fedorova*, Vladislav M. Khodachek

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-Western Institute of Management, RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *fedorova-ni@ranepa.ru

ABSTRACT

The purpose of the study is to substantiate a reasonable balance between the interests of consumers and different segments of society in the process of production and consumption of socially dangerous goods and services and to develop recommendations for improving state policy in this area. Various points of view on the solution of the problem are analyzed. Possible options of further strategy of regulation of consumption of this group of goods and services on the example of tobacco products are considered. The methods and mechanisms of regulation that ensure both the protection of public health and the rights of consumers are characterized.

Keywords: consumer, policy, regulation, mechanisms, tobacco, health, personality

For citing: Fedorova N. I., Khodachek V. M. Questions of Justification of State Policy Regulation of Production and Consumption of Socially Dangerous Goods and Services // Administrative consulting. 2021. N 4. P. 105–114.

Введение

Табачная продукция не является запрещенным к производству и потреблению товаром, так же как и алкогольная продукция. В связи с этим на нее распростра-

няется действие Федерального закона «О защите прав потребителей»¹. То есть потребитель имеет право приобретать и потреблять данную продукцию, не нарушая при этом права лиц ее не потребляющих. Вместе с тем при отсутствии эффективного регулирования производства потребления табачной продукции возникают негативные явления, наносит вред здоровью как самих потребителей, так и окружающих лиц.

В целях нейтрализации негативных явлений государство приняло последние годы ряд мер, зафиксированных в федеральных законах и постановлениях органов исполнительной власти. Одной из таких мер явилась разработка Министерством здравоохранения Российской Федерации Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на период до 2035 г. и дальнейшую перспективу².

При проведении исследования были реализованы требования комплексного подхода. Анализ ситуации и выработка рекомендаций осуществлялись с позиций общепрофессионального, социально-психологического, медицинского, экономического и административно-управленческого подходов. Проводились опросы различных контингентов населения, анализ частных мнений, опыта зарубежных государств, анализировались примеры конкретных ситуаций с потребителями табачной продукции.

Цель данного исследования — обоснование разумного баланса между интересами потребителей и различными слоями общества в процессе производства и потребления социально опасных товаров, услуг и разработка рекомендаций по совершенствованию соответствующей государственной политики.

В настоящей статье дается анализ ситуации с производством и потреблением табачной продукции, состоянием защиты граждан от окружающего табачного дыма, даются рекомендации по совершенствованию государственной политики, ее увязке со всем комплексом вопросов, возникающих в сфере производства и потребления табачной продукции.

При подготовке статьи использованы материалы официальной статистики, нормативные документы, экспертные оценки, отечественный и зарубежный опыт решения проблемы сокращения потребления табачной продукции и защиты здоровья населения [2]³.

Анализ ситуации

Термин «социально опасные товары и услуги» пока еще не имеет широкого распространения в научных исследованиях и общественной практике. Тем не менее проблемы, связанные с этой группой товаров и услуг, приобретают все большую остроту. С одной стороны, их производство и потребление разрешены, хотя и с целым рядом ограничений. С другой стороны, существует стойкое противодействие значительной части общества в отношении этих товаров и услуг. Налицо ситуация,

¹ О защите прав потребителей. Федеральный закон от 07.02.1992 № 2300-1.

² Концепция осуществления государственной политики противодействия потреблению табака и иной никотинсодержащей продукции в Российской Федерации на период до 2035 года и дальнейшую перспективу. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2019 г. № 2732-р.

³ См. также: Европейский доклад о борьбе против табака [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euro.who.int/ru/health/2007> (дата обращения: 02.03.2021); Доклад ВОЗ о глобальной табачной эпидемии, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apps.who.int/iris/2016> (дата обращения: 02.03.2021); WHO report on the global tobacco epidemic, 2017 Country profile Russian Federation Всемирная организация здравоохранения. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.who.int/tobacco/surveillance/policy/country/profile/rus.pdf?ua=1> (дата обращения: 02.03.2021).

когда реализация прав одной части населения и экономических субъектов, так или иначе нарушает права другой его части.

Так, реализация прав некурящего населения на чистый воздух, здоровую экологическую ситуацию может при отсутствии эффективных механизмов государственного регулирования привести к серьезному ущемлению прав потребителей табачной продукции. И наоборот, непродуманная политика в сфере ограничения потребления табака может иметь обратный результат и не привести к улучшению ситуации для некурящего населения. Все это требует нового осмысления целей и механизмов реализации государственной политики по регулированию производства и потребления социально опасных товаров и услуг.

К группе социально опасных товаров и услуг относятся крепкие алкогольные напитки, некоторые виды слабоалкогольной продукции и пиво, табачная продукция, лекарственные средства и целый ряд услуг [3]. Нужно отметить, что не существует перечня, официально принятого, таких товаров и услуг, что создает трудности в регулировании их производства (предоставления). В данной статье проблемы социально опасных товаров и услуг рассматриваются на примере табачной продукции и услуг табакокурения.

В Российской Федерации потребление табачной продукции находится на уровне несколько выше среднемирового. По данным ВЦИОМ, количество курящих среди лиц старше 15 лет составляет в последние годы 28–30% или примерно 40 млн чел. Еще примерно 10 млн чел. перешли на заменители табачной продукции, что было вызвано резкими ограничениями потребления табачной продукции и лавинообразным ростом цен на сигареты. Среди молодежи в возрасте 18–24 лет распространенность электронных сигарет составляет 20%, что в 10 раз выше, чем в других возрастных категориях¹. Это нивелирует данные о снижении потребления табака за период проведения жесткой антитабачной политики. По данным других обследований, количество курильщиков табака составляет около 40% [1]. Значительно увеличилось в последние годы потребление нелегальной продукции, которая составляет около 10% и имеет тенденцию к резкому росту. На одного жителя страны старше 15 лет (хотя курение распространено и среди младших возрастов) приходится в день 7–8 сигарет и 2–3 единицы заменителей табачной продукции.

Можно сделать вывод, что коренного изменения в уровне потребления табачной продукции и ее заменителей за годы проведения антитабачной политики не произошло, хотя условия потребления этой продукции для курильщиков резко ухудшились. В то же время нельзя не видеть определенный прогресс в улучшении экологической ситуации для некурящей части населения. Но достигнут он не столько за счет создания современных средств защиты населения от табачного дыма и инфраструктуры цивилизованного курения, а путем скорее репрессивных мер, существенно нарушивших права потребителей табачной продукции, что не соответствует принципам демократического общества. Здесь уместно задать вопрос — а правомерна ли сама постановка вопроса о правах потребителей социально опасных товаров, в том числе табака? Или в таких правах им просто отказано? Видимо, правильный ответ состоит в том, что такие права есть, надо обеспечивать их реализацию, но без нарушения прав остального населения.

Активная деятельность государства по решению проблем, связанных с табакокурением, осуществляется с начала 2000-х гг. 10 июля 2001 г. был принят Федеральный закон № 87-ФЗ «Об ограничении и производстве табака», который с рядом изменений просуществовал до 01.06.2013. Взамен него 23 февраля 2013 г. был принят Федеральный закон № 5-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия

¹ Глобальный опрос взрослого населения о потреблении табака. Краткий обзор. Минздрав РФ, 2016.

окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (с изменениями, внесенными в последующие годы).

Данный закон содержит меры, направленные на ограничение производства, торговли и потребления табачной продукции. Ограничительно-запретительный подход составляет основное содержание закона, а значит, и соответствующей государственной политики. О правах потребителей и цивилизованной реализации этих прав без ущерба для окружающих ничего не говорится. В ходе реализации закона произошло его ужесточение. Одновременно возникли и новые проблемы, о которых будет сказано ниже.

Разработанная Минздравом Концепция осуществления государственной политики противодействия потребления табака до 2035 г. и дальнейшую перспективу основывается на тех же подходах и предлагает еще более жесткие меры в отношении сферы производства, торговли и потребления табачной продукции. В тексте Концепции, к слову, нет ни одного упоминания о Федеральном законе № 5-ФЗ. То есть непонятно какова взаимосвязь этих важных нормативных документов.

На уровне субъектов Российской Федерации активизировалась нормотворческая практика, направленная на дальнейшее ужесточение порядка производства, торговли, потребления табака. Можно констатировать, что государственная политика в ее нынешнем виде не носит комплексного характера, делает акцент на запретительных мерах, практически полностью игнорирует права потребителей табачной продукции.

По состоянию на 2020 г. количество потребителей табачной продукции, согласно экспертным оценкам, составляло около 30% взрослого населения страны (т.е. лиц в возрасте 16 лет и старше). Это дает цифру количества курильщиков среди взрослого населения в 40 млн человек. Но кроме взрослого населения табак употребляют и дети. Можно оценить количество курильщиков в детском возрасте примерно в 1 млн чел. (20% учащихся 6–9 классов). Табак употребляют 50% взрослого мужского населения и 20% женского. Это огромная проблема, связанная со здоровьем и образом жизни. Но это и многомиллионный контингент потребителей, которые по закону имеют права, не учитывая которые нельзя. Основные показатели, связанные со сферой производства, торговли и потребления табачной продукции, представлены в таблице.

За период действия «антитабачных законов» произошли заметные изменения в сфере производства, торговли и потребления табачной продукции. В их числе, прежде всего, следует отметить заметное снижение доли лиц, употребляющих традиционную табачную продукцию (с 40 до 30%). Вместе с тем существенно увеличилось количество лиц, употребляющих новые виды и заменители табачной продукции (вейпы, электронные сигареты, кальян), самосад, махорку и др. По некоторым обследованиям среди молодежи в крупных городах доля лиц, употребляющих так называемые табачные заменители, достигает 25%. Поэтому нельзя говорить о существенном снижении количества курильщиков.

Отмечается снижение производства папирос и сигарет при росте импорта табачного сырья. Резко вырос объем поступлений от табачных акцизов, достигший в расчете на одного жителя более чем 5 тыс. руб. в год, а в расчете на одного курильщика 15 тыс. руб. За последние 10 лет средняя цена пачки сигарет увеличилась в 7 раз и достигла 150 руб.

Принятие решений по ограничению потребления табачной продукции требует выяснения причин употребления табачной продукции (в том числе начала употребления этой продукции) и фиксации в государственной политике задач и ключевых мер по снижению влияния, нейтрализации, устранению этих причин. Если же политика формируется только по каким-то типовым стандартам, без выяснения истинных причин существования проблемы, то она обречена на неудачу.

Таблица

**Основные показатели, характеризующие сферу производства и оборота
табачной продукции в Российской Федерации**

Table. Main indicators characterizing the sphere of production and turnover
of tobacco products in the Russian Federation

№ п/п	Показатель	2000	2010	2015	2020
1	Среднемесячная заработная плата в Российской Федерации, тыс. руб.	2,2	21,0	34,0	51,1
2	То же в сфере производства табачных изделий, тыс. руб.	3.2	39,0	70,0	112,1
3	Объем производства сигарет и папирос, млрд шт.	348	402	344	230
4	Количество лиц, употребляющих табачную продукцию и ее заменителей среди взрослого населения, %	45	43	42	40
5	Средняя цена 1 пачки сигарет, руб.	20	45	80	150
6	Средняя величина акцизов на сигареты, руб. на 1000 шт.	400	1200	2000	3500
7	Расходы на покупку табачных изделий в расчете на одного потребителя табака, тыс. руб. в месяц	0,3	1,2	3,0	4,5
8	Объем поступлений акцизов на табачную продукцию в расчете на одного потребителя табака, тыс. руб. в год	2	8	18	30
9	Объем поступлений акцизов на табачную продукцию, млрд руб.	80	190	350	650
10	Объем нелегальной продажи табачных изделий, в % к общему объему продаж	2	5	7	10
11	Объем потребления сигарет и папирос на одного потребителя табака, шт. в день	35	33	28	25
12	Объем заменителей табачных изделий на одного потребителя, ед. в день	0,0	2	4	8

Источник: Разработано на основе данных Росстата РФ.

В числе причин, которые надо детально исследовать и находить альтернативы, можно назвать следующие:

- курение как стереотип поведения молодежи, средство социального общения, своего рода мода;
- курение как способ снять напряжение, стресс в связи с напряженной работой, какими-то чрезвычайными событиями;
- возникновение сильной зависимости, невозможность бросить курить без серьезных сложностей (в том числе боязнь располнеть и пр.);
- рассмотрение курения как одного из немногих маленьких удовольствий в обыденной жизни (особенно для лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации);
- курение как средство выхода из болезненных ситуаций (особенно для лиц с ограниченными возможностями).

Основные результаты исследования

Несмотря на определенные позитивные результаты государственной политики по ограничению потребления табака и защите граждан от воздействия табачного дыма следует отметить и ряд проблем, проявившиеся в ходе ее реализации:

- несоразмерное и далеко не всегда продиктованное требованиями защиты населения от табачного дыма ограничение прав многих миллионов потребителей в приобретении и потреблении разрешенного продукта, что вызывает законное социальное недовольство;
- почти полное исчезновение инфраструктуры потребления табачной продукции (места для курения в организациях, на транспорте, торгово-развлекательных комплексах, кафе, ресторанах, аксессуарах, переносные пепельницы и пр.). Это приводит к несанкционированному потреблению табачной продукции, загрязнению территорий, повышает пожароопасность. Курение выходит из мест, ранее определенных для курения просто в социальное пространство. Курение вне помещений в силу погодных условий России приводит к росту простудных и иных заболеваний;
- существенно возрос нелегальный оборот табачной продукции, в том числе поступающей из других стран, минуя таможенный контроль. Доля такого оборота по разным оценкам составляет от 5 до 20%;
- отмечается существенный рост количества заменителей табачной продукции с неисследованными последствиями для здоровья, а также снижение качества табачной продукции в связи с распространением сигарет с различными добавками, ароматизаторами и иными вредными для здоровья, но притягательными для молодежи ингредиентами;
- наконец, важной проблемой является фактическое исключение миллионов лиц, употребляющих табачные изделия, из многих сфер общественной жизни. Это прежде всего относится к лицам, которые по состоянию здоровья и иным обстоятельствам не могут бросить курить или не курить длительное время. Им фактически невозможно пользоваться услугами домов отдыха, гостиниц, ездить в поездах дальнего следования, плавать на судах речного транспорта, пребывать в лечебных стационарах и пр. Индивидуум N — инвалид III группы в частной беседе сообщил, что антитабачные законы (которые он четко соблюдает) фактически исключили его из нормальной жизни. Бросить курить ему крайне тяжело, а возможностей для курения практически не остается, кроме места проживания (и то — с ограничениями). Он ни с кем не может познакомиться, резко ограничен в посещении культурно-бытовых мероприятий. Отсутствие мест для курения в больницах, поликлиниках вынуждает потребителей табака курить на улице, что вызывает простудные заболевания или нарушать требования закона — курить в туалетах, укромных местах и т. д., что повышает пожароопасность.

Требует дополнительного исследования вопрос о причинах курения. Традиционный подход заключался в том, что основной причиной начала курения являлось стремление к получению так называемого «кайфа» от табачного дыма (появлялся легкий туман в голове, головокружение, определенная раскрепощенность поведения и пр.). Вместе с тем отмечалось наступление негативных последствий (особенно у подростков) — тошнота, головная боль, упадок сил, болезненный кашель¹. Многие начавшие курить хотят бросить курение, но далеко не всегда могут это сделать. Здесь мы должны говорить уже о другой причине курения — социально-психологической. Это стремление показаться взрослым, подражание взрослым, боязнь быть обвиненным в малодушии и трусости, не быть модным и современным.

¹ Глобальный опрос взрослого населения о потреблении табака. Краткий обзор. Минздрав РФ, 2016.

Не всегда просто войти в круг знакомых, завязать дружеские связи, пообщаться. Сигареты помогают это сделать. Для ряда категорий населения курение представляет собой иногда единственную отдушину, способ успокоиться, легче перенести жизненные невзгоды и стрессовые ситуации.

В итоге возникают традиции постоянного потребления табака как средства социального общения. Постоянным стали перекуры, которые иногда выступают как своего рода способ уклонения от работы. Здесь мы уже должны говорить об экономических потерях, которые условно могут исчисляться миллиардами рублей.

Одним из важных инструментов воздействия на процессы производства и потребления социально опасных товаров, в том числе табачной продукции и ее заменителей, является налоговая политика государства. В настоящее время основное значение имеет взимание акцизов на табачную продукцию. Происходит стремительный рост акцизных ставок на табак и табачные изделия и общего объема поступления налога.

В известной мере это явилось отражением общей политики постепенного смещения акцента налогообложения с производителей на потребителей, а также должно было способствовать сокращению потребления табачных изделий в связи с их удорожанием. То есть превалировал фискально-запретительный подход, который в итоге не может дать ожидаемого эффекта в решении проблемы. Необходимо переходить к дифференцированному налогообложению производителей, торгующих организаций в целях ограничения и прекращения производства наиболее вредной табачной продукции с особо опасными ингредиентами (смола, ароматизаторы и пр.). Что поможет, наряду с введением жестких сертификатов качества табачной продукции и ее заменителей, уменьшить негативные последствия потребления табака, в том числе для окружающих.

Акцизы на табачную продукцию должны иметь целевой характер, а не теряться в общей массе собираемых налогов. За счет средств, поступающих от сбора акцизов, следует создавать инфраструктуру цивилизованного употребления табачной продукции и средств защиты населения от воздействия табачного дыма, и утилизации отходов табакокурения (окурки, сигаретные пачки и пр.).

В перспективе необходимо ввести государственную монополию на производство, оборот, экспорт и импорт табачной продукции. В целях обеспечения более эффективных мер по уменьшению потребления табака целесообразно рассмотреть вопрос о введении бесплатного государственного финансирования лечения от никотиновой зависимости и профилактики образа жизни без табака. Хочется задать вопрос: исследовалось ли влияние на поведение курильщиков прямолнейных запугивающих надписей на сигаретных пачках. Скорее они вызывают раздражение, недоверие и не возымеют ожидаемого действия. Более уместны простые однотонные нейтральные пачки, не привлекающие внимание.

Актуальна бюджетная поддержка модернизации табачных фабрик в целях обеспечения выпуска табачной продукции с низкими показателями негативного воздействия табачной продукции.

Первая Концепция противодействия курению табака сроком до 2015 г. была разработана Минздравом РФ в 2010 г. и многие ее положения были положены в основу антитабачного закона 2013 г.¹ Она представляла собой сверхжесткий, по мнению многих заинтересованных организаций, документ. Последний вариант Концепции был освобожден от наиболее резких рекомендаций (например, запрет на продажу сигарет лицам, родившимся после 2015 г., продление рабочего дня курильщиков и др.), однако основные ее идеи существенно не изменились. Это последовательное ускоренное удорожание табачной продукции, дальнейшие огра-

¹ Об охране граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака : Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ.

ничения торговли табачными изделиями и перечня мест, где разрешается курение, жесткое регулирование деятельности табачных компаний, пресечение нелегального оборота и незаконной торговли, дальнейшее развитие мер профилактического и просветительского характера, медицинской помощи при синдроме зависимости и синдроме отмены табака, активизация решения проблемы курения среди несовершеннолетних.

Большинство предлагаемых мер не вызывают сомнений, и их реализация позволит существенно продвинуться в решении проблемы сокращения потребления табака и охраны здоровья населения. Особенно следует подчеркнуть важность усиления контроля за составом табачных изделий и их заменителей, за полным и достоверным информированием потребителей табачными и торговыми организациями. Эффективными направлениями являются меры по развитию медицинской помощи в данной сфере, расширение информирования населения о вреде табакокурения, подключение к решению проблемы социально ориентированных некоммерческих организаций.

Вместе с тем ряд предлагаемых мер носит излишне жесткий, запретительный характер, могут вызывать непрогнозируемую реакцию потребителей, привести к расширению сферы нелегального производства, реализации и потребления некачественных табачных изделий, их суррогатов и заменителей. Предлагаемые механизмы реализации носят традиционный (и как показывает практика малоэффективный) характер — создать систему управления, разработать план мероприятий, осуществить мониторинг, определить ответственных должностных лиц и т. д. Это само собой разумеется, но это не механизмы.

Разработанные в рамках антитабачной политики документы в значительной мере отражают функциональную специфику и задачи Минздрава, но вряд ли являются достаточными для решения важнейшей общественной проблемы.

Первостепенное значение имеет определение дальнейшей государственной политики в сфере производства и регулирования потребления табачной продукции. Эта политика должна учитывать интересы всех слоев населения, как некурящего населения, так и курильщиков, интересы бюджета и производителей табачной продукции. Она должна базироваться на изучении реальной ситуации с табакокурением и его воздействия на здоровье населения и социальное поведение населения.

При обосновании данной политики необходимо учитывать следующие требования:

- разработка мер должна осуществляться совместно с государственными органами, производителями табачной продукции, общественными организациями, выступающими за распространение здорового образа жизни, и ассоциации лиц, потребляющих табак;
- должны быть исследованы действительные причины курения населения, которые не всегда связаны с желанием потреблять никотин, но во многих случаях обусловленные потребностями социального общения и другие факторы;
- не следует создавать практически непреодолимых преград при употреблении табака (ведь это не запрещенный к использованию продукт). В противном случае происходит переход к иным средствам, так или иначе дублирующим свойства табака, часто нелегальным и опасным (электронные сигареты, устройства для нагревания табака, паровые коктейли, нюхательный табак, никотиновые таблетки);
- меры ограничения потребления табачной продукции должны быть реалистичными, выполнимыми, а не формальными и направлены не на недопущения курения как такого и создания для курильщиков часто крайне неудобных условий, а на охрану здоровья некурящего населения;
- в политике должен быть сделан упор не на запретительные меры (они могут быть одним из способов влияния на ситуацию), а на профилактические меры социально-культурного и медицинского характера, работу с причинами курения;
- не следует произвольно преувеличивать вред от употребления табака, а на основе серьезных исследований выявлять действительные воздействия табака на

здоровье населения. Чем больше преувеличиваются негативные последствия курения, тем меньше веры в это населения, особенно у молодежи;

- важным направлением политики должно быть регулирование деятельности производителей табачной продукции и ее импорта в целях соблюдения необходимых требований качества табачной продукции, недопущения добавления в табак вредных веществ;
- необходимо создавать современную инфраструктуру, обеспечивающую как защиту некурящего населения от воздействия вредных веществ (пассивное курение), так и цивилизованные условия для курящего населения (защитные устройства, места для курения, вытяжки и пр.);
- введение особых режимов политики в отношении отдельных категорий курильщиков. К этим категориям относятся инвалиды, особенно с ментальными заболеваниями, лица, находящиеся в интернатах, больницах, местах лишения свободы, и т. п. Для данной категории населения употребление табака часто имеет особое значение;
- проведение исследований, направленных на снижение никотиновой зависимости курильщиков.

Выводы и предлагаемые мероприятия

Разработанные в последнее время меры были нацелены на решение многих важных вопросов, но оказались еще недостаточными для эффективного регулирования производства и потребления табачной продукции. Они являются в большей мере ведомственными документами и не обеспечивают комплексного решения проблемы. В них превалирует запретительно-ограничительный подход к решению проблемы. Он может быть эффективным на начальных этапах, но стратегически не является верным. Применять запретительные меры по отношению к взрослому населению, имеющему право на потребление разрешенной продукции, можно только в виде исключения. Отсутствуют меры (вероятно, это не входит в задачи Минздрава, но без этого проблема не может быть решена) по созданию современной цивилизованной инфраструктуры потребления табачной продукции, обеспечивающей соблюдение прав некурящего населения.

Не отражена специфика профилактики потребления табачной продукции среди социально уязвимых групп населения.

Недостатком разработанных документов является то, что в их подготовке не участвовала такая важная сторона, как потребитель табачной продукции, т. е. представители более чем 40 млн населения страны.

Многие вопросы снижения потребления табака и охраны здоровья граждан выходят за пределы ответственности Минздрава и требуют решения со стороны других органов государственного управления и общественных организаций.

В целях комплексного решения чрезвычайно актуальной общественной проблемы сокращения потребления табачной продукции и охраны здоровья населения от окружающего табачного дыма и последствий потребления табака предлагается следующее:

- обеспечить комплексное решение проблемы, в том числе путем разработки федеральной программы противодействия потреблению табачной продукции и охраны здоровья населения;
- подключить к разработке и реализации Программы заинтересованные министерства и ведомства, в том числе такие, как Министерство просвещения, Министерство промышленности и торговли, Росмолодежь РФ, Министерство труда и социального развития, Министерство транспорта, Министерство культуры;
- обеспечить участие в разработке и реализации Программы представителей потребителей табачной продукции, возможно через инициирование создания ассоциации (союза) потребителей табачной продукции. Существующее в настоящее

время общероссийское Движение за права курильщиков целесообразно реорганизовать в ассоциацию (союз) потребителей табачной продукции. Такая ассоциация в соответствии с Законом о защите прав потребителей должна принимать участие в разработке нормативных и иных документов, касающихся вопросов, связанных со сферой производства, реализации и потребления соответствующей продукции и выработке мер по защите здоровья населения;

- предусмотреть создание современной инфраструктуры потребления табачной продукции, обеспечивающей охрану здоровья населения и реализацию прав как некурящего, так и курящего населения. Рассмотреть вопросы финансирования создания инфраструктуры с использованием средств лиц, потребляющих табак;
- передать часть поступлений от табачного акциза на территорию (в бюджеты регионов и муниципальных образований) для целевого использования на создание инфраструктуры потребления табака и охраны здоровья населения;
- обеспечить соответствие планируемых мероприятий Закону о защите прав потребителей, другим нормативным актам, регулирующим отношения, связанные с решением данной проблемы. Рассмотреть целесообразность разработки специального нормативного акта о порядке и правилах потребления табачной продукции.

Литература

1. Баран О. И., Григорьев Ю. А. Налоги на табак в решении задач укрепления здоровья населения // Медицина в Кузбассе. 2017. Т. 16, № 3. С. 69–72.
2. Голубова Т. Н., Махкамova З. Р., Рубанова А. Р. Обзор международного опыта по борьбе с табакокурением // Таврический медико-биологический вестник. 2017. Т. 20, № 1. С. 123–130.
3. Данченко Л. А., Пичугина Е. Г. Социально опасные товары: классификация и инструменты контрмаркетинга // Сб. трудов конференции «Модель менеджмента для экономики, основанной на знаниях». Москва, 15–17 мая 2013. С. 7–11.

Об авторах:

Федорова Наталья Ивановна, старший преподаватель кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); fedorova-ni@ranepa.ru

Ходачек Владислав Михайлович, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; khodachek-vm@ranepa.ru

References

1. Baran O. I., Grigoryev Yu. A. Taxes on tobacco in solving the problems of promoting health of the population // Medicine in Kuzbass [Meditsina v Kuzbasse]. 2017. Vol. 16, N 3. P. 69–72. (In Rus).
2. Golubova T. N., Makhkamova Z. R., Rubanova A. R. Review of the international experience in tobacco control // Tauride Medical and Biological Bulletin [Tavrisheskii mediko-biologicheskii vestnik]. 2017. Vol. 20, N 1. P. 123–130. (In Rus).
3. Danchenok L. A., Pichugina E. G. Socially dangerous goods: classification and countermarketing tools // Collection of works of the conference "Management model for a knowledge-based economy". Moscow, May 15–17, 2013. P. 7–11. (In Rus).

About the authors:

Natalya I. Fedorova, Senior Lecturer of the Chair of Economics of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); fedorova-ni@ranepa.ru

Vladislav M. Khodachek, Professor of the Chair of Economics of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; khodachek-vm@ranepa.ru

Инновации и конкурентоспособность в условиях современных технологических и социальных трансформаций*

Мальцева М. В.¹, Плотников В. А.^{1, 2}; *

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация; *plotnikov_2000@mail.ru

РЕФЕРАТ

Стремительные политико-экономические изменения последних лет и четвертая промышленная революция открыли новые возможности, которые меняют облик современной экономики. Одновременно с этим, возникли новые риски и угрозы устойчивости развития. В этих условиях требует переосмысления роль технологий и инноваций, рассматриваемых как фактор обеспечения конкурентоспособности национальной экономики. В статье проанализированы эмпирические данные, касающиеся влияния инноваций на конкурентоспособность, которые привели к выводу о возрастании влияния этого фактора, в том числе в контексте роста протекционизма, необходимости перехода к модели устойчивого развития, что требует усиления государственной поддержки инноваций и инновационных экосистем.

Ключевые слова: инновации, национальная конкурентоспособность, экономическое развитие, цели устойчивого развития, глобальный инновационный индекс

Для цитирования: Мальцева М. В., Плотников В. А. Инновации и конкурентоспособность в условиях современных технологических и социальных трансформаций // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 115–121.

Innovation and Competitiveness in Today's Technological and Social Transformations

Marina V. Maltseva¹, Vladimir A. Plotnikov^{1, 2}; *

¹St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

²Southwest State University, Kursk, Russian Federation; *plotnikov_2000@mail.ru

ABSTRACT

The rapid political and economic changes of recent years and the fourth industrial revolution have opened up new opportunities that are changing the face of the modern economy. At the same time, new risks and threats to the sustainability of development have arisen. In this context, the role of technology and innovation, seen as a factor in the competitiveness of the national economy, requires rethinking. The paper analyses empirical data on the impact of innovation on competitiveness, which led to the conclusion that the influence of this factor has increased, including in the context of the growth of protectionism, the need to move to a model of sustainable development, which requires increased state support for innovation and innovative ecosystems.

Keywords: innovation; national competitiveness; economic development; sustainable development goals; global innovation index

For citing: Maltseva M. V., Plotnikov V. A. Innovation and Competitiveness in Today's Technological and Social Transformations // Administrative consulting. 2021. N 4. P. 115–121.

* Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации НШ-2702.2020.6 «Концептуальные основы новой парадигмы экономического развития в эпоху технологической и социальной трансформации».

Инновации в современных условиях признаются в качестве одного из ключевых факторов экономического развития [1; 2; 7; 8; 11; 15]. В силу разнообразия инноваций выделяются различные их виды, что детально анализируется в соответствующей литературе [5; 6]. При этом, по нашему мнению, большее внимание, с позиций изучения характера и направленности экономической динамики, должно уделяться не продуктовым инновациям, а инновациям, связанным с улучшением процессов деятельности хозяйствующих субъектов. Это обусловлено тем, что использование новых технологий, современных видов техники, а также современных методов организации производства и управления ведет к снижению производственных затрат, несет в себе потенциал снижения цен и увеличения размера прибыли. В результате повышается эффективность экономики. Причем положительные эффекты инновационного развития проявляются не только на уровне фирм, но и на уровне национальной экономики в целом, способствуя более рациональному перераспределению ресурсов и формированию оптимальной структуры благосостояния.

Инновационность национального бизнеса приводит к росту репутации его и страны его происхождения, к завоеванию новых рынков сбыта, напрямую влияя на уровень конкурентоспособности страны. Неслучайно в этой связи, что инновации и уровень развития инновационных экосистем — это один из ключевых элементов расчета и формирования индекса конкурентоспособности страны [9]. Высокая инновационная активность — это неотъемлемая характеристика экономики стран, лидирующих в рейтинге глобальной конкурентоспособности, разрабатываемом Всемирным экономическим форумом¹, таких как США; Германия; Япония; Сингапур и т.д.

Например, по имеющимся оценкам, в Германии почти 100% прироста ВВП достигается за счет использования результатов научных исследований и развития инноваций. Занимая 7-е место в рейтинге глобальной конкурентоспособности, Германия имеет лучшие инновационные возможности (1-е место) в мире с показателем 86,8 баллов, опережая США (84,1) и Швейцарию (81,2). Еще один характерный пример — Китай. С точки зрения инновационности и конкурентоспособности, китайская экономика, безусловно, является лучшей среди экономик стран БРИКС. КНР в глобальном рейтинге конкурентоспособности на 15 позиций опережает Россию, на 32 места — ЮАР и примерно на 40 позиций опережает Индию (68) и Бразилию (71).

Наряду с собственно экономическими успехами, одной из предпосылок столь высоких позиций КНР является рост инновационного потенциала страны. Инновационная экосистема страны становится все более эффективной, что влияет на рост справедливости и сбалансированности внутреннего рынка, который обеспечивает более интенсивную конкуренцию и более эффективное распределение ресурсов, за счет чего увеличивается международная конкурентоспособность Китая.

На примере становления экономики США, как одной из крупнейших экономик современности, можно отметить критическую роль инноваций для долгосрочного экономического развития страны. Научные и инженерные достижения стимулировали появление новых продуктов и процессов с момента основания этой страны. В момент формирования государственности США экономика этой страны была в основном аграрной, но к началу Первой мировой войны США перешли от этого статуса к статусу промышленно развитой страны, превратились в один из индустриальных центров мира [16].

Значительное повышение производительности труда в сельском хозяйстве (во многом вследствие активного внедрения различных новшеств) высвободило рабочих для других видов деятельности. Крупные инвестиции, как государственные, так и частные, в транспортную инфраструктуру позволили сформировать общенациональный рынок и дали импульс для дальнейшего его развития.

¹ The Global Competitiveness Report 2019. World Economic Forum, 2019.

Значительные инвестиции в последующий период в образование привели к формированию самой большой в мире по численности грамотной рабочей силы к началу XX в. Аналогичный качественный сдвиг произошел в рабочей силе и после Второй мировой войны. Государственная политика укрепила статус американских работников как наиболее образованных, что положительно сказалось на темпах экономического роста — во многом за счет создания благоприятных условий для ускоренного инновационного развития.

В современных условиях, когда мир развивается под влиянием четвертой промышленной революции и активного развития экономики знаний [17; 18], долгосрочные успехи экономики тесно связаны с такими факторами, как количественно растущая и хорошо образованная рабочая сила, объем расходов на исследования и разработки, как в государственном, так и в частном секторах, финансирование инноваций и их продвижение на рынки.

Данные ЮНЕСКО показывают, что общие инвестиции в НИОКР в мире в 2019 г. достигли 1,7 трлн долларов США. Развитые страны по-прежнему сохраняют заметное лидерство в области инноваций, которое, однако, «смещается» на восток. Так, доля США и Европы в общем объеме инвестиций в НИОКР в мире за последние годы упала с 61 до 52%, а доля азиатских экономик выросла с 33 до 40%, при значительном увеличении доли стран БРИКС¹.

Растущий в последние годы в международной торговле протекционизм выдвигает перед национальными экономиками запрос на поиск уникальных конкурентных преимуществ. Характерным примером здесь являются события последних лет, связанные с различными санкциями и иными формами политического и экономического давления, практикуемого американскими властями против Российской Федерации.

Особенно активно администрация США противодействует строительству магистрального газопровода «Северный поток — 2», так как рассчитывает, вытеснив Россию с высокомаржинального европейского рынка газа [4], осуществлять на него поставки американского СПГ (сжиженного природного газа). Природный газ является биржевым товаром, унифицированным и массовым. Поэтому (мы не рассматриваем здесь инфраструктурные и юридические аспекты, а также вопросы ценообразования) его поставщик с большей или меньшей эффективностью может быть заменен на другого.

Совсем другая ситуация складывается на рынках инновационных товаров, которые обладают уникальными свойствами, поэтому практически не могут быть заменены на другие. И этот тезис подтверждается примером российских ракетных двигателей РД-180, для которых сделано исключение в американских санкциях, так как «двигатели РД-180 — настоящее технологическое чудо» (цит. по: <https://rg.ru/2020/04/19/v-ssha-nazvali-tehnologicheskim-chudom-rossijskie-dvigateli-rd-180.html>), повторить которое американской промышленности, при всей ее инновационной мощи, пока не удалось (эти двигатели закупались у России с 1997 г.).

Таким образом, с учетом изменения ситуации на мировых рынках, от национальных правительств и компаний требуется приложение дополнительных усилий по созданию и последующему продвижению технологических инноваций. Лишь так можно защититься от недобросовестной конкуренции и обеспечить национальную конкурентоспособность. В то же время, следует отметить, что именно технологические инновации, как производная от общего экономического потенциала страны, все чаще используются в протекционизме для международного давления и ограничения экономик других стран.

Важность инноваций признается и в такой, казалось бы, далекой от них области, как политика устойчивого развития (sustainable development). Повестка дня в области устойчивого развития ООН на период до 2030 г. и ее 17 целей в области

¹ The Global Competitiveness Report 2019. World Economic Forum, 2019.

устойчивого развития (ЦУР) признает науку, технологии и инновации (НТИ) в качестве ключевой области активности при реализации указанной Повестки. Предусматривается создание механизмов, стимулирующих создание новых технологий, в том числе — инновационных фондов для поддержки инновационных предприятий [13].

В 2019 г. ООН была принята политическая декларация, придающая импульс ускоренным действиям, включая действия по продвижению инноваций и мобилизации ресурсов для устранения финансового дефицита для достижения ЦУР. В том же ключе Генеральная Ассамблея ООН приняла в декабре 2019 г. резолюцию по вопросам устойчивого развития, которая, в свою очередь, признала необходимость мобилизации и увеличения финансирования НТИ.

Проблемы финансирования устойчивого развития в 2020 г. усугубились глобальным кризисом, вызванным пандемией COVID-19. В своей резолюции о международном сотрудничестве для обеспечения глобального доступа к лекарствам, вакцинам и медицинскому оборудованию для борьбы с COVID-19 Генеральная Ассамблея ООН призвала государства-члены работать в партнерстве для увеличения финансирования НИОКР, в частности, для разработки новых вакцин и лекарств. Экономический и Социальный совет ООН в рамках финансирования мер борьбы с пандемией также подчеркнул важность инвестиций для укрепления систем здравоохранения.

Во всем мире инвестиции в НИОКР, несмотря на волатильность основных показателей развития экономики, продолжали расти быстрыми темпами. Европа и Северная Америка пока еще лидируют по финансированию НИОКР (на них в 2017 г. приходилось около 47% мировых расходов), регион Восточной и Юго-Восточной Азии быстро их догоняет, увеличив свою долю в инвестициях на НИОКР с 22,6 в 2000 г. до 40,4% в 2017 г. В относительном выражении доля мирового ВВП, инвестированная в НИОКР, увеличилась с 1,62 в 2010 г. до 1,72% в 2017 г. [10]. На рисунке отражена доля инвестиций в НИОКР в ВВП для «топ-10» стран мира по этому показателю по состоянию на 2019 г.

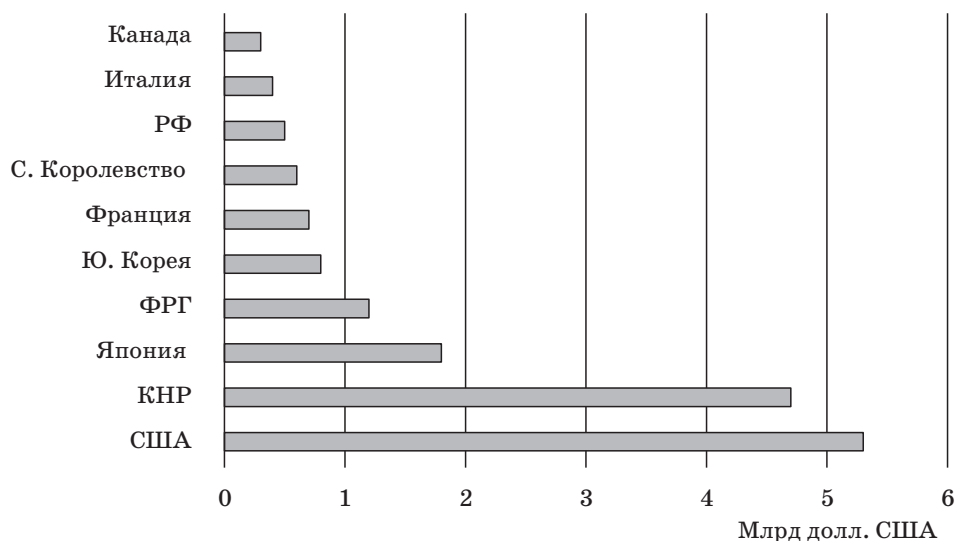

Рис. Топ 10 стран с наибольшим объемом инвестиций в НИОКР
Fig. Top 10 countries with the largest R & D investment

Источник: The Global Competitiveness Report 2019. World Economic Forum, 2019.

Нынешний кризис, вызванный COVID-19, подчеркивает важность увеличения инвестиций в НИОКР, возможно, еще более быстрыми темпами. Требуются дополнительные инвестиции в фармацевтическую промышленность и новые биомедицинские технологии, а также в новые цифровые технологии, такие как искусственный интеллект, который может помочь в разработке лекарств и вакцин, а также в управлении соответствующими услугами и ресурсами.

Инновационные процессы требуют специальной инфраструктуры для своего эффективного развития и функционирования. Инновации зарождаются и развиваются в рамках инновационных систем. Они состоят из частных и государственных организаций, которые связаны между собой многочисленными научно-техническими, производственными, финансовыми, интеллектуальными и др. связями и объединяют технические, коммерческие и финансовые компетенции и ресурсы, необходимые для создания и вывода на рынок инноваций. Именно на развитии таких систем должна быть, в первую очередь, сосредоточена государственная инновационная политика.

Следует признать, что Россия уступает многим странам по показателям инновационного развития¹. В последние годы наблюдается тренд на стагнацию инновационной деятельности, Стратегия инновационного развития России, которая охватывала период до 2020 г., фактически сорвана [3]. Инновационная слабость России находит отражение в отсутствии сколь-либо значимых изменений показателей нашей страны в глобальном инвестиционном индексе 2020 г. Следовательно, необходимо активизировать усилия по построению инновационной экосистемы [12; 14].

Для этого следует не только учитывать опыт ведущих стран (США, КНР, Япония и др.), но также опираться на локальные факторы. В частности, необходимы такие шаги, как: поддержка новаторов с помощью соответствующих стимулов и механизмов; устранение препятствий для инновационных инициатив; создание эффективных исследовательских структур; формирование тенденции творческого и восприимчивого к инновациям поведения населения через соответствующие образовательные системы.

В условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19 и связанными с ним ограничениями, сокращения источников государственного и частного финансирования, будет происходить перераспределение приоритетов экономической политики. Это естественно и правильно. И при этой смене приоритетов следует, по нашему мнению, уделить особое внимание государственной поддержке исследований и разработок, инновационной деятельности (особенно в секторе малых инновационных предприятий и стартапов), интеграции науки, производства и образования в рамках инновационной экосистемы.

Литература

1. Боркова Е.А. Методические аспекты политики стимулирования инноваций для устойчивого развития и зеленого роста // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 3 (123). С. 65–70.
2. Вертакова Ю.В., Алпеева Е.А., Рябцева И.Ф. Прогресс и инновации: анализ системной взаимообусловленности. М.: Инфра-М, 2013. 137 с.
3. Вертакова Ю.В., Плотников В.А. Стратегия инновационного развития России: управленческие проблемы реализации // Друкеровский вестник. 2020. № 1. С. 5–20.
4. Гнатюк А.А., Комлев С.Л., Ляховненко Д.С., Фридман Г.М. Математическое моделирование европейского газового рынка: прогнозирование цен форвардных газовых контрак-

¹ The Global Innovation Index 2020: Who Will Finance Innovation? Cornell University, INSEAD, and the World Intellectual Property Organization, 2020.

- тов на торговых площадках // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 1 (109). С. 14–19.
5. *Голдякова Т. В.* Понятие и классификация инноваций // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 2. С. 20–27.
 6. *Голов Р. С.* Классификация и функциональные особенности инноваций // Экономика и управление в машиностроении. 2009. № 2. С. 32–36.
 7. *Корнаи Я.* Инновации и динамизм: взаимосвязь систем и технического прогресса // Вопросы экономики. 2012. № 4. С. 4–31.
 8. *Курбанов А. Х., Смурова О. А.* Ресурсные показатели выполнения ниокр: анализ структуры и ведомственная специфика // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 4 (42). С. 40–43.
 9. *Курегян С. В., Елкина О. С., Елкин С. Е.* Инновационная экономика и экономика инноваций // Экономическая наука сегодня. 2018. № 8. С. 100–107.
 10. *Пастухов А. Л.* Модернизационный экономический рост на основе формирования образовательных кластеров // Экономическая наука сегодня. 2017. № 6. С. 169–177.
 11. *Плотников В. А.* Управление национальной инновационной системой России: кадровый аспект // Известия Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов. 2010. № 3 (63). С. 42–53.
 12. *Салимьянова И. Г., Степаненко Д. А.* Инновационная экосистема в развитии евразийской интеграции // Вестник экономики, права и социологии. 2019. Т. 2. № 3. С. 152–156.
 13. *Солодовников С. Ю.* Относительные преимущества субординационного и ординационного управления в инновационной сфере // Экономическая наука сегодня. 2019. № 9. С. 122–131.
 14. *Хорева Л. В., Белых А. Л., Шраер А. В.* Экосистема как инновационная форма сетевой межфирменной кооперации // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2019. № 6 (52). С. 48–53.
 15. *Чжао Ш., Хэ Я.* Координация процессов создания, внедрения и адаптации инновационных технологий современными компаниями // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 5 (125). С. 171–177.
 16. *Rosenberg N.* Innovation and Economic Growth // Innovation and Growth in Tourism. Paris: OECD Publishing, 2006.
 17. *Vertakova Y., Plotnikov V.* Innovative and industrial development: Specifics of interrelation // Economic Annals — XXI. 2016. Vol. 156 (1–2). P. 37–40.
 18. *Vertakova Y. V., Ershova I. G., Plotnikov V. A.* Educational system influence on knowledge economy formation // World Applied Sciences Journal. 2013. Vol. 27 (5). P. 679–683.

Об авторах:

Мальцева Марина Вячеславовна, магистрант Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); marina-maltseva-1997@mail.ru

Плотников Владимир Александрович, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), профессор Юго-Западного государственного университета (г. Курск, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; plotnikov_2000@mail.ru

References

1. Borkova E. A. Methodological aspects of the policy of innovations stimulating for sustainable development and green growth // Izvestia of St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2020. N 3 (123). P. 65–70. (In Rus).
2. Vertakova Yu. V., Alpeeva E. A., Ryabtseva I. F. Progress and innovation: analysis of systemic interdependence. M.: Infra-M, 2013. 137 p. (In Rus).
3. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. Strategy of Innovative Development of Russia: Management Problems of Implementation // Druker Bulletin [Drukerovskii vestnik]. 2020. N 1. P. 5–20. (In Rus).
4. Gnatyuk A. A., Komlev S. L., Lyakhovnenko D. S., Friedman G. M. Mathematical modeling of the European gas market: forecasting the prices of forward gas contracts on trading platforms //

- Izvestia of St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2018. N 1 (109). P. 14–19. (In Rus).
5. Goldyakova T.V. Concept and classification of innovations // Russian Foreign Economic Journal [Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik]. 2006. N 2. P. 20–27. (In Rus).
 6. Golov P.S. Classification and functional features of innovation // Economics and management in mechanical engineering [Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii]. 2009. N 2. P. 32–36. (In Rus).
 7. Kornai J. Innovation and dynamism: the relationship between systems and technological progress // Economic issues [Voprosy ekonomiki]. 2012. N 4. P. 4–31. (In Rus).
 8. Kurbanov A.Kh., Smurova O.A. Resource indicators of R & D performance: structure analysis and departmental specifics // Service theory and practice: economics, social sphere, technologies [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2019. N 4 (42). P. 40–43. (In Rus).
 9. Kuregyan S.V., Elkina O.S., Elkin S.E. Innovation economics and economics of innovation // Economic science today [Ekonomicheskaya nauka segodnya]. 2018. N 8. P. 100–107. (In Rus).
 10. Pastukhov A.L. Modernization economic growth based on the formation of educational clusters // Economic science today [Ekonomicheskaya nauka segodnya]. 2017. N 6. P. 169–177. (In Rus).
 11. Plotnikov V.A. Management of the national innovation system of Russia: personnel aspect // Izvestia of St. Petersburg University of Economics and Finance [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2010. N 3 (63). P. 42–53. (In Rus).
 12. Salimyanova I.G., Stepanenko D.A. Innovative ecosystem in the development of Eurasian integration // Bulletin of Economics, Law and Sociology [Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii]. 2019. V. 2. N 3. P. 152–156. (In Rus).
 13. Solodovnikov S.Yu. Relative advantages of subordination and ordination management in innovation // Economic science today [Ekonomicheskaya nauka segodnya]. 2019. N 9. P. 122–131. (In Rus).
 14. Khoreva L.V., Belykh A.L., Schraer A.V. Ecosystem as an innovative form of network inter-firm cooperation // Information and economic aspects of standardization and technical regulation [Informatsionno-ekonomicheskie aspekty standartizatsii i tekhnicheskogo regulirovaniya]. 2019. N 6 (52). P. 48–53. (In Rus).
 15. Zhao Sh., He Ya. Creation, implementation and adaptation of innovative technologies by modern companies: process coordination issues // Izvestia of St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2020. N 5 (125). P. 171–177. (In Rus).
 16. Rosenberg N. Innovation and Economic Growth // Innovation and Growth in Tourism. Paris: OECD Publishing, 2006.
 17. Vertakova Y., Plotnikov V. Innovative and industrial development: Specifics of interrelation // Economic Annals — XXI. 2016. Vol. 156 (1–2). P. 37–40.
 18. Vertakova Y.V., Ershova I.G., Plotnikov V.A. Educational system influence on knowledge economy formation // World Applied Sciences Journal. 2013. Vol. 27 (5). P. 679–683.

About the authors:

Marina V. Maltseva, Master Student of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation); marina-maltseva-1997@mail.ru

Vladimir A. Plotnikov, Professor of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Professor of Southwest State University (Kursk, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor, plotnikov_2000@mail.ru

Интеллигенция и оппозиция — современное значение статьи С. Н. Булгакова «Героизм и подвижничество» (из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции)»

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются взгляды русского философа С. Н. Булгакова на роль интеллигенции в революции 1905–1907 гг. Обращается внимание на понимание им мировоззренческой основы политической активности интеллигенции, в качестве которой он видит ее «самообожение». Показано, что естественной опорой интеллигенции в революции, по мнению С. Н. Булгакова, является молодежь, в силу эмоциональной незрелости и низкого уровня образования. Подчеркивается особое значение противопоставления «героизму» интеллигенции духа подвижничества, свойственного христианским святым и предполагающего напряженный повседневный труд, основанный на смирении как важнейшей мировоззренческой предпосылке подвижничества. Отмечается, что при вполне очевидном подобии в деятельности современной оппозиции революционному порыву интеллигенции начала двадцатого века, существуют и принципиальные различия. Они связаны с несовпадением целевых установок. Если русская интеллигенция начала века имела своей целью принципиальное изменение общественного строя, то современным креативным классом движет стремление разрушить существующую власть, обусловленное вполне практическими интересами личного успеха.

Ключевые слова: интеллигенция, героизм, подвижничество, смирение

Для цитирования: Александров В. Б. Интеллигенция и оппозиция — современное значение статьи С. Н. Булгакова «Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции)» // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 122–130.

Intelligentsia and Opposition — the Modern Meaning of S. N. Bulgakov's Article "Heroism and Ascension (From Reflections on the Religious Ideals of the Russian Intelligentsia)"

Vladimir B. Aleksandrov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

The article examines the views of the Russian philosopher S. N. Bulgakov on the role of the intelligentsia in the revolution of 1905–1907. He draws attention to his understanding of the worldview of the political activity of the intelligentsia, as which he sees its "self-disposition." It is shown that the natural support of the intelligentsia in the revolution, according to S. N. Bulgakov, is youth, due to emotional immaturity and a low level of education. The special importance of contrasting the "heroism" of the intelligentsia with the spirit of ascension, characteristic of Christian saints and involving intense everyday work, based on humility as the most important worldview prerequisite for ascension, is emphasized. It is noted that with the obvious similarity in the activities of modern opposition to the revolutionary impulse of the intelligentsia of the early twentieth century, there are also fundamental differences. They are related to mismatch of target settings. If the Russian intelligentsia of the beginning of the century aimed at a fundamental change in the social system, then

the modern creative class is driven by the desire to destroy the existing power, due to the quite practical interests of personal success.

Keywords: intelligentsia, heroism, selfless devotion, humility

For citing: Aleksandrov V. B. Intelligentsia and Opposition — the Modern Meaning of S. N. Bulgakov's Article "Heroism and Ascension (From Reflections on the Religious Ideals of the Russian Intelligentsia)" // Administrative consulting. 2021. N 4. P. 122–130.

В последние годы по пространствам ряда постсоветских стран прокатилась волна «цветных революций». На улицы городов вышли люди, по большей степени молодые, на светлых, не замутненных чрезмерной рефлексией, лицах которых читалась убежденность в своей правоте и в своем праве на требование изменений в укладе общественной жизни. Это требование, судя по ряду высказываний наиболее продвинутой части протестантов, базировалось на отчетливом понимании того, что называется прогрессивным общественным устройством и того, где это устройство уже осуществилось. При этом менее продвинутая публика выступала материальной силой, сносившей ненавистные общественные устои. Естественно, обратной стороной такого понимания была убежденность в том, что реальность, которую они наблюдают в своей стране, далека от стандартов прогрессивности, воплощенных в западных странах.

Уже неоднократно было сказано о том, что в процессах такого рода, протекавших на территориях разных государств, прослеживается некоторая общая логика и некоторые общие черты личностных черт их участников. Констатируя это, мы можем пойти дальше и задаться вполне естественным вопросом о том, являются ли подобные черты «открытием» сегодняшнего дня. Как показывает обращение к истории, к наблюдениям ответственных российских мыслителей, нечто подобное, с некоторыми, конечно, специфическими чертами, обусловленными конкретными социальными обстоятельствами, уже встречалось. Это позволяет утверждать о существовании некоторого типа личности, свойственного представителям «образованного класса», связавшим собственную самореализацию с участием в революционных или, говоря более широко, протестных движениях.

Понимание природы социальных движений связано с установлением того социального слоя, который является носителем идейного смысла этих движений, создателем и распространителем ценностей, которые «овладевают сознанием масс». Этот социальный слой в отечественной истории получал разные определения. Наиболее известное и получившее особый культурный смысл в России XIX в. — понятие интеллигенции как особой категории образованных, критически мыслящих людей, сознание которых наполнено чувством моральной ответственности за судьбу народа и страны. Иногда эта категория определялась просто как «образованный класс», при этом правда, утрачивался морально-этический аспект понятия русской интеллигенции. Постепенно понятие интеллигенции девальвируется. Символом этого процесса является, на наш взгляд, созданный Ильфом и Петровым печальный образ Васисуалия Лоханкина, озабоченного ролью русской интеллигенции, своим местом в ней, а также трагедией русского либерализма.

В наше время понятие интеллигенции утрачивает свое моральное измерение и, если и сохраняется, то только как социологическая категория, иногда как средство выразить ироническое отношение к людям, чья увлеченность высотами образования мешает их успешному укоренению в прагматике современной жизни. Иллюстрацией такого способа отношения к образованному классу стало получившее распространение в учащейся среде презрительное прозвище «ботан» — ведущее свое происхождение от имени науки, по мнению создателей этого конструкта, наиболее далеко отстоящей от решения конкретных жизненных проблем.

В связи с этой эволюцией представители современного класса, претендующего на «окормление» протестующей публики, по-видимому, стремясь избежать ненужных коннотаций, стали называть себя креативным классом. Название сколь претенциозное, столь и малопонятное, поскольку вектор креативных усилий оказывается легко поворачивающимся в зависимости от дуновения политических ветров и содержания жизненных запросов субъекта, провозглашающего задачи социальных преобразований.

Для конкретизации представления о культурной природе креативного класса наших дней целесообразно обратиться к той эпохе, в которой интеллигенция начала активно обнаруживать себя в политическом процессе. Это время первой русской революции и предшествующие ей десятилетия. Для понимания того, как класс, в то время еще в значительной степени бывший интеллигенцией, в большей или меньшей степени соответствующей указанному выше смыслу данного понятия, реализовывал себя в социальном процессе, обратимся к свидетельству одного из наиболее глубоких умов русской общественной мысли, большого философа С. Н. Булгакова. Свои взгляды по этому вопросу мыслитель изложил в статье «Героизм и подвижничество (*Из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции*)», в которой глубоко и основательно исследованы черты ментальности и личностные типы людей, ставивших перед собой задачу разрушения сложившихся устоев общественной жизни. Внимательное чтение этой работы убеждает в том, что многие, так сказать, культурологические особенности, определяющие социальную активность «образованного класса» с которыми приходится иметь дело в наши дни, обнаруживались и в достаточно далеком прошлом. Хотя, конечно, в ходе преобразования интеллигенции в креативный класс многое изменилось. История повторяется, правда, вопреки известному афоризму классика, не только в виде фарса, но и в своем трагическом обличье.

В период, предшествующий первой русской революции интеллигенция активно заявила о себе как о классе, вовлеченном в общественно-политический процесс. Она была широко представлена в левых партиях — социал-демократической партии и партии эсеров. Наиболее продвинутый, «профессорский» слой, был представлен в либеральной центристской партии кадетов. В данной статье мы не будем заниматься анализом программных установок партий и рассмотрим некоторые общие черты социального поведения интеллигенции и лежащих в его основе мировоззренческих основаниях, так как они виделись С. Н. Булгакову.

Материал для таких размышлений русскому мыслителю дал опыт революции 1905–1907 гг., в которой русская интеллигенция, борясь против существующей власти, отчетливо продемонстрировала стремление к новаторству в политической практике. Идеи новаторства были как известно достаточно разнообразными — от революционного разрушения существующих общественных устоев до преобразования их в духе демократизации власти, преобразования ее на началах, которые она наблюдала в европейских странах.

Деятели оппозиционных движений, несмотря на различие в их конкретных представлениях о путях преобразования общества, были несомненно некоторым общим смысловым ветром — готовностью к жертве (конечно, нюансы в понимании степени приносимой жертвы тоже были) во имя освобождения народа, идеала прогрессивного развития общества. По-видимому, этот тип сознания в той или иной степени был свойственен и левым, и умеренным последователям идеи конституционного преобразования монархии. Анализ итогов революции 1905–1907 гг. в России, участия в ней интеллигенции Булгаков осуществляет через призму понятия «героизм». Героическую установку демонстрировали и рядовые участники политических выступлений, и ведущие деятели, лидеры этих выступлений.

Однако понятие героизма, вызывающее обычно позитивные коннотации, как показывает Булгаков, обнаруживает такие «червоточины», которые заставляют увидеть в нем не значимый фактор общественного развития, а источник тех бед, с кото-

рыми столкнулось российское общество. В особой степени ограниченность такой установки, по мнению Булгакова, обнаруживается в сравнении ее с ментальностью религиозных подвижников.

Внимательное чтение труда русского мыслителя рождает убеждение в том, что многое из того, что было сказано более ста лет тому назад, имеет вполне конкретные приложения к современному оппозиционному движению в нашей стране. Более того, он обратил внимание на такие особенности этого феномена, которые не всегда заметны современному наблюдателю, но которые существенно расширяют представление о нем.

Определяя культурный образец, к которому был устремлен революционный порыв интеллигенции, Булгаков с самого начала отмечает, что таковым является западная культура. Русская интеллигенция «сознавала себя единственной носительницей света и европейской образованности в этой стране, где все, казалось ей, было непроглядной тьмой» [2, с. 314]. Хорошо известно, что западническая ориентация была одной из характерных черт образованного класса России. За несколько десятилетий до создания рассматриваемого нами труда С. Н. Булгакова иллюзорность такой позиции и интеллектуальную ограниченность ее представителей убедительно обрисовал Ф. Тютчев.

Напрасный труд — нет, их не вразумишь, —
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.

1867 [3, с. 272].

Неприятие России европейской цивилизацией — это одна сторона дела. Другая же связана с тем, что сам «образец», на который ориентировалась русская интеллигенция тех лет, был, как говорится, с существенной гнильцой и вряд ли свидетельствовал о высоком духе тех, кто решил на него равняться. На это со всей остротой обращает внимание С. Н. Булгаков. За благоденствием и добропорядочностью жителя западных городов он видит мировоззренческую ущербность, своеобразную плоскостность мысли, делающее ее существование абсурдным и бесцельным. Смысловым истоком этой формы бытия он видит «человекобожие», следующее из ценностей западного гуманизма и просветительства. По его мнению, западная культура, проповедующая эти ценности, рождает чувство «культурного самодовольства разбогатевшего буржуа» [2, с. 314].

Правда это «человекобожие» в тот период, оговаривается Булгаков, не смогло еще полностью разрушить «трудовые устои европейской культуры, духовное единство европейских народов», хотя тенденция к такому разрушению уже отчетливо наметилась. Русская интеллигенция, однако, восприняла в западной культуре именно этот дух «человекобожия». Этот дух был особенно значим для нее, поскольку она осознавала свою борьбу как героическое сопротивление косности русской жизни. При этом, исходя из этой ценностной установки, свой героизм они понимали в духе «самообожения».

Эта ценностная ориентация интеллигенции более чем вековой давности отчетливо воспроизводится в установках нынешнего креативного класса. Правда, в со-

временных условиях такая ценностная ориентация кажется еще менее основательной, поскольку западная культура проделала определенную эволюцию в направлении утверждения ценностей «буржуазного самодовольства», погружения в пучину, гедонизма, погони за удовлетворением своих материальных потребностей, что естественным образом отпечатывается на понимании смысла собственной деятельности современного оппозиционера.

«Самообожение» русской интеллигенции было тесно связано с неприятием и непониманием особенностей русской культурной традиции. Они видели себя вне потока русской культуры, что приводило к безответственному отношению к отечественной истории, и даже к ее презрению. Приведем еще одни слова Тютчева.

«И дым отечества нам сладок и приятен!» —
Так поэтически век прошлый говорит.
А в наш — и сам талант все ищет в солнце пятен,
И смрадным дымом он отечество коптит.

1867 [3, с. 273].

Неприятие своей культуры и истории приводит к абсолютизации собственного «творческого» порыва, пониманию его цели как создания абсолютно нового общества. Отсюда следовала непомерная экзальтация, рождавшая болезненную веру в свои силы, направленные на преобразование русского мира. Как отмечает Булгаков, оторванность от почвы, отсутствие серьезных знаний исторического опыта взвинчивало этих людей. «Интеллигент, особенно временами, впадал в состояние героического экстаза, с явно истерическим оттенком» [2, с. 315].

С этой ценностно-смысловой основой был связан и определенный тип личности, для которого характерно «высокомерие и самомнение, сознание своей непогрешимости и пренебрежение к инакомыслящим» [2, с. 318].

Эта характеристика личностного типа интеллигента, нашедшего в революции сферу реализации своих личностных амбиций, продолжает высказанные за полсотни лет до него мысли еще одного большого русского мыслителя М.А. Бакунина, давшего выразительное описание личности революционеров-доктринеров. «Всегда самолюбивые и даже тщеславные, они в начале своей карьеры довольно искренни; принимая пыл юношеского воображения за жар сердца, громкую фразу за мысль и стремительность темперамента за доказательство энергии и воли, они сначала серьезно верят в себя. Потом жар остывает, но пустота мысли и привычка ходульности остаются, и они становятся под конец неисправимыми фиглярами и фразерами.

С этими людьми всякий разговор бесполезен. Им дела нет до дела, а только до себя. Говоря беспрестанно во имя народа, они никогда не заботились и ничего знать не хотят о народе. Народ для них только предлог, пешка, подстава, бессмысленная и мертвая масса, ожидающая жизни, мысли, счастья, свободы от них и единственно только от них» [1, с. 146]. Мы видим, что не только мировоззренческие основы личности, но и психотип представителя образованного класса, связавшего дело собственной самореализации с участием в революционном движении по сути дела, не меняется. И в середине XIX, и в начале XX, и в конце XX — начале XXI в. его характеризуют отчетливо повторяющиеся черты.

И действительно, читая слова этих выдающихся русских мыслителей, начинаешь забывать, что они были сказаны более ста-ста пятидесяти лет тому назад, настолько точно и глубоко они характеризуют тех, кто с неукротимым пылом призывает к уничтожению всего, что создается непростыми усилиями людей, решающими (возможно, и с ошибками) конкретные задачи улучшения жизни общества.

При этом высокомерие и самомнение этих людей стоит в качестве непреодолимой преграды повышения собственного образования в тех социальных и политических вопросах, которые она собирается решать. Категоричность и отсутствие способности к самокритике выражается в том, что, как тонко подметил Булгаков, словом, которое чаще всего приходится слышать от подобного «героя», является слово «принципиально», являющееся символом его жизненной установки. Но, как известно, крайности сходятся. Это выражается в незаметном перерождении героического начала, исходящего из убеждения в своем праве на переделку мира и являющегося весьма поверхностным и неподкрепленным готовностью к трудному движению к реальным преобразованиям, в беспринципность во всем, что касается личной жизни и личного поведения. Булгаков отмечает, что эти люди обычно эволюционируют от «героически революционного настроения к нигилистическому и порнографическому» [2, с. 323]. Булгаков точно подмечает, что среди такого рода публики весьма непопулярными являются «понятия *личной* нравственности, *личного* самоусовершенствования» [2, с. 323].

Естественно, эволюция в направлении осознания своей героической миссии в особенной степени свойственна молодежи, чей жизненный опыт, уровень знаний и понимания смысла социальных процессов весьма невысоки. «Превращение русского юноши или вчерашнего обывателя в тип героический... есть несложный, большею частью кратковременный процесс усвоения некоторых догматов религии человекобожия и quasi-научной “программы” какой-либо партии» [2, с. 316]. Более того, молодежь в оппозиционном движении начинает выполнять руководящую роль, формируется феномен так называемой духовной педократии. Она, по словам Булгакова, «есть величайшее зло нашего общества... это уродливое соотношение, при котором мнения “учащейся молодежи” оказываются руководящими для старейших, переворачивает вверх ногами естественный порядок вещей и в одинаковой степени пагубно и для тех, и для других» [2, с. 320].

Психологической основой такого положения дел является духовная природа оппозиционной публики, которая характеризуется мировоззренческой незрелостью. То есть по самой своей сути героический «образованный класс» ментально соответствует этой учащейся молодежи. Конечно, молодежь это будущее общества и забота о духовной зрелости нового поколения, поиск путей к вовлечению его в продуктивную деятельность на благо общества является важной социальной задачей. «Но находиться от него в духовной зависимости, заискивать перед ним, прислуживаться к его мнению, брать его за критерий — это свидетельствует о духовной слабости общества» [2, с. 321].

Эти слова Булгакова должны стать своеобразным наказом для тех, кто сегодня бессмысленно потрясает лозунгом «уступай место молодежи», разрушая тем самым нить исторической преемственности, сохранения исторического и культурного опыта, который только и может быть тем заслугом, который противостоит безудержной экспансии ценностей глобального мира.

В наше время характер оппозиционности существенно меняется. И те черты, которые были свойственны «героическому» периоду в истории интеллигенции, существенно трансформируются в направлении той самой буржуазности, которой в начале века в Европе, по мнению Булгакова, еще противостоял дух социальной ответственности и дисциплинированного трудолюбия. Этому способствует в целом достаточно высокий уровень потребления, повышение внутренней связности в современном мире, появление новых каналов самопрезентации и критики власти. Духовный героизм уступает место расчету. Потерпев неудачи в достижении «достойного» социального статуса на путях исполнения «лакейских» (вспомним знаменитую характеристику, данную этого рода публике В.И. Лениным) функций, представители креативного класса начинают искать способы удовлетворения сво-

их амбиций в политической деятельности. Активность этих людей тем более значительна, чем большим им видится тот объем материальных и статусных предпочтений, которые они недополучили от существующей власти. Свою критику власти «креативщики» могут облагораживать риторикой на тему нереализованности национального интереса, злоупотреблений представителей властных структур, забвения простого человека, с его жизненными проблемами.

Оппозиционность, по крайней мере, для верхнего слоя, является товаром, который можно успешно продать как внутри страны, так и за ее рубежами. Оппозиционер — ожидаемый гость в европейских странах. Внутри страны, если критика власти совсем уж не перехлестнула границы законодательства, оппозиция может получить место в средствах массовой информации, участие в ток-шоу или даже свою программу на радио или телевидении. За протестами отчетливо просматривается цель променять свою оппозиционность и критику на приобщение к власти, тем возможностям, которые она дает включенным в ее структуру персонажам.

Это изменение в содержании оппозиционности связано с принципиальным изменением ценностной основы протестов. Если в начале прошлого века речь шла о принципиальном изменении общественного устройства, то сегодня критика оппозиции имеет своей целью саму власть и эта критика в целом не означает требования принципиального изменения общественного строя. Критика направлена, прежде всего, не на общественные устои, а на конкретных представителей власти, осуществляемую ими политику. Соответственно такой направленности критики подбираются и средства — поиск компрометирующих фактов, управленческих просчетов и т. п., которые в особой степени возбуждают молодежь, жаждущую справедливости. Протестная деятельность в значительной степени перемещается с улицы в виртуальную сферу, обитателями которой являются в первую очередь молодые люди, хотя, конечно, финальный аккорд, по логике вещей, должен прозвучать на улице.

Активность оппозиции вдохновляется уже не утопически абстрактной целью построения совершенного общества, а темой свержения власти, предполагающего конкретную работу с конкретными интересами конкретных социальных групп, с этническими, демографическими, профессиональными общностями. Конкретной задачей становится оформление нерешенных жизненных проблем своей аудитории в политические претензии к власти.

Отметим, что в современном обществе созданы информационные предпосылки для формирования обостренного отношения широких слоев, и особенно молодежи, к собственной нереализованности и материальному неблагополучию. Средства массовой информации предлагают в качестве стандартов, образ жизни чаще всего весьма низкопробной публики, добившейся в силу не обремененности ненужными комплексами и моральными тормозами материального благополучия. Этот разрыв между собственным невысоким уровнем благополучия (далеко не всегда опускающимся за рамки среднего уровня потребления) и предлагаемыми образцами достойной жизни рождает бешеную энергию, направленную на срочное изменение своей судьбы.

Революционно-героический пафос представляет собой деятельностную установку, противостоящую готовности ответственно и дисциплинированно осуществлять работу по преодолению тех недостатков, которые, конечно же, существуют, но которые требует повседневных, дисциплинированных трудовых усилий.

Но что может быть противопоставлено разрушительности оппозиционного максимализма, какие пласты культуры заключают в себе потенциал такого противостояния. Булгаков отвечает на этот вопрос так: духовным антиподом для этого феномена должно стать христианство и соответственно тип жизни — христианско-го подвижника. На наш взгляд, это очень важное противопоставление. Можно быть

нерелигиозным человеком, но сама тема *подвижничества*, соответствующего ему образа жизни и деятельности должна быть осознана как особая мировоззренческая установка, вокруг которой должно строиться воспитание вступающего в жизнь поколения.

Героизм вообще не предполагает рефлексии, которая может парализовать готовность к героическому деянию, его жертвенность импульсивна. Качество героизма определяется содержанием той ценностной парадигмы, которая укрепились не только в сознании, но и подсознании человека. Эта парадигма явно или неявно интерпретируется в тех проблемах, с которыми человек сталкивается в своей частной или профессиональной жизни, является исторически изменчивой.

Главное отличие христианского подвижника от героя, узурпировавшего роль Провидения, заключается в том, что его жизненной установкой является смирение. Оно не означает пассивности и недеяния, его главный смысл в том, что «внимание здесь сосредотачивается на сознании личного долга и его исполнении, на самоконтроле», оно означает «перенесение центра внимания на себя и свои обязанности, освобождение от фальшивого самочувствия непризнанного спасителя мира» [2, с. 325]. Это чувство, по Булгакову, сродни тому, которое испытывает настоящий ученый, который «по мере углубления и расширения своих знаний, лишь острее чувствует бездну своего незнания, так что успехи знания сопровождаются для него увеличивающимся... ростом своего смирения» [2, с. 325]. Точно так же «без... чувства вечной неудовлетворенности своими творениями, которое можно назвать смирением перед красотой, нет истинного художника» [2, с. 326]. В добавление к этим словам Булгакова, заметим, что в нашей державе существует огромное количество подвижников, обычно не сознающих эту свою культурную значимость, которые своим повседневным профессиональным трудом, наполняющим смысл их жизнь, создают материальные, организационные и духовные основы благополучия страны. Именно они, а не пена оппозиционной шумихи, составляют соль российской земли.

Подвижничество противостоит свойственному интеллигентскому сознанию причудливому сочетанию максимализма и минимализма, «при котором максимальные притязания могут выставляться при минимальной подготовке личности, как в области науки, так и жизненного опыта и самодисциплины» [2, с. 327]. Эта порочная «диалектика» приводит к тому, что «оборотной стороной интеллигентского максимализма является историческая нетерпеливость, недостаток исторической трезвости, стремление вызвать социальное чудо» [2, с. 330].

Подводя итог, думается можно сказать, что существует некоторая интегральная особенность смыслов политических выступлений интеллигентских слоев начала XX в., отличающая ее от мотивации участников оппозиционных выступлений либерального крыла современной оппозиции. Не идеализируя либералов столетней давности, следует все-таки отметить, что в большинстве своем это были люди, думавшие о своей стране, хотя, конечно, и с «пониманием» своей значимости в ее судьбе, тогда как современная оппозиция в большей степени озабочена личным продвижением, преодолением неудовлетворяющего ее статуса, чувства собственной нереализованности. В каком-то смысле это проявление того внутреннего состояния, которое Ницше определил как «*ressentiment*» в его интеллигентском проявлении. Вообще более точно было бы сказать, что психологическое основание поведения этого рода публики представляет собой сложный «замес» этого состояния и чувства самодовольства и превосходства над серой массой, призванной выполнить функцию материала, посредством которого удовлетворяются ее большие амбиции.

Завершить это небольшое рассмотрение темы оппозиционности интеллигенции хотелось бы еще одним наблюдением Тютчева, которым он завершает свое сти-

хотворение «В деревне». Это наблюдение резюмирует образ пса, разгоняющего ленивую стайку гусей и уток.

«Да тут есть цель! В ленивом стаде
Замечен страшный был застой
И нужен стал, прогресса ради,
Внезапный натиск роковой.
И вот благое провиденье
С цепи спустило сорванца
Чтоб крыл своих предназначенье
Не позабыть им до конца.
Так современных проявлений
Смысл иногда и бестолков,
Но тот же современный гений
Всегда их выяснить готов.
Иной, ты скажешь, просто лает,
А он свершает высший долг —
Он, осмысляя, развивает
Утиный и гусиный толк.

1869 [3, с. 282].

Действительно, весьма важно избежать того, чтобы разного рода «сорванцы» (которые, в отличие от пса, хорошо сознают свой интерес) не использовали для себя и не усугубляли «утиный и гусиный толк» тех, кто всерьез воспринял их призывы, подаваемые как свершение высшего долга.

Литература

1. Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М. : Правда, 1989.
2. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции) // С. Н. Булгаков. Сочинения в двух томах. Т. 2. М. : Наука, 1993.
3. Тютчев Ф. И. Лирика. М. : АСТ : Астрель, 2010.

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Bakunin M. A. Philosophy. Sociology. Politics. M. : Pravda, 1989. (In Rus)
2. Bulgakov S. N. Heroism and Ascension (from reflections on the religious ideals of the Russian intelligentsia) // S. N. Bulgakov. Works in two volumes. Vol. 2. M. : Science, 1993. (In Rus)
3. Tyutchev F. I. Lyrica. M. : AST : Astrel, 2010. (In Rus)

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladboralex@mail.ru

Нарративы информационных войн: история и современность

Марченко Г. В.^{*}, Чимаров С. Ю., Игошин Н. А.

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация*; gen.marchenko@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье раскрываются историко-правовые аспекты развития средств информационного противоборства в мире, прослеживаются изменения в деятельности органов государственного и военного управления в информационно-коммуникационной среде, рассматриваются вопросы организации информационного противодействия современным попыткам фальсификации основных событий Великой Отечественной войны и послевоенного этапа развития российского государства.

Авторами статьи показывается использование нарративов как способов организации информационного пространства, прослеживаются и анализируются примеры информационного противоборства прошлого и настоящего, в том числе, на примере современных вооруженных конфликтов России и Грузии в Южной Осетии и военно-политического противостояния на востоке Украины, делаются выводы о необходимости активизации и обновления содержания государственной информационной политики с учетом новых военно-политических угроз и опасностей.

Ключевые слова: информационная война, информационное противодействие, информационный нарратив, негативное воздействие, исторические мифы, деструктивные силы, пропаганда, контрпропаганда

Для цитирования: Марченко Г. В., Чимаров С. Ю., Игошин Н. А. Нарративы информационных войн: история и современность // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 131–145.

Information Warfare Narratives: Yesterday and Today

Gennady V. Marchenko*, Sergey Yu. Chimarov, Nikolay A. Igoshin

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation; *gen.marchenko@yandex.ru

ABSTRACT

The article deals with the historical and legal aspects of the development of the means of information struggle in the world, changes in the activities of state and military administration bodies in the information and communication environment are traced, the issues of organizing information counteract to modern attempts to falsify the main events of the Great Patriotic War and the post-war stage of development of the Russian state are examined.

The authors of the article demonstrate the use of narratives as ways of organizing the information space, trace and analyze examples of information confrontation between the past and the present, including, using the cases of modern armed conflicts between Russia and Georgia in South Ossetia and the military-political confrontation in eastern Ukraine, draw conclusions about the need to increase and update the content of the state information policy, taking into account new military-political threats and dangers.

Keywords: information war, information counter, information narrative, negative impact, historical myths, destructive forces, propaganda, counter-propaganda

For citing: Marchenko G. V., Chimarov S. Yu., Igoshin N. A. Information Warfare Narratives: Yesterday and Today // Administrative consulting. 2021. N 4. P. 131–145.

Огромная территория и выгодное географическое положение, наличие богатых людских и природных ресурсов неизбежно выдвигали российское государство в число ведущих держав, игравших наиболее заметные геополитические роли в мировой политике. Выход нашей страны на «авансцену» основных событий европейской истории произошел в начале XVIII в. в период правления Петра Великого, ставшего первым российским императором. Все последующие события отечественной истории показали, что попытки силой (через войны, революции, вооруженные конфликты) победить Россию были неизбежно обречены на провал. Оставалось одно: одержать верх на информационном поле, внушить населению страны, что вся ее история построена на мифологии достижений и побед и является последовательной цепочкой провалов, неудач и потрясений, вызванных коррумпированностью элиты и хронической неспособностью народа к созиданию.

Распад СССР, ставший следствием целого комплекса экономических, геополитических и внутривластных причин, привел к деформации нравственных основ общества, появлению чуждых моральных идеалов. Ведущий идеолог американской внешней политики и теоретик антисоветской и антироссийской пропаганды З. Бжезинский так оценил поражение советского государства в информационно-психологической войне: «...Россия — побежденная держава. Она проиграла титаническую борьбу. И говорить, что это была не Россия, а Советский Союз, — значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США» [5, с. 127].

Современный этап отечественной истории характеризуется очередным информационным наступлением против традиционных российских ценностей, внешней и внутренней политики государства, попытками навязать очередные мифы, опорочить достижения и победы, принизить или извратить роль исторических личностей прошлого, подорвать авторитет центральной власти. Причем все это происходит по определенной схеме, как например, более чем сто лет назад в отношении Российской империи. Тогда, на заключительном этапе Первой мировой войны, была разработана программа подрывных информационно-пропагандистских мероприятий против русской армии и в отношении населения, щедро профинансированная немецким правительством. Основу этой программы составила дискредитация и подрыв доверия к власти: «...тиражирование бездоказательных слухов и сплетен — о блуде Распутина в царской семье и его работе на немецкую разведку; возбуждение ненависти к высшей власти государства; использование агентов влияния во власти... и „независимых“ СМИ, настраивающих народ против государства» [3, с. 27–36].

Обращение к историческому прошлому российского государства позволяет отметить еще одну важную особенность. Активизация информационной войны против России, как правило, происходила в периоды усиления ее позиций на международной арене. Так было, например, после поражения армии Наполеона в Отечественной войне 1812 г. и заграничного похода русской армии. В этот период в западной прессе появился сфальсифицированный документ под названием «Завещание Петра Великого» о воинственных целях российской внешней политики по покорению стран Европы. По этому сценарию развивались события после разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии в 1945 г., когда резко возросла активность антисоветских сил Запада по усилению негативного информационного воздействия на нашу страну, внесшей решающий вклад в разгром агрессоров («фултонская» речь У. Черчилля, создание НАТО, эскалация «холодной войны», «ядерный шантаж»). Обострение информационного противоборства на современном этапе также вызвано усилением военной мощи и проявлением независимого внешнеполитического курса российского государства в Закавказье (события в Южной Осетии и Абхазии в 2008 г.) и вхождением Крыма в состав Российской Федерации в 2015 г.

В своей многовековой истории российское государство не раз находилось на грани геополитической катастрофы, способной привести к утрате независимости и потере национальной идентичности (период «смуты» в начале XVII в., крушение Российской империи в 1917 г., Великая Отечественная война, распад Советского Союза). Все эти события объединяет присутствие мощной негативной пропаганды в деятельности антироссийских сил в период подготовки к агрессии (внешней интервенции) или активизации действий внутренней оппозиции и деструктивных элементов («пятой колонны»). Тактика действий этих сил строилась по определенной схеме: сначала размывание традиционных моральных ценностей общества с применением различных информационных нарративов, в основе которых были хорошо понятные пропагандистские идеологемы, затем дестабилизация обстановки и захват политической власти.

Понятие «пропаганда» складывалось и наполнялось разным содержанием на протяжении всей истории мировой цивилизации. Справедливой представляется позиция авторитетных российских специалистов в сфере информационной политики В. В. Барабаша, Г. А. Бордюгова, Е. А. Котеленца, что «пропаганда — это распространение взглядов, фактов, аргументов и других сведений, в том числе заведомо ложных, для формирования общественного мнения или иных целей, преследуемых пропагандистами» [2, с. 9]. По мнению «отца-основателя» теории пропаганды и современных технологий PR американского исследователя Э. Бернейза, проникновение и утверждение новых идей в обществе осуществляется в результате деятельности активно мыслящего меньшинства путем манипуляций в сфере общественного сознания, «...когда мы получаем стандартный ход социального взаимодействия» [4, с. 3]. С последним солидарен и его соотечественник Г. Лассуэлл, подробно раскрывший стратегию, цели и задачи военной пропаганды в годы Первой мировой войны [11].

Более двух с половиной тысяч лет назад целую стратегию информационно-психологического и пропагандистского воздействия на войска и население противника предложил знаменитый древнекитайский мыслитель Сунь Цзы. Фактически, это были одни из первых своеобразных стратегических и тактических информационных нарративов подготовки к войне. До нас они дошли в виде своеобразного свода советов и рекомендаций. Среди них выделяются следующие.

1. Разлагайте все хорошее, что имеется в стане вашего противника. Делайте все возможное, чтобы обесценить традиции ваших врагов и подорвать их веру в своих богов.
2. Подрывайте престиж руководства противника и выставляйте его в нужный момент на позор общественности. Используйте в этих целях сотрудничество с самыми подлыми и гнусными людьми.
3. Вовлекайте видных деятелей противника в преступные предприятия.
4. Разжигайте ссоры и столкновения среди граждан враждебной вам страны. Подстрекайте молодежь против стариков.
5. Мешайте всеми средствами работе правительства. Препятствуйте всеми способами нормальному снабжению вражеских войск и поддержанию в них порядка.
6. Будьте щедры на предложения и подарки для покупки информации и сообщников. Вообще не экономьте ни на деньгах, ни на обещаниях, так как они приносят прекрасные результаты.
7. Сковывайте волю воинов противника песнями и музыкой. Посылайте женщин легкого поведения с тем, чтобы дополнить дело разложения [14, с. 138–139].

В своем знаменитом трактате о военной стратегии «Искусство войны» Сунь Цзы отмечал необходимость стремиться к тому, чтобы взять в плен армию противника, нежели просто ее разгромить «...Одержат сотню побед в сражениях — это не предел искусства. Покорить противника без сражения — вот венец искусства» [14,

с. 211]. Необходимо также вспомнить и знаменитые тридцать шесть стратегем древнекитайского военного трактата о военном искусстве, относящихся к V в. до н.э. Назовем и прокомментируем основные.

1. «Извлечь нечто из ничего». Искусство обмана: сначала обмануть, потом не обманывать. Когда не-обман кажется обманом — это обман истинный. Все это является типичной тактикой психологической войны.
2. «Скрывать за улыбкой кинжал». Добиться доверия противника и внушать ему спокойствие, после чего подготовив все, как следует, напасть без колебаний. Пример: нападение фашистской Германии на СССР.
3. «Увести овцу легкой рукой». Даже малейшую слабость противника непременно надо использовать, не следует упускать малейшей возможности усилить себя и ослабить противника.
4. «Бить по траве, чтобы спугнуть змею». Удар, нанесенный наудачу, позволяет выяснить истинное положение дел. Необходимо обдумать последствия этой пробы и приступить к решительным действиям.
5. «Тайно вытаскивать хворост из котла другого». Не надо противодействовать открыто силе врага, но необходимо ослаблять постепенно его опору. Если надо что-либо уничтожить — следует уничтожить источник.
6. «Ловить рыбу в мутной воде». Требуется воспользоваться скрытым разладом во вражеском стане, извлечь выгоду из его слабости. При этом воздействию подвергается не сам объект, а его ближайшее окружение, не сама структура, а механизм ее действия.
7. «Цикада сбрасывает свою золотую кожицу». Необходимо всегда сохранять уверенный вид, не допускай изъянов в своей позиции. Так можно не позволить союзнику не поддаться страхам и не дать противнику повода предпринять нападение.
8. «Прикидываться безумным, сохраняя рассудок». Лучше делать вид, что ничего не знаешь и не хочешь ничего делать, чем делать вид, что владеешь знанием, и действовать безрассудно. Тот, кто пребывает в покое, не раскрывает своих планов.
9. «Возвращенный шпион» (стратегема сеяния раздора). Требуется подорвать способность сражаться, тайно посеяв раздор между ним и его друзьями, союзниками, семьей. «Возвратить шпиона» означает воспользоваться шпионом, засланным противником, чтобы отплатить ему той же монетой.
10. «До тех пор, пока ты не разбит, у тебя остается шанс». Бегство — лучшая стратегема. Сохраняй свои силы, избегая открытого противостояния. Когда проигрываешь, остается три варианта выбора: сдаться, добиться компромисса или сбежать. Первое — это полное поражение, второе — поражение наполовину, и только бегство поражением не является.

История информационного и психологического воздействия на сознание человека уходит в глубину веков. Проследим наиболее яркие примеры успешного информационного противоборства.

Более тридцати веков назад в ходе длительной осады греческим войском города Трои (Малая Азия, территория на северо-западе совр. Турции) был использован прием внедрения дезинформации для осажденных, построенной на древних мифах и преданиях (план одного из военачальников Одиссея). После мнимого отхода греков от города, в их прежнем военном лагере был оставлен огромный деревянный макет коня, в котором находилось несколько десятков воинов и организована «утечка» информации от одного из мнимых перебежчиков, который сообщил троянцам, что конь волшебный — пока он будет в городе, крепость будет неприступной. Конь был доставлен в Трою, ночью по сигналу лазутчиков греческие корабли с воинами вернулись к стенам крепости, после чего начался неожиданный для

обороняющихся приступ. Одновременно из корпуса коня выскочили греческие воины. Сражение завершилось полным разгромом осажденных. Сегодня, «троянским конем» называют наиболее коварные и сложные по своим последствиям компьютерные вирусы-разрушители компьютеров.

Популярным приемом информационного воздействия на противника было также распространение слухов либо о значительном численном превосходстве своих войск, например, в ходе похода в Грецию персидского войска царя Дария, или использовании новых более мощных средств ведения военных действий (боевых слонов в армии выдающегося карфагенского полководца Ганнибала в битвах с римлянами). В Древней Руси многие полководцы использовали такой информационный метод воздействия на противника, как заблаговременное извещение о прибытии войск. С одной стороны, это было благородно, с другой, неприятель понимал, что противник уверен в победе. Летописные источники свидетельствуют, что киевский князь Святослав перед военным походом отправлял гонцов к врагам с передачей нескольких слов в качестве информации «Хочу идти на вы» («Иду на вы»). Эту практику продолжил знаменитый монгольский завоеватель Чингисхан, посылавший перед вторжением на населенный пункт «ярлык», в котором предлагалась добровольная сдача без сопротивления. Активно распространялись слухи о непобедимости монгольского войска, его огромной численности и жестокости воинов.

В России с появлением в 1703 г. первой печатной газеты «Ведомости» внешняя и внутренняя пропаганда стали вестись на государственном уровне. Выпуск газеты курировал непосредственно царь-реформатор Петр I. В ней стали появляться материалы, напечатанные в цвете киноварью, например, письмо самого царя о победе над шведами под Полтавой (применение цветной печати означало важность информации). Пропагандистский характер публикуемых материалов был очевидным. Так, об определенных военных неудачах в ходе Северной войны со шведами и Прутского похода русской армии в ходе русско-турецкой войны, «Ведомости» умалчивали, зато информация о победах русской армии и флота была обширной и детальной.

Активно использовали в своей военной деятельности приемы и методы пропаганды выдающиеся полководцы А. В. Суворов и М. И. Кутузов. В своей знаменитой книге «Наука побеждать» генералиссимус писал о воспитании боевых и морально-психологических качеств русского солдата, отмечал его преимущество в ближнем бою и укреплял веру в силу штыка («пуля-дура, а штык-молодец»), призывал «поражать противника человеколюбием», а «обывателя не обижать»¹. Ученику А. В. Суворова М. И. Кутузову принадлежит авторство одного из первых в истории войн обращений к неприятелю и населению враждебной страны в ходе заграничного похода русской армии после изгнания войска Наполеона из России. Это обращение было отпечатано большим тиражом в виде листовок, в которых объяснялись цели и задачи военных действий, причем в конце были такие строки: «Экземпляр сего объявления каждому, имеющий оный, служит вместо охранного листа». Фактически, военачальник впервые использовал такую форму пропаганды, как листовка-пропуск, впоследствии активно применявшийся для деморализации противника в ходе Первой и Второй мировых войн.

Эффективность пропаганды и организация информационного воздействия в ходе войн и вооруженных конфликтов XX в. во многом определяли исход военно-политического противостояния, влияли на послевоенное развитие отношений недавних врагов и союзников. Ярким примером являются события Второй мировой войны. Спустя десятилетия, искажение ее истории стало основным содержанием информационно-пропагандистской политики многих государств мира, стремящих-

¹ Александр Суворов. Наука побеждать [Электронный ресурс]. URL: https://100bestbooks.ru/files/Suvorov_Nauka_pobezhdai.pdf (дата обращения: 12.03.2020).

ся пересмотреть итоги войны, фальсифицировать и принизить роль Советского Союза в разгроме фашизма. При этом активно используются различные исторические мифы, возникающие в результате недостаточной изученности или сознательной фальсификации исторических фактов [6; 7; 10; 15]. Остановимся на некоторых наиболее популярных на Западе информационных нарративах о войне и выскажем свою точку зрения

1. На СССР, как и на Германии, лежит ответственность за начало Второй мировой войны.

Подписание пакта Молотова — Риббентропа 23 августа 1939 г. учитывало реалии внешнеполитической обстановки. Советско-германский договор о ненападении стал последним международным правовым документом довоенного периода и привел к расширению границ СССР за счет возвращения утраченных территорий в период революции, гражданской войны и иностранной интервенции. Все это создавало условия для успешной организации обороны в случае новой войны, неизбежность которой для всех была очевидной.

Ранее, в августе и декабре 1938 г., аналогичные договоры с Германией подписали Великобритания и Франция. Политика «умиротворения» Германии со стороны Франции и Великобритании, фактически, подталкивавших «третий рейх» к походу на Восток, создавала новые военно-политические угрозы для Советского Союза, усиливая позиции фашистского режима на Балканах, в Скандинавии, Финляндии, Прибалтике и странах Восточной Европы. Так, только бескровная аннексия Чехословакии — одного из наиболее высокоразвитых в промышленном отношении европейских государств, дала немецкой армии более миллиона самозарядных винтовок, десятки тысяч пулеметов и тысячи танков. В последующем во вторжении на территорию Советского Союза приняло участие около 2 млн человек из различных европейских стран. Вооруженные финские, итальянские, испанские, румынские, венгерские, австрийские, французские, чешские, словацкие, датские, норвежские, голландские, бельгийские, шведские, хорватские и болгарские формирования воевали, как правило, со своим оружием и техникой.

2. Первые серьезные военные неудачи Германии осенью и зимой 1941 г. были вызваны тяжелыми климатическими погодными условиями.

Основным фактором перелома в войне стали не только действительно непростые природные факторы в европейской части СССР (ранняя распутица и суровые морозы), а прежде всего, мужество наших соотечественников на фронте, не допустивших военного «блицкрига» на поле боя, стойкость тружеников тыла, эффективность работы органов военно-политического управления по перестройке экономики на военный лад, а также высокая эффективность и действенность пропагандистских мероприятий в информационной сфере.

В армии и в тылу проводилась активная работа, основанная на пропаганде идеалов «мировой революции» и осуществления грандиозной задачи освобождения человечества от бремени капитализма, а с началом войны — от фашизма. Воспитание воинов осуществлялось на героических традициях Красной Армии, защитившей простой народ от враждебных внутренних и внешних сил контрреволюции в годы гражданской войны и победах в ходе локальных войн и вооруженных конфликтов с Японией и Финляндией в предвоенный период.

В преддверии и в ходе Великой Отечественной войны произошла определенная трансформация содержания идеологической работы — патриотическое воспитание было усилено обращением к триумфам русского оружия от Ледового побоища до Бородино, а сама пропаганда стала активно опираться на героическое прошлое Российского государства, основываясь не только на коммунистической идеологии, но и новых информационных нарративах великодержавного характера. Большой эффект дали такие меры, как учреждение новых орденов

имени великих полководцев прошлого, вручение государственных наград на поле боя, введение погон как знака отличия, изменение текста и мелодии государственного гимна, упразднение Коминтерна, возвращение к институту патриаршества и др. [13].

3. На оккупированной советской территории руководство фашистской Германии стремилось к установлению «нового порядка», учитывающего интересы советского населения.

Рассмотрим беспочвенность этого утверждения. Общие людские потери Советского Союза за период Великой Отечественной войны составили 26,6 млн человек. Под немецкой оккупацией к началу 1943 г. оказалось около 2 млн квадратных километров советской территории, на которой проживало почти 73 млн человек гражданского населения. К концу 1945 г. это число уменьшилось на 13 млн 684 тыс. человек. Преднамеренно было уничтожено 7 млн 420 тыс. человек, в том числе, более 216 тыс. детей. Погибло на принудительных работах в Германии около 1,5 млн чел., почти полмиллиона человек осталось в Германии в качестве эмигрантов. Умерло от жестоких условий оккупационного режима в результате голода, инфекционных болезней и отсутствия медицинской помощи более 4 млн чел. В свою очередь, потери среди мирного населения Великобритании составили 92 тыс. человек, в США погибло около 3 тыс. мирных жителей [9; 17; 20].

Красноречивым свидетельством истинного отношения оккупантов к населению захваченных районов СССР является один из пунктов «Памятки немецкого солдата»: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливаясь, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик»¹. Почти 60% советских военнопленных умерло в лагерях, в то время, как процент умерших в немецких лагерях военнопленных западных стран составил 4%. В приговоре Нюрнбергского процесса жестокое обращение с советскими военнопленными было квалифицировано как преступление против человечности [8, с. 142]. Очевидно, что на оккупированных территориях Советского Союза и в концентрационных лагерях руководство нацистской Германии осуществляло планомерную политику уничтожения населения, проводило фактический геноцид, прежде всего, славянских народов (русских, украинцев и белорусов).

4. Популярным мифом в определенных политических кругах является утверждение о том, что на фронтах Второй мировой войны союзники по антифашистской коалиции несли примерно одинаковые потери, им противостояло равное количество немецких войск и их союзников, при этом Красная Армия несла огромные потери, воевала «не умением, а числом» (называются цифры потерь личного состава РККА и вермахта в соотношении 5:1, а то и 7:1).

Последние подсчеты общих военных потерь СССР в годы войны составили 11 444 100 чел., из которых погибло и умерло от ран 6 885 100, пропало без вести и попало в плен около 4,5 млн чел. Потери вермахта на всех фронтах были следующие: погибло 4,7 млн чел., с умершими от ран эта цифра составила около 5,8 млн чел., попало в плен около 3, 8 млн чел. (около 80% всех потерь — более 7,8 млн человек приходилось на советско-германский фронт). При этом в вооруженных силах Великобритании погибло 286 тыс. человек, США — 407 тыс. военнослужащих. Всего же союзникам Советского Союза по антигитлеровской коалиции (США и Великобритании) противостояло почти в 3,5 раза меньше вражеских войск, чем на Восточном фронте. Так, в боях на Восточном фронте было разгромлено около 600 немецких и союзных Германии дивизий других стран, на Западном фронте около 180 [12; 18; 19].

¹ Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946. 457 с. С. 7.

Один из ведущих отечественных исследователей по вопросам пропаганды В. А. Артамонов, для оценки моральной стойкости солдат и офицеров ввел определенный коэффициент: отношение безвозвратных потерь к количеству пленных [1]. По его подсчетам, в начальный период Великой Отечественной войны (июнь–ноябрь 1941 г.), несмотря на военные неудачи и отступление соединений и воинских частей Красной армии по всему театру военных действий, данный коэффициент сопротивления личного состава РККА оказался достаточно высоким — 0,91 (количество невозвратных потерь 2 138 320 человек, пленено и пропало без вести 2 335 500 человек). В то же время, этот показатель превышал аналогичный коэффициент сопротивления польской армии в 1939 г. почти в два раза (0,47), а французской армии в 1940 г. почти в пять раз (0,19).

Показатель моральной стойкости Красной армии в ходе военных действий постоянно увеличивался. Так, уже в ходе боев на Дону и под Сталинградом потери наших войск в период с июля 1942 г. по февраль 1943 г. составили убитыми и умершими от ран около 116 тыс. чел., ранеными и контуженными около 335 тыс. чел., попавшими в плен около 300 тыс. чел., коэффициент сопротивления был 1,51. Но нашим войскам противостоял достойный в военном отношении противник. Например, коэффициент сопротивления соединений вермахта во время операции «Багратион» с 23 июня по 29 августа 1944 г. составил 3,4. Противник потерял 381 тыс. погибшими и пропавшими без вести, 150 тыс. ранеными, 156 тыс. чел. пленными. Это был сокрушительный разгром немецких войск, но добытый в тяжелейших и упорных боях.

Если сравнить коэффициент моральной стойкости РККА и вермахта вообще за период всей Великой Отечественной войны, то эти цифры будут примерно одинаковыми и составят коэффициент 1,53, то есть на трех убитых и раненых солдат с обеих сторон приходилось двое пленных. В целом же подсчет потерь в действующих армиях СССР и Германии, с учетом достигнутого в первоначальный период войны фактора внезапности нападения сил вермахта, превосходства качества вооружения, лучшей тактической выучки личного состава и наличия боевого опыта управления войсками старшими и высшими офицерами, позволяет их определить примерно в соотношении 1,5:1, но уж никак не тенденциозного показателя 5:1 и выше.

Современная глобализация и бурное развитие коммуникационных систем кардинально изменили мировое медийное пространство, ставшее ареной масштабных информационных войн. В ходе этих войн возникло единое пропагандистское пространство, на котором сегодня решаются две основные задачи — создать образ врага и оправдать (объяснить) политику, проводимую органами государственного управления. По своему содержанию понятия «пропаганда» и «информационная война» достаточно близки. Основное отличие между ними в том, что внутренняя и внешняя пропаганда ведется всегда, а информационная война в преддверии и в ходе военных действий, либо в условиях холодной войны.

Идеологическую основу современных информационных войн составляют теории глобализации и неолиберализма, в основе которых внешне привлекательная идея «всеобщего равенства всех государств в рамках нового мирового порядка». На практике же вместо процесса экономической и социальной интеграции стран друг с другом доминирует идея однополярного мира с обоснованием «исключительности американской нации». О политике «двойных стандартов» сказал в свое время американский писатель Р. Шекли: «Самое обидное, что в информационной войне всегда проигрывает тот, кто говорит правду. Он ограничен правдой, а лжец может нести все, что угодно»¹.

¹ О пропаганде [Электронный ресурс]. URL: <http://www.z-i-v.ru/timeline/000162.htm> (дата обращения: 02.03. 2021).

Не вызывает сомнений, что «информационная война — это наиболее концентрированные пропагандистские кампании, направленные на создание образа врага и на то, чтобы убедить собственное население в справедливости того дела, за которое борется правительство, в необходимости отстаивать определенные ценности и стремиться к достижению определенных целей» [2, с. 11]. В основе информационных войн лежат определенные нарративы, являющиеся способом организации информационного пространства по «лекалам» необходимой модели подачи информации. Информационная война позволяет наносить ущерб противнику фактически при отсутствии внешних признаков военных действий, без использования материальных средств поражения. Такой, например, была военно-политическая тактика США на определенном этапе эскалации современных конфликтов в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии, подкрепленная впоследствии применением вооруженных сил.

Отличиями информационных войн от обычных являются, прежде всего, отсутствие прямой территориальной оккупации и таких понятий, как «линия фронта», «театр военных действий», «приграничная полоса», «тыловая зона» и др. Главная задача таких войн — это путем пропаганды привлечь на свою сторону население и убедить его в целесообразности смены одиозной политической власти. К приемам информационных войн следует отнести: вброс отвлекающей информации; смещение акцентов в информационном освещении событий; акцентирование внимания на негативе, исходящего от противника; опровержение информации [16, с. 67–75].

Логичным ответом новым информационным угрозам стало принятие новых основополагающих нормативных документов в сфере национальной безопасности Российской Федерации — Военной Доктрины (2014 г.) и Доктрины информационной безопасности (2016 г.). В последней отмечается, что национальная безопасность государства зависит от информационного пространства, которое все чаще используется для решения военно-политических задач. В Доктрине указывается на наращивание внешнего негативного информационного воздействия на население нашей страны, прежде всего, на молодежь, с целью размывания культурных и духовных ценностей, подрыва нравственных устоев, исторических основ и патриотических традиций¹.

Обратимся к итогам современных информационных войн с участием России на примерах кратковременного (пятидневного) вооруженного конфликта России и Грузии в Южной Осетии в августе 2008 г. и длительного (с 2013 г. и по настоящее время) информационно-политического противостояния России и Украины.

Вооруженное столкновение с Грузией, начавшееся после нападения подразделений грузинской армии на миротворческий российский воинский контингент в столице Южной Осетии — Цхинвали, закончилось убедительной победой российских войск. Но информационная составляющая боевых действий заслуживает отдельного рассмотрения.

Перед началом конфликта информационное поле было крайне напряженным. Позиции российских и западных СМИ были диаметрально противоположными: первые предлагали негативный информационный нарратив о деятельности президента Грузии М. Саакашвили, показывая его марионеткой Запада, вторые отмечали приверженность грузинского руководителя демократическим ценностям. Стремление к независимости от Грузии Абхазии и Южной Осетии также оценивались по-разному: российская сторона считала его ответом на проявление грузинского национализма, западные политики и пресса обвиняли в разжигании сепаратистских настроений Россию.

¹Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента России от 05.12.2016. № 646.

Ход локального конфликта и динамика его информационного освещения в мировых и отечественных печатных и электронных СМИ показали, что в современной информационной войне особенно важна оперативность доведения информации. Так, например, недалеко от места событий в г. Гори уже через несколько часов с начала боев в Цхинвале был открыт медиациентр для грузинских и зарубежных журналистов, на котором постоянно доводился новый видеоматериал из зоны боевых действий. Грузинской пропагандой, за которой стояли западные политтехнологи, основное внимание было сосредоточено на формировании негативного общественного мнения о действиях России в этом кавказском регионе. Этот информационный нарратив стал доминирующим в начале боевых действий.

В свою очередь, действия российских внешнеполитических, силовых и информационных структур на первом этапе конфликта не отличались оперативностью. Сказались внезапность событий, которые произошли в день открытия летней Олимпиады в Пекине в 2008 г. и отсутствие каких-либо действующих на постоянной основе российских информационных структур (пресс-центров, пресс-групп) в зоне действий миротворческого российского воинского контингента в Южной Осетии. На месте конфликта первоначально не было профессиональных журналистов, специалистов в области информационной политики и политических технологий. Недостаточной оказалась и координация действий по подаче материала о военных действиях по линии Министерства обороны, Министерства иностранных дел, ведущих российских электронных и печатных средств массовой информации. Все это привело к тому, что была упущена информационная инициатива в объективном освещении событий.

Но уже вскоре ситуация изменилась кардинально. Российской пропаганде, прежде всего, за счет активных действий представителей блогосферы в западном и российском информационном пространствах, использования мощного потенциала ведущих российских СМИ, удалось переломить ход информационной войны, как в период военного конфликта, так и по его завершению. Так, только один видеосюжет из неофициальных источников с испуганным успешными действиями российских войск М. Саакашвили, жующим галстук от волнения, поставил под сомнение сам факт эффективного управления действиями грузинской армии.

Необходимо отметить, что с обеих сторон также значительно преувеличивалось число жертв среди мирного населения. Например, крупнейшее мировое информационное агентство CNN дало цифру в 1600 погибших грузинских мирных жителей. Российские СМИ писали о потерях среди мирного населения Южной Осетии, ставших жертвами грузинской агрессии, называя цифру в 2000 чел. На самом деле, «в ходе войны погибло, по официальным данным: с грузинской стороны — 188 мирных жителей и 168 военнослужащих и сотрудников силовых структур, с южноосетинской — 162 человека из числа мирного населения и 203 ополченцев и силовиков»¹.

Таковыми же преувеличенными были оценки военного потенциала непосредственных участников военных действий. С грузинской стороны звучали цифры о численности российских войск до 80 тыс. чел., сотнях самолетов и единиц бронетехники, а сами потери российской армии оценивались в 400 чел. Эти данные были призваны морально поддержать свою армию, терпевшую поражения с первых дней конфликта, убедить население в справедливом характере боевых действий с грузинской стороны, и в конечном итоге консолидировать общество, часть которого отрицательно относилась к внутренней и внешней политике президента М. Саакашвили. В действительности

¹ Полит.ру. 15 сентября 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/news/2008/2009/15/deads/>. Список погибших жителей Южной Осетии // <http://osetinfo.ru/shisok> (дата обращения: 25.01.2021).

воинские подразделения и ополчение Южной Осетии насчитывали не более 3 тыс. чел., 20 танков и 25 самоходно-артиллерийских установок, в Абхазии действовало около 5 тыс. ополченцев, численность российской армии не превышала 15 тыс. чел., из которых погибло 74 и пропало без вести 19 чел.¹

Следствием противостояния в информационной сфере стали локальные успехи обеих сторон конфликта на своих медиаполях, представивших две разные картинки. В России: Южная Осетия — это жертва нападения, за которым стояли западные силы, фактически управлявшие действиями агрессора грузинского руководства, в Грузии — все наоборот: Россия была агрессором, а Грузия жертвой. Но на международном уровне более эффективная деятельность российских органов государственной власти, средств официальной пропаганды и усилия блогеров получили поддержку на дипломатическом уровне: в сентябре 2009 г. специальной комиссией Евросоюза по расследованию событий в Южной Осетии специальной была признана ответственность Грузии за развязывание военных действий.

Обострение информационно-политического противостояния России и Украины — двух крупнейших республик бывшего СССР, началось осенью 2013 г., то есть еще за несколько месяцев до событий Евромайдана, приведших к свержению президента Украины В. Януковича. В этот период российская сторона жестко критиковала, в том числе и в информационной сфере, намерение руководства Украины подписать соглашение с «Европейским сообществом», что было невыгодно для интересов России. После отказа центральной власти от подписания соглашения в Киеве начались протестные акции, приведшие к смене власти. В то же время, в ряде регионов Юга-Востока Украины произошли выступления населения, настроенного пророссийски (в Крыму, Донецкой и Луганской областях).

В условиях кризиса украинской государственности, Россия заняла четкую информационную позицию, отражающую отстаивание своих экономических и внешнеполитических интересов. В российском обществе было консолидировано все медиапространство, сформировано общественное мнение поддержки действий власти, использован протестный потенциал населения отдельных регионов Украины, воспринявших действия новых властей как ущемление своих прав в различных сферах жизнедеятельности. В российской пропаганде ведущими стали информационные нарративы, в основе которых было стремление убедить население двух государств в искренности намерений российского руководства «избавить население Украины от внешнего управления», «консолидировать славянское братство», «противостоять западной экспансии».

«Украинская тема» уже несколько лет доминирует во всех общественно-политических программах и ток-шоу в наиболее удобное для максимального охвата аудитории телезрителей время. На информационные теле и радио «фронты» направлены наиболее подготовленные журналисты, медиаспециалисты, политтехнологи, пропагандисты и дипломаты. Российская информационная политика по освещению событий на Украине, фактически, приобрела черты особого политического информирования, ставящего три основные задачи: сформировать полную поддержку своих действий своим населением, деморализовать население недружественного государства, завоевать симпатии мирового общественного мнения. Первая задача выполнена сегодня практически полностью, по решению второй задачи налицо некоторые успехи, по третьей имеет место определенный информационный прорыв

¹ Генштаб ВС РФ: в Южной Осетии погибли 74 российских миротворца [Электронный ресурс] // Lenta.com.ru. 13 августа 2008. URL: <http://www.lentacom.ru/news/11383.html>; Красногир С. Расстановка сил. Сравнение боевого потенциала вооруженных сил Грузии, Южной Осетии и России в зоне конфликта [Электронный ресурс] // Лента.ру. 8 августа 2008. <http://www.lenta.ru/aclrticies/2008/08/08/forces/> (дата обращения: 2.03. 2021).

по разрушению первоначального общего осуждения действий России в регионе со стороны ведущих стран мирового сообщества.

Технологии работы представителей средств массовой информации достаточно разнообразны и отражают эволюцию событий. Так, например, на этапе интенсивных военных действий на Донбассе летом 2014 г. официально избранный президент Украины П. Порошенко назывался «лидером преступного киевского режима» [2, с. 298–299], правительство Украины — «хунтой», украинские войска — «карателями хунты», а тех, кто сражался против украинской власти, было принято считать «антифашистами»¹. Вновь были использованы возможности блогосферы по формированию позитивного общественного мнения на англоязычных блогах и форумах в период «Крымской весны», завершившейся присоединением Крыма к России в 2015 г. Информационный акцент на преемственности действий современных украинских властей и националистического бандитского подполья войск ОУН-УПА в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, позволил также актуализировать проблемы преследования и ущемления прав русскоязычного населения, проявлений русофобства, раскола православной церкви и навязывания населению чуждых идеологических и духовных ценностей.

Таким образом, рассмотрение характера, содержания и методов современных информационных войн, причин появления и использования новых нарративов в сфере информационной политики ведущими государствами мира позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, требуется постоянное, оперативное и аргументированное реагирование органов государственной власти, масс-медиа и научного сообщества на появление в коммуникационном пространстве негативной тенденциозной и фальсифицированной информации, искажающей историческое прошлое и события настоящего времени.

Во-вторых, в информационно-коммуникационной среде необходимо более активно использовать пропагандистский потенциал прежних имперских нарративов дореволюционной России и СССР, учитывающих геополитические интересы современной Российской Федерации, например, концепций «Москва — третий Рим» и «Святая Русь», идей «защиты славянского братства», «продвижения русского мира» и «евразийского единения», идеологического лозунга «православие, самодержавие, народность» и воинского девиза «За Веру, Царя и Отечество».

В-третьих, информационно-пропагандистская деятельность должна учитывать национальные особенности российского менталитета, в котором всегда была доминанта «русского характера», включающая определенные этнокультурные стереотипы и традиционные моральные ценности («патриотизм», «коллективизм», «поиск нравственного идеала», «стремление к правде и справедливости», «широта русской души», «доверчивость и открытость», «голос сердца», «миролюбие и дружба», «гуманизм и взаимопомощь», «милосердие и сострадание»).

Любовь к Родине всегда подразумевала не просто физическую привязанность к своему дому, а ответственность каждого за судьбу страны. Эта важнейшая особенность российского патриотизма, прежде всего, его государственный характер, делала защиту Отечества благородной целью, неизменно консолидируя все общество. Подобные нарративы, державно-патриотические по своей направленности и высоконравственные по своему содержанию, призваны и сегодня расширять российское информационное пространство и сферы традиционного влияния.

¹ См.: <https://www.politforums.net/internal/1411282967.html>; <http://новости-украины.ru-an.info/новости/гагский-трибунал-уже-ждёт-украинских-репов-ато/>; https://antimaydan.info/2019/07/21_nacisty_xxi_veka_zverskie_prestupleniya_ukrainskih_nacionalistov_v.html (дата обращения: 11.03.2021).

В-четвертых, помимо обращения к нарративам исторического прошлого, следует создавать новые привлекательные общественно-политические векторы развития, формировать позитивное представление о роли и месте России в современном мире, использовать для этого различные возможности, например, факт оперативного создания отечественной медициной и успешного продвижения по миру эффективной вакцины от коронавируса («вакцинная дипломатия»).

На сегодняшний день наше государство все еще имеет хорошие возможности для передачи своих стратегических и тактических нарративов в виртуальные и информационные пространства бывших регионов Российской империи и национально-территориальных образований Советского Союза. Очевидно также, что очередное информационное наступление ведущих стран Запада против стремления России выйти за пределы «однополярного мира» и вернуться к независимому курсу во внешней и внутренней политике дореволюционного и советского периода отечественной истории, попытка навязать очередные мифы, опорочить достижения и победы, принизить или извратить роль исторических личностей прошлого и настоящего, не дали предполагаемого результата. Более того, все эти действия привели к обратному эффекту. Тенденции укрепления конституционных основ государственности, возрождения идей национальной самобытности и формирования духовных основ патриотической консолидации многонационального поликонфессионального и мультикультурного российского общества, реализация целостной программы государственной информационной политики стали устойчивым направлением общественного развития.

Литература

1. Артамонов В. А. Моральная стойкость и боевой дух Красной Армии и Вермахта в 1941–1945 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2015/05/25/744> (дата обращения: 20.02.2020).
2. Барабаш В. В., Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Государственная пропаганда и информационные войны : учеб. пособие. М. : АИРО-XX, 2015. 400 с.: илл.
3. Беляев Д. Разруха в головах. Информационная война против России. СПб. : Питер, 2015. 256 с.
4. Бернейз Э. Пропаганда. М. : Hippo Publishing, 2010. 176 с.
5. Бжезинский З. К. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М. : Международные отношения, 2010. 262 с.
6. Бивор Э. Вторая мировая война. М. : Колибри, 2012. 992 с.
7. Бивор Э. Сталинград / Пер. с англ. Смоленск : Русич, 1999. 448 с.
8. Великая Отечественная война. 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. М. : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005. 637 с.: илл., порт.
9. Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Берлин, 1992.
10. Киган Д. Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 2005. 608 с.
11. Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне. М. ; Л. : Госиздат; Отдел военной литературы, 1929. 200 с.
12. Литвиненко В. В. Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте. М., 2015. С. 180.
13. Марченко Г. В. Современная мифология о Великой Отечественной войне: информационная атака на историческую память народа [Электронный ресурс] // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : в 2-х частях. Часть 1: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 г. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 1725–1738.
14. Панарин И. И. Информационная война, PR и мировая политика : учеб. пособие для вузов. М. : Горячая линия — Телеком, 2006. 352 с.: илл.
15. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера / Пер. с нем. Смоленск : Русич, 1998. 549 с.
16. Почепцов Г. Г. Информационные войны. М., 2000. 573 с.

17. *Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил* : Стат. исслед. / [Г.Ф. Кривошеев и др.]; под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 607 с.
18. *Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование*. М., 2001.
19. *Урланис Б.Ц. История военных потерь*. СПб. : Полигон, 1994.
20. *Шевяков А.А. Гитлеровский геноцид на территории СССР // Социологические исследования*. 1991. № 12. С. 4–11.

Об авторах:

Марченко Геннадий Викторович, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук; gen.marchenco@yandex.ru

Чимаров Сергей Юрьевич, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук; профессор; serg120756@gmail.com

Игошин Николай Алексеевич, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; n_a_igoshin@mail.ru

References

1. Artamonov V.A. Moral stamina and morale of the Red Army and the Wehrmacht in 1941–1945. [Electronic resource]. URL: <http://www.proza.ru/2015/05/25/744> (access date: 20.02.2020). (In Rus).
2. Barabash V.V., Bordyugov G.A., Kotelenets E.A. State propaganda and information wars: textbook. M.: AIRO-XX, 2015. 400 p. (In Rus).
3. Belyaev D. Ravage in his heads. Information war against Russia. St. Petersburg: Piter, 2015. 256 p. (In Rus).
4. Bernays E. Propaganda. M. : Hippo Publishing, 2010. 176 p. (In Rus).
5. Brzezinski Z.K. The Choice: Global Domination or Global Leadership. M.: International relations, 2010. 262 p. (In Rus).
6. Beevor A. The Second World War. M.: Colibri, 2012. 992 p. (In Rus).
7. Beevor A. Stalingrad/Translation from English. Smolensk: Rusich, 1999. 448 p. (In Rus).
8. Great Patriotic War. 1941–1945. Illustrated encyclopedia. M.: OLMA-PRESS Education, 2005. 637 p. (In Rus).
9. Germany's war against the Soviet Union. 1941–1945. Berlin, 1992. (In Rus).
10. Keegan D. The Second World War/Translation from English M., 2005. 608 p. (In Rus).
11. Lasswell G. Propaganda technique in the World War. M.; L.: Gosizdat; Department of Military Literature, 1929. 200 p. (In Rus).
12. Litvinenko V.V. The price of war. Human losses on the Soviet-German front. M, 2015. P. 180. (In Rus).
13. Marchenko G.V. Modern mythology about the Great Patriotic War: an information attack on the historical memory of the people [Electronic resource] // State. Law. War (on the 75th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War): in 2 parts. Part 1: Proceedings of the International Scientific Conference. St. Petersburg, on April 28-29, 2020 SPb.: St. Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. P. 1725–1738. (In Rus).
14. Panarin I.I. Information war, PR and world politics: a textbook for universities. M.: Hotline-Telecom, 2006. 352 p. (In Rus).
15. Picker G. Hitler feast conversations. Translation from German. Smolensk: Rusich, 1998. 549 p. (In Rus).
16. Pocheptsov G.G. Information wars. M, 2000. 573 p. (In Rus).
17. Russia and the USSR in the wars of the XX century. Losses of the armed forces: Statistic research / [G.F. Krivosheev et al.]; under the general edition of G.F. Krivosheev. M.: OLMA-PRESS, 2001. 607 p. (In Rus).
18. Russia and the USSR in the wars of the twentieth century. Losses of the armed forces. Statistical study. M., 2001. (In Rus).
19. Uralnis B.Ts. History of military losses. St. Petersburg: Polygon, 1994. (In Rus).

20. Shevyakov A.A. Hitler genocide in the USSR // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 1991. N 12. P. 4–11. (In Rus).

About the authors:

Gennady V. Marchenko, Professor of the Department of the Personnel Management and educational work, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Historical Sciences); gen.marchenco@yandex.ru

Sergey Yu. Chimarov, Professor of the Department of the Personnel Management and educational work, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Historical Sciences); serg120756@gmail.com

Nikolay A. Igoshin, Professor of the Department of the Personnel Management and educational work, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Science (Law Sciences); n_a_igoshin@mail.ru

Impact of the 2015 Migration Crisis on German Food Security

Nikita S. Ivannikov, Sergey A. Mungalov*

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation; *ivannikov.n78@gmail.com

ABSTRACT

The article considers some social and political consequences of the migration crisis of 2015 in the Federal Republic of Germany, as well as its impact on food security in the country. In order to assess the latter, the statistical data related to socioeconomic factors important for food security were analyzed. Both the problems faced by migrants and their positive contribution to the agricultural sector, as well as the methods taken by Germany to improve the situation of migrants were highlighted. The most important factor influencing food security in the conditions of sharp population growth caused by the migration crisis is adaptation, since both the further involvement of migrants in the economic life of the country and their further prosperous existence depend on its success. The effectiveness of measures taken by the German government for adaptation of migrants ensured a significant contribution to the preservation of the former level of food security in the changed conditions of the state.

Keywords: Germany, migration, food security, migration crisis of 2015, adaptation of migrants

For citing: Ivannikov N. S., Mungalov S. A. Impact of the 2015 Migration Crisis on German Food Security // Administrative consulting. 2021. N 4. P. 146–152.

Влияние миграционного кризиса 2015 года на продовольственную безопасность Германии

Иванников Н. С., Мунгалов С. А.*

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *ivannikov.n78@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются некоторые социальные и политические последствия миграционного кризиса 2015 г. в ФРГ, а также его влияние на продовольственную безопасность в стране. Для оценки последних были проанализированы статистические данные, касающиеся социально-экономических факторов, имеющих важное значение для продовольственной безопасности. Были отмечены как проблемы, с которыми сталкиваются мигранты, так и их позитивный вклад в сельскохозяйственный сектор, а также методы, принятые Германией для улучшения положения мигрантов. Важнейшим фактором, влияющим на продовольственную безопасность в условиях резкого роста населения, вызванного миграционным кризисом, является адаптация, поскольку от его успеха зависит как дальнейшее вовлечение мигрантов в экономическую жизнь страны, так и их дальнейшее благополучное существование. Эффективность принимаемых правительством Германии мер по адаптации мигрантов обеспечила значительный вклад в сохранение прежнего уровня продовольственной безопасности в изменившихся условиях государства.

Ключевые слова: Германия, миграция, продовольственная безопасность, миграционный кризис 2015 г., адаптация мигрантов

Для цитирования: Ivannikov N. S., Mungalov S. A. Impact of the 2015 Migration Crisis on German Food Security // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 146–152.

Introduction

The problems of hunger and food security on a global scale are still one of the main and urgent problems of our time. Their unresolved nature comes down to a variety of causes beyond the agricultural sector's production scale. Food security has economic and socio-political connotations, as it directly depends on the ability to ensure human rights to a healthy and fulfilling life. This aspect of the problem becomes particularly important in the modern world, particularly in view of the increasing scale of migration processes.

In reality, hunger is not only a physiological problem for certain groups of the planet's population, but is also closely linked to certain socio-political and economic phenomena, such as increased crime and homelessness and a decline in human capital. These factors can indeed have a significant impact on the general welfare of the state and its sovereignty. The topic of food sovereignty, which may be significantly affected by active migration processes, is currently being updated in the scientific literature. Issues related to ensuring food security in the context of large-scale migration of various kinds are undoubtedly relevant to modern scientific thought. This article discusses the impact of the 2015 migration crisis on Germany's food security. At the peak of the migration crisis in Germany, according to the chosen political credo — "Germany is ready to accept all"¹ — indeed accepted the largest number of migrants². The situation faced by the German government is an unimaginable flow of people who came with a completely different culture, without knowledge of the local language, but who needed support in many areas of life. All this caused an excessive strain on the social structures of the state.

These massive changes in the composition of the population have affected many areas of society, and it is interesting to see how this has affected German food security. The purpose of this work is to identify the impact of the migration crisis in 2015 on food security of Germany, which is one of the most developed and stable countries in the world. The experience of the actions taken by Germany to solve this problem can be very useful for understanding what actions in such situations can be most productive.

Materials and methods

In order to assess the possible impact of the 2015 migration crisis on German food security, it is necessary to take into account indicators that have a direct impact on hunger, such as population growth, poverty levels, unemployment, GDP per capita and food security index. The main method of research is comparative analysis.

Results

In general, when speaking about the relationship between migration processes and food security, modern research indicates that the former most often have a positive impact on the latter. This is mostly true for voluntary migration, where both the donor country and the recipient country are most likely to experience positive effects from migrant labor activity. However, forced migration can also have a stimulating effect on the state of food security, even if not to such a great extent (mostly because of vulnerability and

¹ Fomina D. D. Europe's migrant crisis: Germany's position // Actual problems of modern international relations. 2016. № 7 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-migratsionnyy-krizis-v-evrope-pozitsiya-germanii> (accessed: 11.05.2020). P. 101. (In Rus).

² Bocharnikov I. V. Social and humanitarian aspects of the European migration crisis // Locus: people, society, cultures, meanings. 2016. № 4 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-i-gumanitarnye-aspekty-evropeyskogo-migratsionnogo-krizisa> (accessed: 11.05.2020). C. 81. (In Rus).

exposure of migrants to hunger and other socio-economic problems)¹. Some studies have identified migrant labour in agriculture as a key mechanism for ensuring food security². Among the positive factors influencing the qualitative indicators of agricultural productivity are the diverse experience of migrants in this area, the synergetic effect of existing labor skills and those acquired during adaptation³.

When discussing the consequences of the migration crisis in Germany, some of its peculiarities should be taken into account. In its process, Germany's bureaucratic apparatus failed to cope with its own system that initially migrants are registered and "assigned" to a certain land, each of which has its own limit on the number of people received, and only after that they submit an official request. As a result the executive authorities were heavily loaded with the flow of applications and therefore the asylum applications sometimes lay for months⁴. Therefore, many refugees did not obtain such legal status, or did not apply and were lost in the country. This had a negative impact on the social status of migrants, their financial situation and, as a consequence, on their ability to provide food for themselves.

The following tables 1–4 show important indicators for Germany's food security that are subject to change due to the migration crisis.

Based on the above statistics, it can be concluded that significant social and economic aspects of life in Germany have not undergone significant changes due to the migration crisis, moreover, Germany has managed to maintain a positive development dynamics. It should also be noted that the monetary subsidies allocated for the needs of migrants do not have a long-term negative impact on the economy of the country, as these funds will be returned to the economy through private enterprises engaged in the production of consumer goods⁵.

In addition to statistical data demonstrating the absence of negative impact of migration crisis on significant socio-economic indicators, it should be noted the positive impact of migrants on the agricultural sector. Involvement of migrants in agricultural activity is really justified, relevant and effective⁶, and limitations in this particular sphere may be rather counterproductive⁷. One of the reasons for this is that many of the migrants are willing to take up hard physical labor, which is not popular among the local population⁸.

¹ Kate Ambler, Alan de Brauw. How migration benefits economies and food security // IFPRI [Electronic resource]. URL: <https://www.ifpri.org/blog/how-migration-benefits-economies-and-food-security> (accessed: 11.08.2020).

² Migrants key in developing European farming, food safety // Infomigrants [Electronic resource]. URL: <https://www.infomigrants.net/en/post/9654/migrants-key-in-developing-european-farming-food-safety> (accessed: 11.11.2020).

³ Natasha Clocker, Lesley Head, Olivia Dun, Tess Spaven. Experimenting with agricultural diversity: Migrant knowledge as a resource for climate change adaptation // Sciencedirect [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S074301671730116X> (accessed: 11.11.2020).

⁴ Stefan Trines. Lessons from Germany's Refugee Crisis: Integration, Costs, and Benefits // World Education News & Reviews [Electronic resource]. URL: <https://wenr.wes.org/2017/05/lessons-germanys-refugee-crisis-integration-costs-benefits> (accessed: 11.08.2020).

⁵ Deutsche Wirtschaft im ersten Quartal um 0,7 Prozent gewachsen // Welt [Electronic resource]. URL: https://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infoline_nt/schlaglichter_nt/article155311522/Deutsche-Wirtschaft-im-ersten-Quartal-um-0-7-Prozent-gewachsen.html (accessed: 11.11.2020)

⁶ Philip L. Martin. Migrant Workers in Commercial Agriculture // ILO [Electronic resource]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---migrant/documents/publication/wcms_538710.pdf (accessed: 11.11.2020).

⁷ Working document on migration and wage-labour. Migration and rural areas in Europe. European Coordination via Campesina ECVC, April 2017 [Electronic resource]. URL: <https://www.eurovia.org/wp-content/uploads/2016/03/ECVC-Dokument-on-Migration-and-Rural-Labour-2017.pdf> (accessed: 11.11.2020).

⁸ „Forscher: Flüchtlingsintegration schneller als erwartet“ // DW [Electronic resource]. URL: <https://www.dw.com/de/forscher-fluechtlingsintegration-schneller-als-erwartet/a-49904631> (accessed: 11.11.2020).

Table 1

Population of Germany in millions of people from 2015 to 2020*

Population	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Overall population	80,8	81,2	82,2	82,5	82,8	83,2
German population	73,7	73,5	73,4	73,2	73	72,8
Non-citizens	7,1	7,7	8,8	9,3	9,8	10,4

*Bevölkerung auf Grundlage des Zensus 2011 nach Geschlecht und Staatsangehörigkeit im Zeitverlauf // Statistisches Bundesamt [Electronic resource]. URL: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Bevoelkerungsstand/Tabellen/liste-zensus-geschlecht-staatsangehoerigkeit.html> (accessed: 11.11.2020).

Table 2

Economic indicators of GDP in billion US dollars and GDP per capita in US dollars of Germany in the period from 2015 to 2020*

Indicator	2015	2016	2017	2018	2019	2020
GDP	3357,926	3468,896	3681,303	3965,565	3861,550	3780,553
GDP per capita	41107	42124	44537	47832	46472	45466

*GDP and GDP per capita report // IMF: World Economic Outlook (WEO) Database [Electronic resource]. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October/weo-report?c=134,&s=NGDP_R,NGDP_RPCH,NGDP,NGDPD,PPPGDP,NGDP_D,NGDPRPC,NGDPRPPPC,NGDPPC,NGDPDPC,PPPPC,&sy=2015&ey=2020&ssm=0&scsm=1&scs=0&ssd=1&ssc=0&sic=0&sort=country&ds=.&br=1 (accessed: 13.10.2020).

Table 3

Poverty rate in EU countries and Germany in the period from 2014 to 2020, % of population*

Countries	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Germany	20,6	20,0	19,7	19,0	18,8	17,4
EU	24,4	23,7	23,5	22,4	21,6	21,1

*Eurostat. People at risk of poverty or social exclusion by income quintile and household type [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ilc_peps03/default/table?lang=en (date accessed: 11.11.2020).

Table 4

Unemployment rate in Germany in a percentage of population in the period from 2014 to 2020, % of population*

Percentage of unemployed	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
	6,7	6,4	6,1	5,7	5,2	5	4,5

*Arbeitslosenquote in Deutschland im Jahresdurchschnitt von 2004 bis 2020 // Statista [Electronic resource]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1224/umfrage/arbeitslosenquote-in-deutschland-seit-1995/> (accessed: 11.08.2020).

In addition, migrant employment itself has a beneficial impact on their economic status and, as a result, on their ability to feed themselves.

Moreover, the actual experience shows that without their participation it becomes difficult to implement the existing plans in the field of agriculture¹. This is especially evident now, when due to the coronavirus pandemic the traditional seasonal migration of agricultural workers is impossible. In this context the migration inflow of population is a significant support, which is confirmed by real practice. In 2020, even illegal and partially documented migrants were allowed to work in the agricultural sector². This proves that the effective use of such a tool is a feasible practice capable of solving existing problems.

When analyzing Germany's food security indicators directly over the period under study, Global Productive Safety Index should be referred to. It should be noted that Germany is one of the leading countries of the index, and its overall situation has not changed since pre-crisis 2014. Until 2018, Germany was in the top ten on this index (eleventh place since 2018). The indicator has fallen only twice — in 2016 and in 2019. It would seem logical to assume that the fall in 2016 is due to the migration crisis, but the decline in the overall results is observed among all participants in the rating, so to explain this for Germany separately seems untenable, especially since the rating itself notes the overall level of growth in food security on a global scale³.

The circumstances of migrants' lives, which are aggravating factors for the food problem, should also be considered.

One of them is the need to adapt to the local food market. In unfamiliar circumstances, it is often more difficult for people to find traditional products and prepare food. Restructuring this sphere of human life in the short term (if further adaptation is successful) may have a negative impact on food security in the population under consideration⁴. Diet changes and other changes in food behavior can also have a negative impact on human health and, consequently, on the quality of human capital. Among migrants, cardiovascular diseases and diabetes are common. Another problem may be the situation faced by the second generation of emigrants to the country. Despite the higher standards of living instilled during adaptation, children of migrants may have difficulty implementing them because of the generally low financial security that is traditional for such communities. This can lead to problems not only of a physiological but also of a psychological nature.

Another phenomenon that negatively affects the situation of migrants and, as a consequence, their food supply is discrimination in the labor market.

Currently there are quite a lot of people with migration background in Germany, about

¹ Dobrynin V. Wonder Season: Europe may be left without harvest // Izvestia [Electronic resource]. URL: <https://iz.ru/1004071/vladimir-dobrynin/sezon-chudes-evropa-mozhet-ostatsia-bez-urozhaia> (accessed: 19.10.2020). (In Rus).

² "Germany to allow asylum seekers to work in agriculture until October" // Infomigrants [Electronic resource]. URL: <https://www.infomigrants.net/en/post/24276/germany-to-allow-asylum-seekers-to-work-in-agriculture-until-october> (accessed: 19.10.2020).

³ EIU Global food security index 2014. An annual measure of the state of global food security. The Economist Intelligence Unit, 2014. P. 13; EIU Global food security index 2015. An annual measure of the state of global food security. The Economist Intelligence Unit, 2015. P. 10; EIU Global food security index 2016. An annual measure of the state of global food security. The Economist Intelligence Unit, 2016. P. 9; EIU Global food security index 2017. An annual measure of the state of global food security. The Economist Intelligence Unit, 2017. P.9; EIU Global food security index 2018. An annual measure of the state of global food security. The Economist Intelligence Unit, 2018. P. 30; Global Food Security Index // The Economist Intelligence Unit Limited, 2019 [Electronic resource]. URL: <https://foodsecurityindex.eiu.com/Index> (accessed: 19.08.2020).

⁴ Food & Migration: Understanding the geopolitical nexus in the Euro-Mediterranean // Macrogeo [Electronic resource]. URL: <https://www.barillacfn.com/m/publications/food-and-migration.pdf> (accessed: 17.06.2020).

21 million¹ (about a quarter of the country's population)². Of course, not all of them, as well as most of those who arrived in 2015 are not highly qualified professionals, but the labor market requires not only the latter. However, candidates with non-German names and foreign origins face a much lower return on their CVs than their German peers, which is especially evident in small and medium-sized businesses³. Despite seemingly encouraging evidence that companies' discriminatory policies have weakened in recent years⁴, problem is still present though in different scale. This happens sometimes in spite of real successes in the education of immigrants, even at school level⁵.

Thus, it can be noted that one of the main problems faced by migrants and refugees who arrived in Germany as a result of the migration crisis in 2015 is related to adaptation processes. Their success determines the future fate of those who arrived in the country, as well as the role they will play in the country's economy and the level of human capital.

It is necessary to note successful experience of Germany in adaptation of migrants. Germany has long been a very attractive destination for migration, including successful and effective integration programs that facilitate intercultural adaptation. These include such programs as:

1. Conducting prevention campaigns to combat prejudice and discrimination.
2. Programs for the harmonization of intercultural relations⁶.
3. Programs to provide social security for basic living and adaptation needs.
4. Teaching German language.
5. Compulsory school education for children of migrants, as well as adaptation classes for adolescents or children in need.
6. Organization of intercultural events, such as Interkulturelle Woche⁷.

Implementation of such programs helped both to successfully integrate migrants into German society and to prepare the latter for new life realities⁸.

Discussion

To begin with, it is worth noting that Germany is still among the leaders in ensuring food security of the population according not only to the hunger index, but also, in particular, in the FAO rating. The organization uses a separate classification according to the

¹ Jede vierte Person in Deutschland hatte 2018 einen Migrationshintergrund // Statistisches Bundesamt. 2019 [Electronic resource]. URL: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2019/08/PD19_314_12511.html (accessed: 18.04.2020).

² Bevölkerung in Deutschland: 83,0 Millionen zum Jahresende 2018 // Statistisches Bundesamt. 2019 [Electronic resource]. URL: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2019/06/PD19_244_12411.html (accessed: 18.04.2020).

³ Schneider J., Yemane R. Ethnische Diskriminierung, «Störfaktor im Integrationsprozess. Empirische Erkenntnisse» // Bundeszentrale für politische Bildung. 2014. S. 3 [Electronic resource]. URL: <https://www.bpb.de/apuz/180856/ethnische-diskriminierung-stoerfaktor-im-integrationsprozess?p=2> (accessed: 19.04.2020).

⁴ Hille P. OECD: Integration von Migranten schreitet voran // Deutsche Welle. 2019 [Electronic resource]. URL: <https://p.dw.com/p/3BdV6> (accessed: 19.11.2020).

⁵ Ibid.

⁶ Burdo V. V. Modern migration policy of Germany: state and problems // International student scientific bulletin. 2018. № 1 [Electronic resource]. URL: <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=18036> (accessed: 30.09.2020).

⁷ Burdo V. V. Modern migration policy of Germany: state and problems // International student scientific bulletin. 2018. № 1 [Electronic resource]. URL: <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=18036> (accessed: 30.09.2020).

⁸ Forscher: Flüchtlingsintegration schneller als erwartet // DW [Electronic resource]. URL: <https://www.dw.com/de/forscher-fluechtlingsintegration-schneller-als-erwartet/a-49904631> (accessed: 11.09.2020).

value of the food security index. According to this classification, Germany is classified as a country where consumption is at or above the required level, part of the food is exported, and less than five percent of the population is food insecure in terms of quality or quantity¹.

Despite the obviously stable and good position of both Germany and most EU member states, domestic policy, as well as that of the EU as a whole, must take into account the food implications of continued migration. Such phenomena as stereotypical thinking, discrimination and cultural misunderstandings must be overcome in order to successfully meet the social dimension of food security. This aspect cannot be implemented solely within the agricultural sector, but it needs to be coordinated across the different spheres of life, and the synergies between which can produce the necessary results.

Conclusion

It may be noted that despite the migration crisis in 2015, the actions taken by the German government have had a positive impact on the resolution of problems arising from the crisis. This, naturally, includes the measures taken related to the adaptation of migrants and their full involvement in the country's life. It is also highly relevant to continue the policy of non-discrimination, which raises the overall standard of living of immigrants, which Germany is successfully coping with.

All of these measures have had a positive impact on the overall state of food security, and have also enabled Germany to cope with the difficulties caused by the crisis in 2015 and to maintain food security at pre-crisis levels.

About the authors:

Nikita S. Ivannikov, assistant lecturer, Higher School of International Relations, Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; ivannikov.n78@gmail.com.

Sergey A. Mungalov, student, Higher School of International Relations, Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation); serzh.mungalov@yandex.ru

Об авторах:

Иванников Никита Сергеевич, ассистент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; ivannikov.n78@gmail.com

Мунгалов Сергей Александрович, студент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация); serzh.mungalov@yandex.ru

¹ The State of Agricultural Commodity markets. Food self-sufficiency and international trade: a false dichotomy? Fao, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.fao.org/3/a-i5222e.pdf> (accessed: 24.11.2020).

К истории взаимодействия философии и богословия в русской религиозной мысли

Сизов С. Е.

Кемеровский государственный институт культуры, Кемерово, Российская Федерация; Кузбасская православная духовная семинария, Новокузнецк, Российская Федерация; sseezov@mail.ru

РЕФЕРАТ

Рассматривается история оформления и взаимодействия философии и богословия в пространстве русской религиозной мысли, от дисциплинарного генезиса до судьбы отдельных философских и богословских школ. Исследование акцентировано на взаимодействии светского и академического богословия с различными философскими течениями, как принципе изменения православной богословской парадигмы.

Ключевые слова: богословско-философский дискурс, славянофильство, схоластика, академическое и неакадемическое богословие в России

Для цитирования: Сизов С. Е. К истории взаимодействия философии и богословия в русской религиозной мысли // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 153–158.

On the Question about the History of Interaction between Philosophy and Theology in the Russian Religious Thought

Sergei E. Sizov

Kemerovo State University of Culture and the Arts, Kemerovo, Russian Federation; Kuzbass Orthodox Theological Seminary, Novokuznetsk, Russian Federation; sseezov@mail.ru

ABSTRACT

The study gives wide description to the history of the formation and interaction of philosophy and theology in the space of Russian religious thought, from the disciplinary genesis to the fate of individual philosophical and theological schools. The study focuses on the interaction of secular and academic theology with various philosophical movements, as a principle of changing the Orthodox theological paradigm.

Keywords: theological and philosophical discourse, slavophilism, scholasticism, academic and non-academic theology in Russia

For citing: Sizov S. E. On the Question about the History of Interaction between Philosophy and Theology in the Russian Religious Thought // Administrative consulting. 2021. N 4. P. 153–158.

Настоящая статья исследует вопрос о том, каким образом оформлялись и взаимодействовали богословская и философская идентичности в истории русской мысли.

Проблема исследования заключается в том, что история построения богословско-философского дискурса в отечественной мысли зачастую воспринимается как освобождение православной религиозной мысли от схоластической традиции с помощью русской философии. На наш взгляд, эта перспектива не только базируется на ложных предпосылках (например, на искаженном представлении о «латинском пленении»), но и не является плодотворной для исследования, так как стимулирует поиск своего «истинного православия», под которым зачастую понимается некий незримый и абстрактный «дух отцов», «творческое дерзновение» и т.п. Здесь мы предлагаем такую перспективу, которая не демонизирует схоластику, а истоки богословско-философского развития отечественной интеллектуальной традиции видит

в комплексном взаимодействии религиозных и философских течений, где главную роль сыграло вторжение богословия мирян в пространство традиционной академической мысли духовных школ.

В наши дни существует множество учебников и статей по русской философии, в большинстве из которых не проводится ясная демаркационная черта между собственно философией и теологией, но авторы зачастую описывают этот комплексный феномен такими понятиями, как «религиозная мысль» или «философско-богословские построения». Это возникает по причине сложности и многогранности интердисциплинарного взаимодействия теологии и философии друг с другом, так что эти два предмета неизбежно сливаются в один философско-богословский дискурс.

С другой стороны, существуют книги, посвященные области взаимодействия богословия и философии, но среди них мы можем найти только наработки такого описания формирования двух дисциплин в истории русской мысли. Здесь следует отметить прежде всего «классический» труд Георгия Флоровского «Пути русского богословия», в котором взаимодействие философии и богословия в России показано как иллюстрация тезиса Ю. Самарина о пленении русской мысли схоластикой. В последнее время такой подход все больше подвергается критике, в связи с чем и наша работа по очерчиванию контуров становления богословско-философской парадигмы в России может быть востребована как корректирующая такую концепцию взаимодействия двух сфер человеческой мысли. Если работа Флоровского предлагала исследователям русской религиозной мысли исходить из анализа того влияния, которое оказало на богословие схоластика, и искать в новых богословско-философских построениях результат освобождения от схоластики и возвращения к отцам, то мы предлагаем включить в исследование истории богословско-философского дискурса в России влияние философии немецкого романтизма и идеализма. Это кажется особенно важным, учитывая то, что последние выстраивают в современном богословии новые концепции, существующие под маской восстановления святоотеческого богословия, например, органическую или нравственную теории искупления.

Начать повествование следует с истории взаимоотношений теологии и философии в западном мире, поскольку оформление этих двух дисциплин в России прямо восходит к их генезису, историческому развитию и взаимодействию, начиная со времен Древней Греции.

Изначально теология и философия не мыслились в качестве двух отдельных дисциплин, о чем говорит нам пример досократиков, равно рассуждающих как о космологии, так и на ее основе о теологии — впоследствии этот космологический аспект, положенный в основу богословской методологии, особенно ярко выразился у Аристотеля в его знаменитой *Метафизике*, или *Теологии*. Принципы таких построений были взяты в основу христианского богословия, так что воспитанное в традиции греческой школы мысли оно не разделяло теологию и философию, но предпочитало говорить о том, что высшей философией является христианское богословие. Так, например, существует известное выражение Климента Александрийского «Истинная философия есть христианская религия» [3, с. 14].

Это же представление о теологии как об истинной философии выразилось в византийском образовании. Хотя последнее подразумевало за словом «философия» множество значений, среди которых была как истинная философия, то есть христианская теология, так и лжеименная философия, то есть светская наука вообще и тем более языческая мысль [1]. Это же византийское представление о философии было унаследовано и на Руси, пока ему на смену не пришла постсхоластическая модель.

По словам Г.Г. Майорова, первый шаг к разделению философии и теологии сделала ранняя схоластика [3, с. 14], сведя философию к диалектике, технической

науке, которая обслуживала богословие. Проф. А. Н. Антонов утверждает, что разделение философии и богословия выкристаллизовалось у Фомы Аквинского, «который, проводя различие философии и богословия, разделил “естественный свет разума” (философию) и богословие, понятое как откровенное знание о том, что превосходит человеческий разум» [5, с. 158]. Такой подход оказался важным, для оформления двух этих дисциплин в христианском и постхристианском мире. Философия у Фомы мыслилась как рациональное рассуждение, в том числе и о Боге, тогда как теология исследовала Бога через Откровение [5, с. 29].

В эпоху Нового времени возникает концепция универсальной науки, которая включает из себя все сверхъестественное и непознаваемое, давая тем самым решительный толчок к окончательному обособлению богословия и философии. Научная концепция Просвещения характерна постоянной отсылкой к рациональности и верификацией знаний и методов в перспективе построения универсальной эпистемологической системы, и потому теология, будучи основана на большом количестве неverified предпосылок, т.е. истин Откровения, оказывается отделенной от всех наук, в том числе и философии, которая рассуждает о Боге, основываясь уже не на Евангелии, но на «автономном» разуме, переставая таким образом быть «служанкой богословия», но уже задавая тон богословским изысканиям.

В России имеет место влияние разных традиций восприятия богословско-философской парадигмы. С одной стороны, схоластическая традиция безусловно является магистральной в духовных школах до XVIII в., с другой стороны, философия Нового времени также активно вторгается в пространство отечественной религиозной мысли как со стороны светских мыслителей, так и профессоров и студентов духовных школ.

Пространство русской религиозной мысли удобно разделить на два относительно герметичных сектора, которые со временем все больше размыкались в отношении друг к другу: духовно-академическую среду и светских мыслителей, не относящихся к духовному сословию. Хотя в наши дни ситуация может быть охарактеризована отсутствием двух отдельных богословских традиций, поскольку светское богословие стало частью академической богословской культуры, образовав тем самым одну школу православной теологии, история становления богословско-философского дискурса удобно иллюстрируется работой этих двух секторов религиозной мысли.

История взаимоотношения теологии и философии в России начинается в духовных школах. Первой, кто в числе своих предметов вводит философию, была Киево-Могилянская духовная академия, основанная в конце 1631 г. Особенностью образовательной парадигмы этой академии была ориентация на схоластическую систему обучения, так что философия и теология воспринимались вполне традиционно для такой модели как госпожа и служанка [9]. При этом философия служила введением к изучению богословия. Влияние схоластической традиции обеспечивалось, в том числе, использованием латинского языка и иезуитских учебников.

Киевская модель духовного образования была заимствована Московской духовной академией. Знакомство с философией в духовных школах первоначально сводилось к изучению хрестоматийных трудов, вроде упомянутого выше Источника знания Дамаскина и к пересказам, толкованиям и комментированию трудов древнегреческих философов по латинским учебникам. Поэтому, например, философия такого выпускника духовной академии, как Григорий Сковорода, чаще всего отсылает к образцам античной мудрости.

Отметим, что философия гораздо свободнее дышала внутри стен духовных академий и семинарий, чем в университетах. Это было связано с неблагонадежностью, которую внушала философия светской власти, поэтому постоянный надзор за преподаванием философии был менее строг в стенах духовных учреждений, как призванных ограничить и приспособить философию к богословским нуждам.

По словам протоиерея Г. Флоровского, «именно в церковной школе начинается русское любомудрие; и русское богословское сознание проводится через умозрительный искус, пробуждается от наивного сна...» [4, с. 235]. Это стало возможным благодаря тому, что семинарии оказались единственными среди всех средних образовательных учреждений, которые вводили учащихся в курс философии.

Постепенно в духовные школы все больше проникало влияние современной европейской философии, что выражалось в примерах таких преподавателей, как Ф. А. Голубинский (1797–1854), И. М. Скворцов (1795–1863), В. Н. Карпов (1798–1867), Ф. Ф. Сидонский (1805–1873), которые приспосабливали философский аппарат современной им западной мысли к теологическим задачам. В целом же, хотя профессора академий «опровергали» Канта, Фейербаха и прочих модных философов, складывая свои многотомные труды в стол, интеллектуальная среда духовных школ живо воспринимала западную философию и использовала ее аппарат для теологических штудий.

По рекомендации некоторых ректоров, философия должна была преподаваться в духовных заведениях «из ума и знания, а не слепо из учебной книги или записок» [4, с. 217], что, вероятно, действительно нередко удавалось, судя по воспоминаниям учащихся духовных школ о жадном чтении Канта или Шеллинга.

Таким образом, первоначальная схоластическая выучка все больше изменялась под влиянием новых философских школ, заставляя работать с традиционным богословским содержанием при помощи обновленного словаря.

Другую, изначально почти никак не взаимодействующую с духовными школами, среду для богословско-философского развития в России представляет собой светское общество. Известно, что русская философия особенно характерна своей тесной связью с христианством, так что огромное количество русских философов занимались также решением и богословских вопросов. В числе первых светских мыслителей этим стали заниматься славянофилы.

Философия славянофилов часто относится исследователями к православной философии, вдохновленной трудами святых отцов, но если мы проигнорируем заявления самих «православных словен» и будем судить по источникам их вдохновения и стилю философствования, то следует признать в их трудах значимое влияние немецкого романтизма и идеализма.

Одержимость Гегелем и Шеллингом была характерной не только для славянофилов, но и западников, как детей одного времени, так что оба этих течения использовали немецкую философию для работы со своими идеями.

Однако существенный интерес для нашей работы представляет учение старших славянофилов, которое со временем оказалось вписанным в богословскую парадигму Русской православной церкви и потому прямо относится к формированию богословско-философского дискурса отечественной мысли.

Первоначально, славянофильские идеи воспринимались в академическом пространстве критически. Многие представители академического богословия выступили с резкой полемикой по отношению к идеям славянофилов, а именно, к их богословию. Особенное усердие в этом вопросе проявили профессора Московской духовной академии А. В. Горский и П. С. Казанский. Камнем преткновения служил новый образ богословствования «православных словен», их «творческий подход» к догматике, чуждый историческому православию и вдохновленный совсем иной философской традицией. В связи с чем критика нередко относится к академической невоспитанности богословской мысли славянофилов, в частности Хомякова (у которого действительно не было богословского образования), указывая на «право понимать и толковать Писание, как вздумается», «чувство свободы» и то, что «ему ни власть, ни закон, ни символ — ничего не препятствует» как основные недостатки таких теологических упражнений [8, с. 228]. Наконец, Казанский прямо указы-

вает на принципиальную иноприродность богословия славянофилов православной традиции, говоря, что «нужно отрешиться совсем от наших понятий о Церкви, чтобы стать на точку зрения Хомякова» [8, с. 229].

Отметим, что если профессора в первой половине XIX в. скорее сочувствовали критикам Хомякова, то к концу века можно заметить переворот в отношении к этому русскому мыслителю. Постепенно духовные академии все больше исследует философию старших славянофилов. Наконец, в наши дни стало традиционным воспринимать богословие старших славянофилов как опыт возвращения к свято-отеческой традиции и освобождения от схоластического мышления, которым якобы были пленены академии. Об этом говорит о высказывание крупнейшего исследователя русской философско-богословской традиции прот. Г. Флоровского, который с сожалением пишет, что Горский, «один из лучших тогдашних богословов», не понял взглядов А. С. Хомякова [8, с. 230].

Несмотря на критическое отношение к новому богословию, духовные школы все больше попадают под влияние модных тогда славянофилов, так что будущие профессора, а пока студенты, с большим вниманием читают труды «православных словен», как и книги немецких философов. В итоге, поворот (возможно не меньший по значимости для теологической парадигмы, чем, например, лингвистический поворот в философии) в православном богословии знаменуют статья профессора Санкт-Петербургской академии Н. И. Барсова «Новый метод в богословии» 1869 г. и, в том же году, работа протоиерея, профессора кафедры церковной истории Московского университета А. М. Иванцова-Платонова «Несколько слов о богословских сочинениях А. С. Хомякова».

Наконец, к XX в. в православном богословии все больше заметно влияние славянофильской традиции, так что сам Хомяков поставляется позднейшими православными мыслителями, например, святым Иустином Поповичем (1894–1979), наравне с апостолами. По его трудам и жизни выходят исследования и монографии, организуются конференции. А сама богословская традиция ищет теперь освобождения от схоластики, хотя и в пленении европейской философией. Знаком этого может служить, например, решение сотериологических проблем, в пространстве которых все большей критике подвергается православная «юридическая» теория искупления, на замену которой приходит вдохновленная немецким идеализмом «нравственная теория», а затем и «органическая», разработанная в тесном сотрудничестве с русской неакадемической философией.

Следующую веху в становлении отечественного богословско-философского дискурса представляет собой русская эмиграция, которой предстоит стать законодателями православного богословия в конце XX и начале XXI вв. Эмигранты и дети эмигрантов — Г. В. Флоровский, В. Н. Лосский, К. Керн, А. Шмеман, Н. Афанасьев и другие оказываются вдохновителями современного богословия (ввиду разрушения отечественной традиции богословствования в Советской России), воспринимая, с одной стороны, отрефлексированные академической средой идеи славянофильства и, с другой — впитывая современную им зарубежную философию XX в., т. е. экзистенциализм, персонализм и т. п.

Исторический путь православного богословия полон комплексного взаимодействия с философией, борьбы разных школ мысли. Кажущаяся консервативность ортодоксальной теологии создает иллюзию того, что она не изменяется со времен отцов Церкви, но, как видно из настоящей статьи, это далеко не так. Общепринятые оценки и расхожие мнения о становлении отечественного богословско-философского дискурса нуждаются в подробном анализе и корректировке, которая, к слову, все-таки приобретает свои очертания в наши дни. К сожалению, пока еще у русской философско-богословской традиции нет своего «Миня» и потому она представляет собой огромную область, требующую научной работы и добросо-

вестного исследования, а также смены перспективы научного исследования на новую, в качестве донора для которой и может служить наше исследование.

Литература

1. Антонов К. М. Философия И. В. Киреевского. Антропологический аспект. М. : Издательство ПСТГУ, 2006. 236 с.
2. Византийская философия // Электронная библиотека ИФ РАН [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6747a4dc7baf3ce6cfee67> (дата обращения: 25.07.2019).
3. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. М. : Мысль, 1979. 433 с.
4. Флоровский Г. В. Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
5. Фома Аквинский. Сумма теологии : с комментариями и объяснениями. М. : АСТ, 2019. 320 с.
6. Хегглунд Б. История теологии. СПб. : Светоч, 2001. 370 с.
7. Хондзинский П., прот. «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века. М. : Изд-во ПСТГУ, 2017. 480 с.
8. Шапошников Л. Е., Федоров А. А. История русской религиозной философии : учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 2006. 447 с.
9. Яковенко Б. В. История русской философии : пер. с чеш. / общ. ред. и послесл. Ю. Н. Солoduхина. М. : Республика, 2003. 510 с.
10. Ingolf U. Dalferth. Theology and Philosophy. 150 West Broadway: Wipf and Stock Publishers, 2001. 238 с.

Об авторе:

Сизов Сергей Евгеньевич, аспирант Томского государственного университета (Томск, Российская Федерация), преподаватель Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Российская Федерация), старший преподаватель Кузбасской православной духовной семинарии (Новокузнецк, Российская Федерация); sseezov@mail.ru

References

1. Antonov K. M. Philosophy of the I. V. Kireevskij. Antropological aspect. M. : PSTGU publisher, 2006. 236 p. (In Rus).
2. Byzantine philosophy // Russian academy of sciences e-library [Electronic resource]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6747a4dc7baf3ce6cfee67> (accessed: 25.07.2019). (In Rus).
3. Majorov G. G. The formation of medieval philosophy. M. : Thought, 1979. 433 p. (In Rus).
4. Florovskij G. V. Ways of Russian theology / ed. O. Platonov. M. : Russian civilization institute, 2009. 848 p. (In Rus).
5. Thomas Aquinas. Summa theologiae : with comments. M. : AST, 2019. 320 p. (In Rus).
6. Hegg Lund B. History of the theology. SPb. : Svetoch, 2001. 370 p. (In Rus).
7. Hondzinskij P., prot. «Church is not academy»: Russian non-academic theology of the XIX century. M. : PSTGU publisher, 2017. 480 p. (In Rus).
8. Shaposhnikov L. E., Fedorov A. A. History of the Russian religious philosophy. M. : Higher school, 2006. 447 p. (In Rus).
9. Yakovenko B. V. History of the Russian philosophy: Trans. from czech. / ed. Yu. N. Soloduhin. M. : Republic, 2003. 510 p. (In Rus).
10. Ingolf U. Dalferth. Theology and Philosophy. 150 West Broadway: Wipf and Stock Publishers, 2001. 238 p.

About the author:

Sergei E. Sizov, Graduate Student of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Lecturer of the Kemerovo State University of Culture and the Arts (Kemerovo, Russian Federation), Senior Lecturer of the Kuzbass Orthodox Theological Seminary (Novokuznetsk, Russian Federation); sseezov@mail.ru

Анализ последовательности состояний риска при выполнении информационных проектов

Наумов П. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; naumov122@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены вопросы менеджмента риска выполнения информационных проектов. Предложен не традиционно используемый при анализе рисков дедуктивный подход, основанный на знании основных положений и их конкретизации в реальной ситуации, а индуктивный подход, требующий накопления данных и построения обучающих наборов данных в результате ретроспективного анализа хода и выполнения отдельных проектов. Предложено использовать методы траекторного анализа последовательностей событий, каждое из которых характеризует состояние риска выполнения проекта. Для проверки данного подхода сгенерированы случайные последовательности событий риска и применены к данным последовательностям методы анализа данных.

Ключевые слова: информационный проект, риски выполнения проекта, методы менеджмента рисков, случайный процесс, дискретная марковская цепь, случайная последовательность событий, показатели случайных последовательностей, методы машинного обучения, кластерный анализ

Для цитирования: Наумов П. В., Куклина Е. А. Анализ последовательности состояний риска при выполнении информационных проектов // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 159–173.

Analysis of the Sequence of Risk States in the Implementation of Information Projects

Pavel V. Naumov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; naumov122@gmail.com

ABSTRACT

The article deals with the issues of risk management of information projects. We propose not a deductive approach traditionally used in risk analysis, based on knowledge of the main provisions and their concretization in a real situation, but an inductive approach that requires data accumulation and the construction of training data sets as a result of a retrospective analysis of the progress and implementation of individual projects. It is proposed to use methods of trajectory analysis of sequences of events, each of which characterizes the state of risk of project implementation. To test this approach, random sequences of risk events are generated and data analysis methods are applied to these sequences.

Keywords: Information project, project execution risks, risk management methods, random process, discrete Markov chain, random sequence of events, random sequence indicators, machine learning methods, cluster analysis

For citing: Naumov P. V., Kuklina E. A. Analysis of the Sequence of Risk States in the Implementation of Information Projects // Administrative consulting. 2021. N4. P. 159–173.

Введение

Цифровая трансформация экономики предусматривает увеличение доли информационных проектов, их внедрение в различные сферы деятельности, в различные отрасли. Принятая национальная программа и выполняемые национальные проекты направлены на формирование экосистемы цифровой экономики, создание и совершенствование информационных систем в государственном управлении и в бизнесе. Бюджет национального проекта «Цифровая экономика» составляет более 1,5 трлн руб., в том числе на развитие информационной инфраструктуры предусмотрено около 800 млрд руб. Только в Санкт-Петербурге на централизованное сопровождение и развитие ГИС в 2020 г. из регионального бюджета выделяется 1 275 075,4 тыс. руб. и 1 295 381 тыс. руб. соответственно [4; 7]¹. Такой масштаб решаемых задач, как и масштаб финансирования, предполагает необходимость совершенствования системы управления ее развитием.

Несмотря на усилия, предпринимаемые в теории управления проектами, существует большое число проектов, которые завершаются неудачей. Так, консалтинговая компания Standish Group ежегодно публикует отчет о результатах выполнения программных проектов. База данных компании содержит данные о более 50 тыс. проектах в государственном или частном секторах. Анализ доступных сведений об их результативности показывает, что риски выполнения информационных проектов остаются высокими. Так, например, в отчете за 2015 г. указывается, что при использовании водопадной модели жизненного цикла проекта более 20% проектов завершаются неудачей. Около 60% проектов выполняются частично с превышением стоимости или сроков и только 11% выполняются полностью в рамках выделенного бюджета. Использование гибких технологий проектирования лишь частично улучшает ситуацию. Доля полностью успешных проектов составляет 39%. Таким образом, существует большая проблема в области управления информационными проектами в условиях рисков. Напомним девиз разработчиков проектов из Microsoft: «Мы не боремся с рисками — мы ими управляем». Управление рисками проекта направлено на снижение вероятности возникновения и/или значимости воздействия неблагоприятных для проекта событий.

Методы управления рисками определены в стандартах и сводах знаний, например, в стандарте ГОСТ Р ИСО/МЭК 31010-2011². В нем приведено описание различных методов оценки рисков, сформулированы рекомендации по их применению в зависимости от этапа жизненного цикла проекта, а также требуемых степени глубины и детализации оценки. Данные методы в основном ориентированы на прогнозирование опасных событий в будущем, а не ретроспективное исследование ситуаций риска, организации управления ими в ходе выполнения проекта.

В своде РМВОК [9; 12] выделена отдельная область знаний управления рисками. Использованный в своде знаний процессный подход позволил определить основные процессы: планирования, идентификации, качественного и количественного анализа, реагирования, мониторинга и управления рисками. При их описании произведена характеристика рекомендуемых к использованию методов и инструментальных средств.

Методы программной инженерии, основанные на теории Б. Боэма, позволяют выполнить количественное обоснование информационных проектов, оценку трудозатрат, сроков проектирования, а также оценить риски управления проектами.

¹ См. также: Закон Санкт-Петербурга от 29 ноября 2019 года № 614-132 «О бюджете Санкт-Петербурга на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/12/02/spb-zakon614-132-reg-dok.html> (дата обращения: 14.12.2020).

² Менеджмент риска. Методы оценки риска. ГОСТ Р ИСО/МЭК 31010-2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/gost-r-iso-mek-31010-2011> (дата обращения: 03.01.2021).

В публикациях Р. Валерди предложен специальный метод COSYSMO, в котором в зависимости от сложности выполняемого проекта оцениваются его экономические показатели [22; 23]. Используемый метод Монте-Карло позволяет построить эмпирические законы распределения трудозатрат, сроков и стоимости проектирования. Метод COSUALMO, входящий в разрабатываемую школой Б. Боема теорию экономики информационных проектов [13; 14], позволяет оценивать число программных ошибок при выполнении проектов, используя модель системной динамики Дж. Форрестера [3; 10; 11]. Разработанный онлайн-калькулятор позволяет в зависимости от драйверов программного проекта, программного продукта, команды проекта оценить риски проекта, платформы, персонала и процесса. В зависимости от уровня риска формируются производственные правила-рекомендации по действиям по снижению классифицированных рисков. Данные правила базируются на дедуктивном подходе, который предусматривает, что для каждой выявленной ситуации известен рекомендуемый порядок действий. Альтернативой дедуктивному подходу является индуктивный подход, который основан на накоплении опыта необходимых действий.

Одним из наиболее популярных методов, рассмотренных в данной области знаний, является метод вероятности и воздействия. Его основу составляет построение и исследование специальной матрицы, ячейками которой являются категории рисков. В том случае, если такие категории оценивать периодически на различных стадиях жизненного цикла проекта, возможно построить траекторию развития ситуации риска, которую можно представить ориентированным графом G с вершинами — состояниями риска, а дугами — отношения следования. Для классификации состояния риска могут быть использованы различные методы машинного обучения, учитывающие ход выполнения информационного проекта. Один из подходов к решению задачи классификации рассмотрен в [8]. Здесь предполагается, что существует набор классификационных признаков, определяющих успешность или неуспешность проектов. Это позволяет использовать индуктивный подход к решению задач оценки рисков, использовать методы машинного обучения и интеллектуального анализа данных.

В теории менеджмента риска такой граф рассматривается как граф непрерывной или дискретной марковской цепи, что позволяет для количественного анализа рисков использовать методы теории марковских цепей и определять вероятностные характеристики случайных процессов. В отличие от общепринятого подхода, позволяющего решать задачи прогнозирования, предлагается использовать историю процесса проектирования для того, чтобы выполнить ретроспективный анализ накопленного опыта проектирования.

Предположим, что имеется опыт управления проектами, который описан как траектории — реализации случайного процесса $X_i(t)$. Каждая реализация представляет собой последовательность состояний $X_i(t) = (s_i(t_1), s_i(t_2), \dots, s_i(t_n))$, где $t_1, t_2, \dots, t_n$ — моменты времени (вехи выполняемого проекта), $s_i(t_1), s_i(t_2), \dots, s_i(t_n)$ — состояния ситуации риска.

Первые задачи анализа последовательностей связаны с биоинформатикой. Фред Сэнгер исследовал последовательности белка инсулина для понятия функции молекул ДНК¹. Накопленный объем баз данных первичных последовательностей растет экспоненциально. Так, база данных GeneBank составляет более 160 млн записей (150 млрд пар оснований)². Задачи анализа случайной последовательности решались,

¹ Анализ последовательности [Электронный ресурс]. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Sequence_analysis (дата обращения: 02.01.2021).

² Зленко Д. В. Анализ последовательностей [Электронный ресурс]. URL: http://media.biophys.msu.ru/MMB_2013/lecture17.pdf (дата обращения: 08.01.2021).

например, при анализе последовательности покупки товаров в интернет-магазине [2]. По мнению авторов данной публикации, анализ случайных последовательностей событий позволит вывести маркетинговые мероприятия на новый качественный уровень, будет способствовать повышению качества обслуживания покупателей.

Такие последовательности можно рассматривать как набор специальных знаков и дальше работать с ними как с обычными числами. Метод анализа последовательностей событий или знаков использовался, например, при анализе семейного статуса швейцарских граждан на протяжении 16 лет. Данный набор приведен в библиотеке языка R и подробно проанализирован в [6].

Материалы и методы

Для решения задачи ретроспективного анализа ситуации риска во время проектирования предположим, что существуют ситуации риска, которые будут кодировать специальными символами — цифрами от 0 до 5, как показано в табл. 1.

Таблица 1

Ситуации риска выполнения проекта

Table 1. Project Risk Situations

Код ситуации риска	Ситуация риска
0	Риска нет
1	Малый риск
2	Средний риск
3	Риск выше среднего
4	Высокий риск
5	Очень высокий риск

Если каждой ситуации риска поставить в соответствие вершину графа марковской цепи, то данный граф можно представить полносвязным псевдографом с петлями. Предположим, что каждый проект выполняется в течение одного года. Тогда траектория случайной последовательности на данном графе будет иметь длину 12 и содержать отдельные состояния — вершины графа. Данная траектория определяется спецификой выполнения проекта. Множество таких траекторий позволит сформировать обучающую выборку, анализ которой является содержанием траекторного анализа TramineR [1; 15; 16–19].

Основное содержание такого анализа базируется на исследовании имеющейся выборки. Так, при анализе швейцарских граждан используется выборка из 2000 наблюдений. При анализе данных об ирландских школьниках с данными об образовании и об их трудоустройстве рассматривается выборка из 712 наблюдений и 86 переменных. Отметим, что получение таких наборов данных является проблемой. В дальнейшем для исследования будем использовать синтетические выборки, которые формируются с помощью метода Монте-Карло.

Предположим, что выполняется проект, риски которого могут быть оценены. Для такого проекта может быть построен граф дискретной марковской цепи с шагом, равным одному месяцу. Ниже приведены две матрицы вероятностей переходов за один шаг. Размерность матрицы определена числом ситуаций риска. Элементы матрицы определяют вероятность перехода между состояниями случайного процесса за один шаг. Матрицы отличаются значениями данных вероятностей. Первая

матрица соответствует практически безрисковой ситуации выполнения информационного проекта. Вторая матрица ситуации сравнительно невысокого риска.

$$W = \begin{pmatrix} 0,7 & 0,2 & 0,1 & 0 & 0 & 0 \\ 0,3 & 0,4 & 0,2 & 0,1 & 0 & 0 \\ 0,2 & 0,4 & 0,2 & 0,1 & 0,1 & 0 \\ 0 & 0,2 & 0,3 & 0,3 & 0,1 & 0,1 \\ 0 & 0 & 0,3 & 0,3 & 0,2 & 0,2 \\ 0 & 0 & 0,1 & 0,3 & 0,3 & 0,3 \end{pmatrix} \cdot W = \begin{pmatrix} 0,5 & 0,3 & 0,2 & 0 & 0 & 0 \\ 0,2 & 0,5 & 0,2 & 0,1 & 0 & 0 \\ 0,2 & 0,3 & 0,3 & 0,1 & 0,1 & 0 \\ 0 & 0,1 & 0,4 & 0,3 & 0,1 & 0,1 \\ 0 & 0 & 0,3 & 0,3 & 0,2 & 0,2 \\ 0 & 0 & 0,1 & 0,3 & 0,3 & 0,3 \end{pmatrix}.$$

При допущении, что в начальный момент времени риски отсутствуют и процесс находится в нулевом состоянии, пользуясь уравнением Колмогорова, можно вычислить распределение вероятностей его нахождения в различных состояниях в каждый момент времени дискретного случайного процесса:

$$P(n) = (1 \ 0 \ 0 \ 0 \ 0 \ 0)W^n,$$

где n — шаг прогнозирования (номер месяца выполнения проекта).

На рис. 1 приведена диаграмма распределения вероятностей нахождения процесса в различных состояниях, показывающая, что в процессе проектирования вероятность возникновения ситуации риска повышается. К сожалению, приведенный граф предполагает, что известны все законы распределения вероятностей, что скорее будет исключением, чем правилом. С другой стороны, полученные

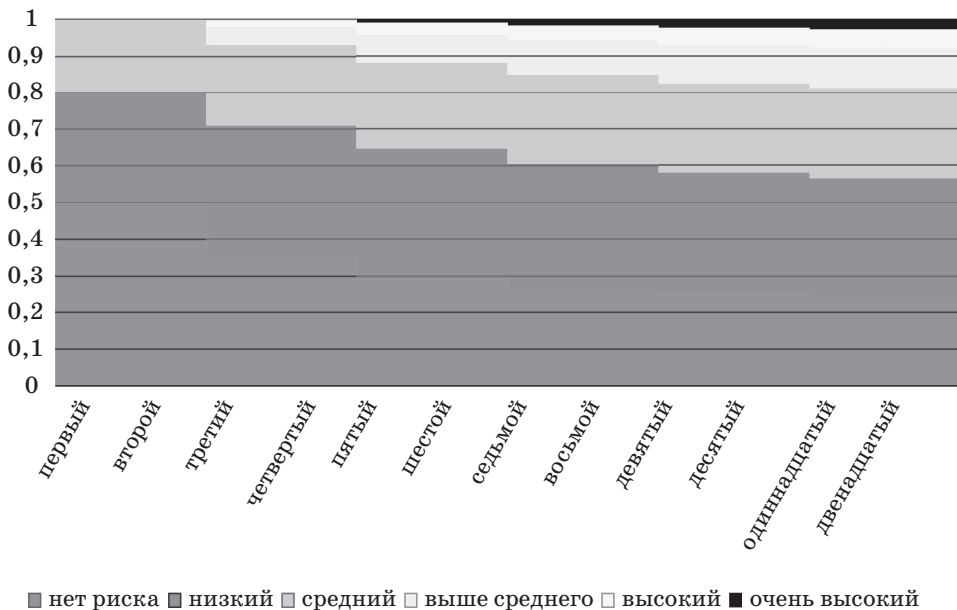

Рис. 1. Распределение вероятностей нахождения процесса в различных состояниях для второго графа

Fig. 1. Distribution of probabilities of finding a process in different states for the second graph

результаты позволяют проверить адекватность результатов моделирования при создании синтетических выборок.

Полученные синтетические выборки для двух рассмотренных примеров позволяют использовать методы анализа последовательностей для оценки рисков проектов. Каждое наблюдение полученных выборок может быть рассмотрено как траектория выполнения проекта. Случайная последовательность будет представлена последовательностью символов из алфавита 0–5, что соответствует ситуации риска. Пусть две синтетические выборки будут содержать 1000 наблюдений. Результаты генерации позволят в дальнейшем использовать методы машинного обучения для решения задач исследования последовательностей. Такие последовательности можно представить множеством пар чисел. Первым элементом пары является номер состояния, а вторым — число последовательных шагов нахождения в данном состоянии. Такое представление (SPS-представление) позволяет проанализировать динамику изменения состояний — неопределенность, а также сложность процесса.

Результаты

На рис. 2 приведены 10 наиболее популярных траекторий для первого из двух рассмотренных примеров. Данные траектории показывают, что, несмотря на случайный характер анализируемых процессов, можно определить их стабильность (нахождение несколько моментов времени в одном и том же состоянии) или изменчивость. Приведенный рисунок показывает, что наиболее популярной является траектория (нижняя строка рисунка), для которой в первые шесть моментов времени процесс находится в нулевом состоянии — состоянии отсутствия риска. В нотации STS данный процесс описывается последовательностью (0,6)-(2,1)-(1,2)-(3,2)-(1,1). Используемое представление позволяет сравнить различные траектории, определить расстояние между ними, определить стационарность анализируемых случайных процессов, например, с помощью критериев серий, исследующих подпоследовательности в анализируемом временном ряду.

Полученные последовательности можно количественно анализировать с помощью различных статистических показателей: средней длины каждой из подпоследовательностей; доли нахождения процесса проектирования в состояниях невысокого, высокого и других категорий риска; сложности; энтропии, турбулентности. Используя графические средства анализа последовательностей, построим частотные распределения состояния риска по мере выполнения проектов. На рис. 3, рис. 4 приведены такие распределения для двух заданных вариантов дискретной марковской цепи.

Приведенные диаграммы, с одной стороны, соответствуют теоретическому распределению, приведенному на рис. 1, что подтверждает адекватность решения задачи создания выборок с помощью метода Монте-Карло, а с другой стороны, позволяют выполнить исследования ситуации выполненных проектов. Приведенные рисунки показывают, что в основном проекты находятся в состоянии невысокого риска, что позволяет сделать вывод о хорошей организации управления рисками в исследуемых информационных проектах. Доля состояний отсутствия риска для первого и второго примеров свидетельствует, что в целом проекты выполняются в условиях невысокого риска и, возможно, они будут успешными. Первая диаграмма показывает, что наиболее вероятным является состояние отсутствия риска. Для второго процесса наиболее вероятным является состояние невысокого риска (рис. 5).

Наличие дополнительных признаков, характеризующих проекты, позволяет решать традиционные задачи машинного обучения, например, задачи их кластеризации. С этой целью должно быть использовано понятие близости, похожести наблюдений или признаков. Для этого могут применяться: расстояние Хэмминга, позволяющее определить число несовпадающих позиций в траектории, рассматриваемой как

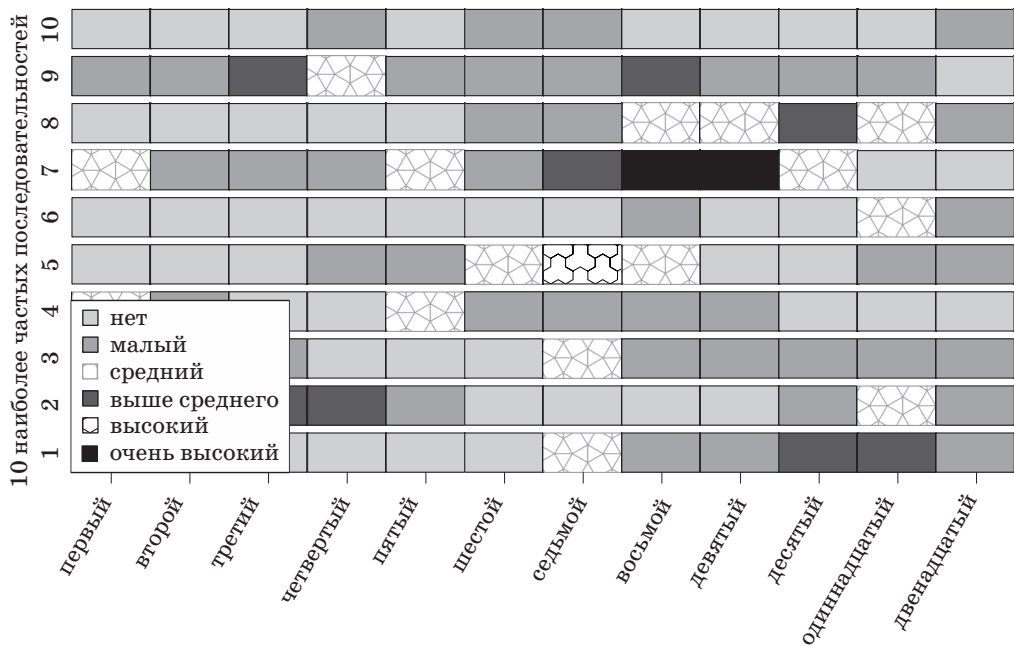

Рис. 2. Приоритетные траектории реализации процесса

Fig. 2. Priority process paths

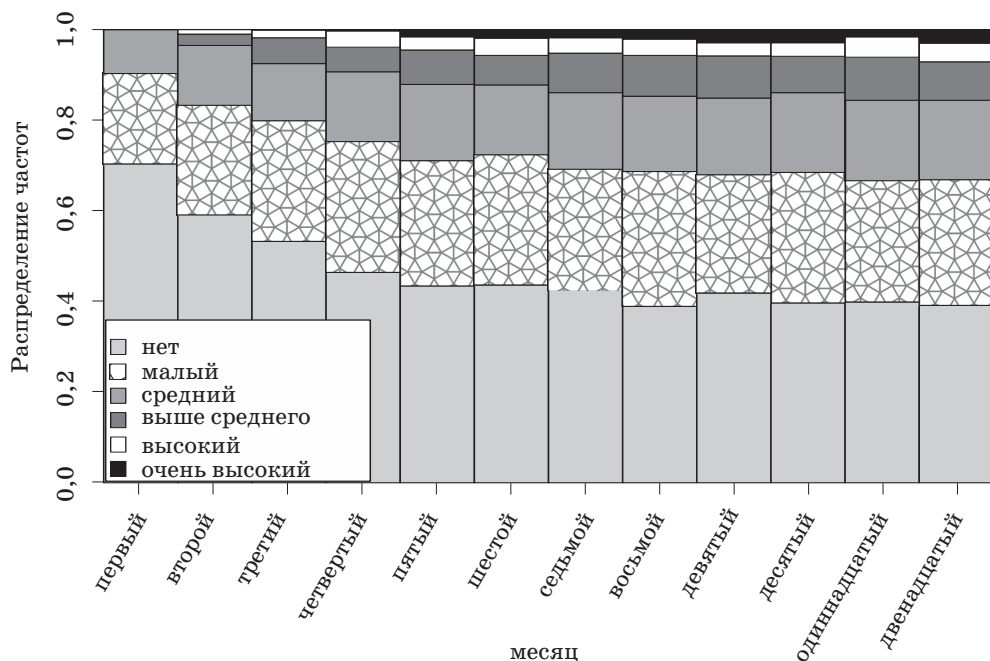

Рис. 3. Распределение частот нахождения проекта в различных состояниях риска для первой дискретной марковской цепи

Fig. 3. Distribution of project frequencies in different risk states for the first discrete Markovian chain

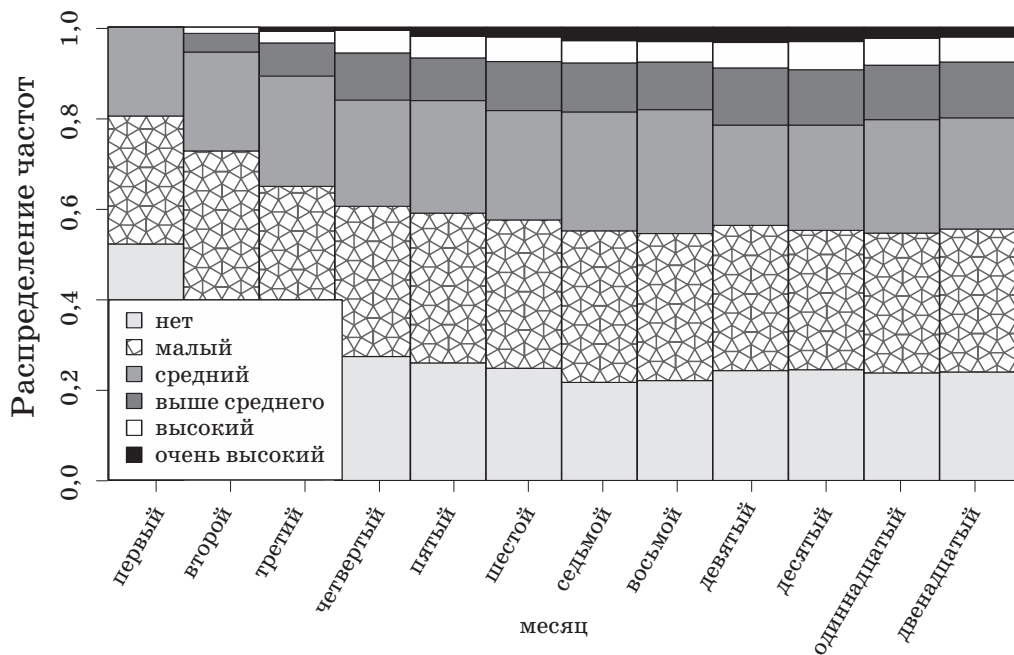

Рис. 4. Распределение частот нахождения проекта в различных состояниях риска для второй дискретной марковской цепи

Fig. 4. Distribution of project frequencies in different risk states for the second discrete Markovian chain

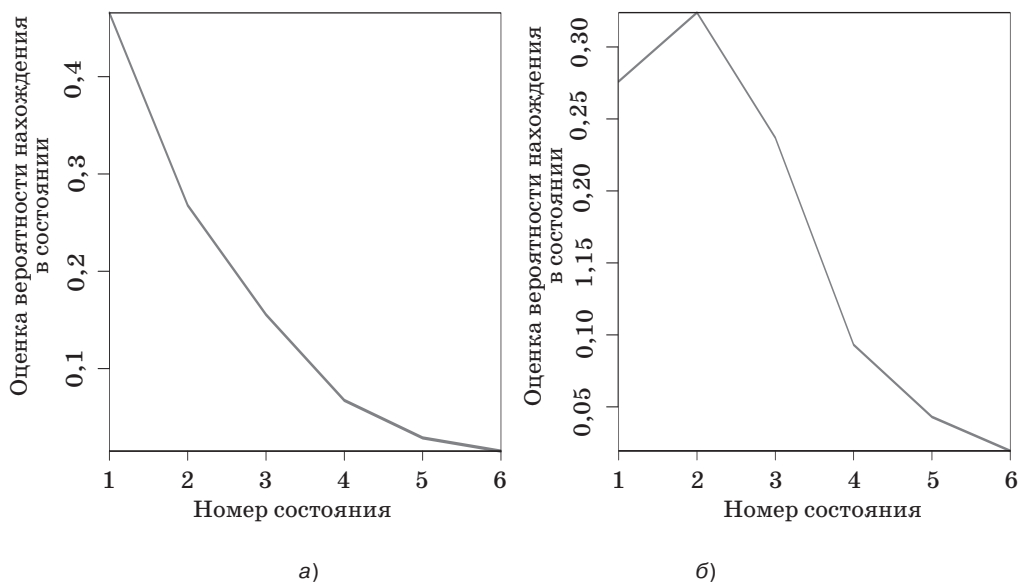

Рис. 5. Диаграммы распределения вероятностей нахождения процесса в различных состояниях риска: а) для первого примера; б) для второго примера

Fig. 5. Diagrams of the probability distribution of finding a process in different risk states: а) for the first example; б) for the second example

бинарный вектор; длина совпадающих частей от начала последовательности; максимальная длина общей подпоследовательности; суммарная «стоимость» преобразования одной последовательности в другую, так называемая метрика Левенштейна [5; 20; 21; 24].

Воспользуемся последней метрикой, которая позволяет построить матрицу расстояний между анализируемыми последовательностями выполняемых проектов, так называемую матрицу оптимального редактирования ОМ (optimal matching distances). На рис. 6, рис. 7 приведены результаты решения задачи кластерного анализа для двух рассматриваемых примеров. Число кластеров было определено с помощью агломеративного метода кластеризации с использованием ОМ-матрицы и метода Уорда.

Столбчатые диаграммы, приведенные на рисунках, показывают распределение наблюдений по среднему числу нахождения процесса в различных состояниях. В табл. 2 приведены частоты попадания анализируемых процессов в различные кластеры.

Первый кластер первого примера характеризуется сравнительно большим числом этапов выполнения проекта, для которых процесс находится в нулевом или первом состоянии. При этом возможны и состояния среднего и высокого рисков. Во второй кластер попадают наблюдения, для которых мода распределения приходится на состояние малого риска. Однако сравнительно большое число этапов характеризуется средним, выше среднего, высоким и очень высоким риском. В третий кластер

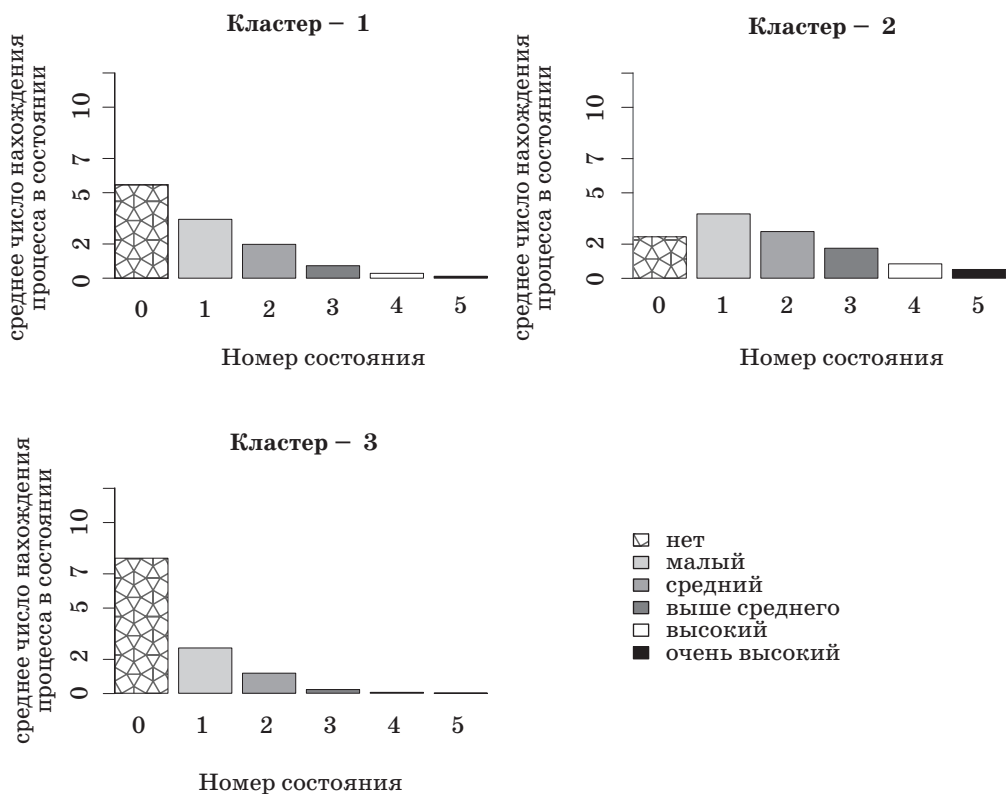

Рис. 6. Кластеризация процессов для первого примера
Fig. 6. Process clustering for the first example

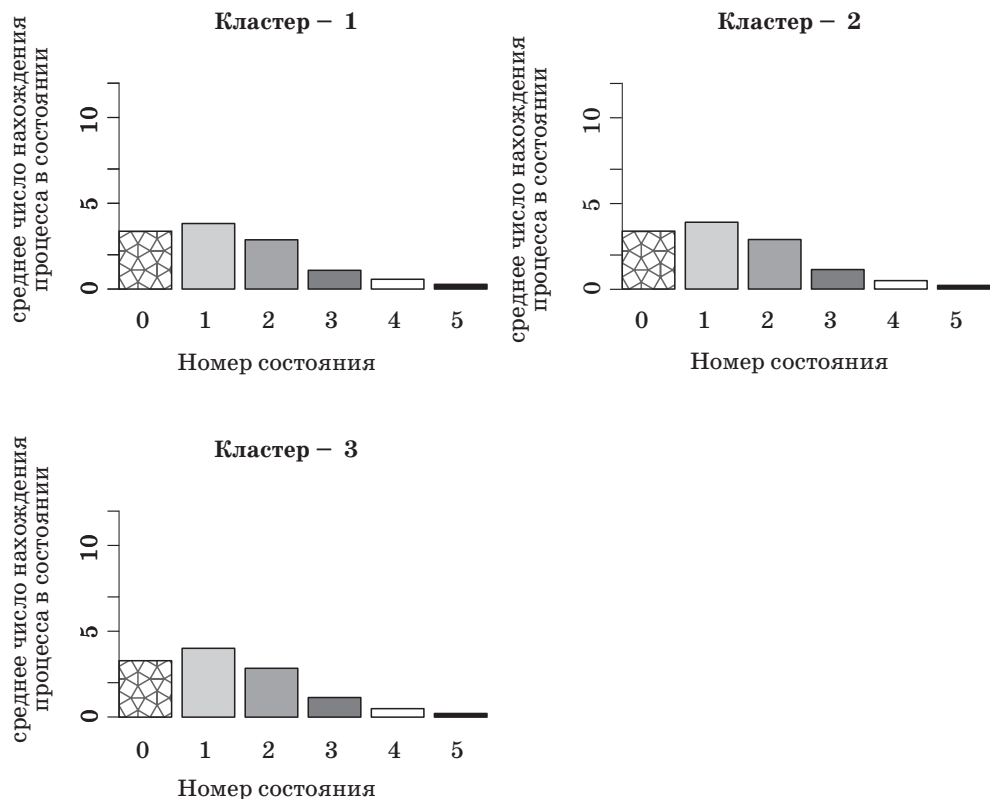

Рис. 7. Кластеризация процессов для второго примера
Fig. 7. Process clustering for the second example

Таблица 2

Распределение наблюдений по кластерам
Table 2. Distribution of observations by clusters

Номер примера	Номер кластера		
	Первый	Второй	Третий
Первый	324	277	398
Второй	258	507	234

попадают наблюдения, для которых состояния высокого риска практически не возникают. Условно первый кластер можно назвать кластером проектов невысокого риска. Второй — кластером рискованных проектов. И, наконец, третий кластер — это безрисковые проекты. Для второго примера ситуация отличается. Все кластеры можно классифицировать как кластеры риска. При этом для третьего кластера модальным является состояние среднего риска. В данный кластер приходится почти треть всех проектов, что в целом соответствует исходным данным для этого примера и заданной матрице переходов случайного процесса за один шаг.

Отметим, что объединение сгенерированных выборок в одну обобщенную позволяет ввести дополнительные признаки, которые можно использовать для реше-

ния других задач аналитики. Введем дополнительный бинарный признак «риск проекта», который будет принимать нулевое значение, что соответствует значению этого признака — «низкий риск» или единичное значение, что будет соответствовать значению признака «средний риск». Аналогично можно сформировать и другие значения признака, перейдя на большое число категорий.

Для сравнительного анализа проектов двух категорий будем использовать энтропию, под которой понимается мера неопределенности, непредсказуемости процесса проектирования

$$H = - \sum_i p_i \log_2(p_i),$$

где p_i — вероятность нахождения в i -м состоянии.

Оценим так называемую горизонтальную энтропию (longitudinal, within-sequence entropy); в этом случае анализируется мера неопределенности каждого процесса.

Формула для оценки энтропии примет вид:

$$H = - \sum_{i=1}^{n=6} p_i \log_2(p_i).$$

На рис. 8 приведены две зависимости энтропии процесса от этапа проектирования.

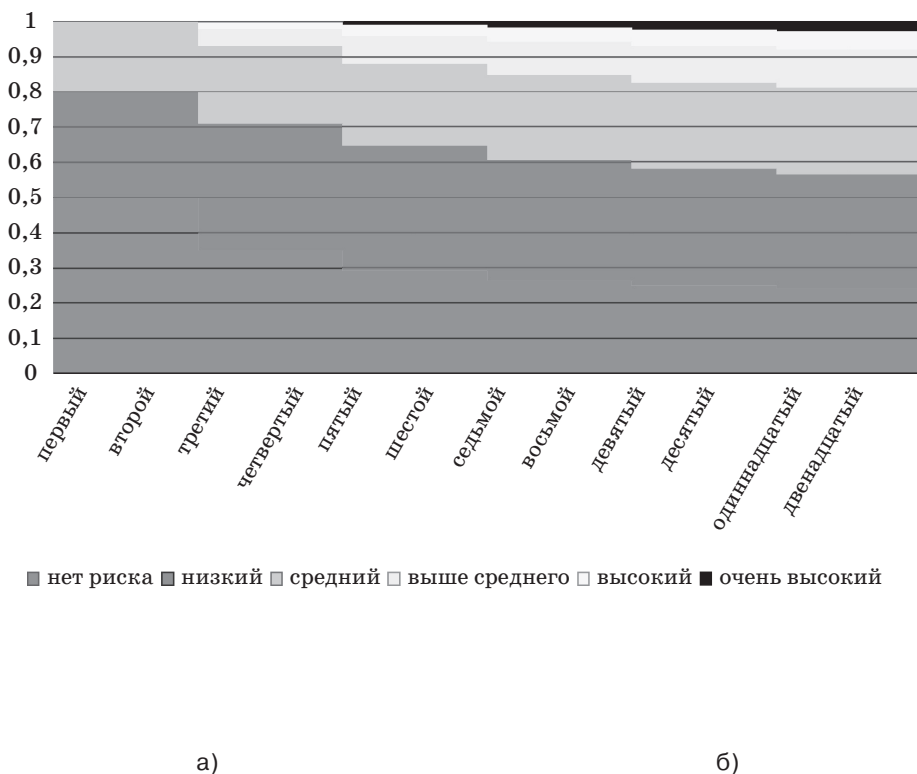

Рис. 8. Зависимость энтропии от этапа проекта: а) первый пример; б) второй пример
Fig. 8. Dependence of entropy on the project stage: a) the first example; b) second example

Приведенные диаграммы показывают, что энтропия, определяющая неопределенность, риск выполнения проекта, растет. При этом степень неопределенности для второго примера выше, чем для первого примера. То есть с увеличением рисков выполнения проекта растет и энтропия. Таким образом, данный показатель может быть использован для оценки рисков проекта.

Решение задачи парного регрессионного анализа позволяет получить статистическую модель:

$$H = 0,57 + 0,08x,$$

где x — показатель сложности проекта.

Однофакторный дисперсионный анализ показывает, что существует значимый эффект показателя сложности на энтропию проекта:

```
> anova(lm(Entropy ~ Сложность, data = dataproj))
Analysis of Variance Table
Response: Entropy
  Df Sum Sq Mean Sq F value Pr(>F)
Сложность 1 3.511 3.5115 112.93 < 2.2e-16 ***
Residuals 1996 62.063 0.0311
---
Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1
```

Наблюдаемое значение критерия Фишера, равное 112,93, определяет очень малое значение уровня значимости p -value данного критерия.

Обсуждение

Результаты выполненного анализа показывают, что ретроспективный анализ результатов выполнения проектов позволяет сделать выводы о проблемах, возникающих при проектировании. Для их решения следует использовать методы машинного обучения, например, методы кластерного анализа. При этом, при решении задачи группирования существует возможность выполнения сравнительного анализа траектории риска для различных значений факторов, определяющий организацию выполнения проекта (например, для разных этапов времени выполнения проекта, для разных проектировщиков, для разных типов выполняемых проектов, для разной технологии проектирования). Получаемая информация позволяет скорректировать опыт проектирования, выбрать более добросовестных проектировщиков, вовремя реагировать на возможные риски с целью управления ими. Данное обстоятельство определяет необходимость не только оперативного управления рисками при выполнении проектами, но и накопления, агрегирования опыта выполнения проекта. Постоянный мониторинг хода и результатов выполнения проектов позволит создать наборы данных менеджмента рисков, и, следовательно, использовать методы машинного управления в риск-менеджменте. Внедрение таких методов позволяет повысить качество управления проектами.

Наличие данных о выполненных проектах позволяет реализовать индуктивный метод оценки рисков проектов, обобщать результаты выполненных проектов, получать новые знания о проектировании информационных проектов. В теоретическом смысле такую задачу можно рассматривать как задачу построения скрытых марковских цепей. В этом случае наблюдаемая случайная последовательность состояния рисков выполнения проекта ведет себя как марковская цепь с неизвестными параметрами. Задача прогнозирования на таких графах может быть рассмотрена как задача идентификации данных параметров.

Выводы

Отметим, что не только проектное управление является средой исследования и использования случайных последовательностей событий. Такие последовательности целесообразно использовать и при исследовании других случайных процессов, число состояний которых конечно, а время может быть представлено дискретной последовательностью. В том случае, если ее фрагменты можно рассматривать как логические ассоциации, возможно формирование логических последовательностей, позволяющих прогнозировать будущие состояния анализируемого процесса.

Литература

1. *Бирюкова С.* Анализ последовательностей в R: TraMineR [Электронный ресурс]. М. : НИУ ВШЭ, 2014. URL: <https://www.hse.ru> (дата обращения: 02.01.2021).
2. *Горбач А. Н., Цейтлин Н. А.* Покупательское поведение: анализ спонтанных последовательностей и регрессионных моделей в маркетинговых исследованиях. Киев : Освіта України, 2011. 220 с.
3. *Каталевский Д. Ю.* Основы имитационного моделирования и системного анализа в управлении : учеб. пособие. М. : Изд-во Московского университета, 2011.
4. *Кучеренко Д. В., Матвеев А. В.* Анализ структуры проектных организаций государственных информационных систем органов исполнительной власти Санкт-Петербурга // Материалы II международной научно-практической конференции «Актуальные теоретические и прикладные вопросы управления социально-экономическими системами». Москва, 10–11 декабря 2020. М. : Институт развития дополнительного профессионального образования, 2020. С. 270–274.
5. *Левенштейн В. И.* Двоичные коды с исправлением выпадений, вставок и замещений символов // Доклады Академии наук СССР. 1965. № 4. С. 845–848.
6. *Мастицкий С. Э., Шитиков В. К.* Классификация, регрессия и другие алгоритмы Data Mining с использованием R [Электронный ресурс]. URL <https://github.com/ranalytics/data-mining> (дата обращения: 02.01.2021).
7. *Наумов В. Н., Кучеренко Д. В.* Планирование трудозатрат на создание и развитие государственных информационных систем и их функциональных программных комплексов // Управленческое консультирование. 2017. № 6. С. 140–154.
8. *Наумов В. Н., Наумов П. В.* Прогнозирование рисков проектирования информационных систем // Автоматизация процессов управления. 2019. № 4. С. 34–44.
9. *Павлов А. Н.* Эффективное управление проектами на основе стандарта PMI PMBOK 6 Edition. М. : Лаборатория знаний, 2019.
10. *Форрестер Дж.* Мировая динамика. СПб. : Terra Fantastica, 2003.
11. *Форрестер Дж.* Основы кибернетики предприятия (индустриальная динамика). М. : Прогресс, 1971.
12. *РМБОК.* Руководство к Своду знаний по управлению проектами. 6-е изд. М. : Олимп-бизнес, 2016.
13. *Buettner D.* Dynamic COQUALMO: Defect profiling over development cycles [Электронный ресурс] // Conference: Proceedings of the International Conference on Software Process: Trustworthy Software Development Processes. URL: https://www.researchgate.net/publication/225240099_Dynamic_COQUALMO_Defect_profiling_over_development_cycles/ (дата обращения: 07.01.2021).
14. *Chulani S., Boehm D.* Modeling Software Defect Introduction and Removal: COQUALMO (COConstructive QUALity Model) [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/228778578_Modeling_software_defect_introduction_and_roval_COQUALMO_COConstructive_QUALity_MODEL/ (дата обращения: 06.01.2021).
15. *Gabardin A., Ritschard G., Studer M., Müller N. S.* Mining Sequence Data in R with the TraMineR package: A user's guide. Department of Econometrics and Laboratory of Demography, University of Geneva [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/342889620_Mining_sequence_data_in_R_with_the_TraMineR_package_A_user's_guide/ (дата обращения: 5.01.2021).
16. *Gabardin A., Ritschard G., Müller N. S., Studer M.* Analyzing and Visualizing State Sequences in R with TraMineR [Электронный ресурс] // Journal of Statistical Software 2011. № 40 (4). P. 1–37.

17. Mayer D. The Complexity of Some Problems on Subsequences and Super sequences // Journal of the ACM. Vol. 25, Iss. 2. April 1978. P. 322–336.
18. *Sequence Analysis in Demographic Research* Special Issue on Longitudinal Methodology [Электронный ресурс] // Canadian Studies in Population. 2001. Vol. 28(2). P. 439–458.
19. *Software Project Risk Assessment and Efforts Contingency Model based on COCOMO Cost Factor COCOMO*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/236679817> (дата обращения: 28.09.2019).
20. Studer M., Ritschard G. A Comparative Review of Sequence Dissimilarity Measures [Электронный ресурс] // LIVES Working Papers, 33. NCCR LIVES, Switzerland, 2014. URL: https://www.lives-nccr.ch/sites/default/files/pdf/publication/33_lives_wp_studer_sequencedissmeasures.pdf (дата обращения: 03.01.2020).
21. Studer M., Ritschard G. What matters in differences between life trajectories: A comparative review of sequence dissimilarity measures // Journal of the Royal Statistical Society, Series A. 2016. Vol. 179, Iss. 2. P. 481–511.
22. Valerdi R., Boehm Barry W. COSYSMO: A system engineering cost model [Электронный ресурс]. URL: <http://csse.usc.edu/TECHRPTS/2010/usc-csse-2010-508/usc-csse-2010-508.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).
23. Valerdi R., John E. Gaffney Jr. Reducing Risk and Uncertainty in COSYSMO Size and Cost Drivers: Some Techniques for Enhancing Accuracy. 2007. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/229034929_Reducing_Risk_and_Uncertainty_in_COSYSMO_Size_and_Cost_Drivers_Some_Techniques_for_Enhancing_Accuracy (дата обращения: 28.09.2019).
24. Wagner R. A., Fischer M. J. The string-to-string correction problem // Journal of the ACM. 1974. Vol. 21, Iss. 1. P. 168–173.

Об авторах:

Наумов Павел Владимирович, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); naumov122@gmail.com

References

1. Biryukova S. Sequence analysis in R: TraMineR [Electronic resource]. M.: HSE, 2014. URL: <https://www.hse.ru> (access date: 02.01.2021). (In Rus).
2. Gorbach A. N., Zeitlin N. A. Purchasing behavior: analysis of spontaneous sequences and regression models in marketing research. Kiev: Education of Ukraine, 2011. 220 p. (In Rus).
3. Katalovsky D. Yu. Fundamentals of simulation modeling and system analysis in management: tutorial. M.: Publishing House of Moscow University, 2011. (In Rus).
4. Kucherenko D. V., Matveev A. V. Analysis of the structure of design organizations of state information systems of executive authorities of St. Petersburg // Materials of the II International Scientific and Practical Conference «Topical Theoretical and Applied Issues of Management of Socio-Economic Systems». Moscow, December 10-11, 2020. M.: Institute for the Development of Vocational Education, 2020. P. 270–274. (In Rus).
5. Levenstein V. I. Binary codes with correction of fallout, insertions and substitutions of symbols // Reports of Academy of Sciences of the USSR [Doklady Akademii Nauk SSSR]. 1965. N 4. P. 845–848. (In Rus).
6. Mastitsky S. E., Shitikov V. K. Classification, regression and other Data Mining algorithms using R [Electronic resource]. URL <https://github.com/ranalytics/data-mining> (access date: 02.01.2021). (In Rus).
7. Naumov V. N., Kucherenko D. V. Planning labor costs for the creation and development of state information systems and their functional software complexes // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 6. P. 140–154. (In Rus).
8. Naumov V. N., Naumov P. V. Forecasting risks of information systems design // Automation of management processes [Avtomatizatsiya protsessov upravleniya]. 2019. N 4. P. 34–44. (In Rus).
9. Pavlov A. N. Effective project management based on the PMI PMBOK 6 Edition standard. M.: Knowledge Laboratory, 2019. (In Rus).
10. Forrester J. World dynamics. St. Petersburg: Terra Fantastica, 2003. (In Rus).
11. Forrester J. Fundamentals of cybernetics enterprise (industrial dynamics). M.: Progress, 1971. (In Rus).
12. PMBOK. Guide to Project Management Knowledge. 6th ed. M.: Olympus business, 2016. (In Rus).

13. Buettner D. Dynamic COQUALMO: Defect profiling over development cycles [Electronic resource] // Conference: Proceedings of the International Conference on Software Process: Trustworthy Software Development Processes. URL: https://www.researchgate.net/publication/225240099_Dynamic_COQUALMO_Defect_profiling_over_development_cycles/ (дата обращения: 07.01.2021).
14. Chulani S., Boehm D. Modeling Software Defect Introduction and Removal: COQUALMO (CONstructive QUALity Model) [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/228778578_Modeling_software_defect_introduction_and_removal_COQUALMO_CONstructive_QUALity_Model/ (дата обращения: 06.01.2021).
15. Gabadinho A., Ritschard G., Studer M., Müller N. S. Mining Sequence Data in R with the TraMineR package: A user's guide. Department of Econometrics and Laboratory of Demography, University of Geneva [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/342889620_Mining_sequence_data_in_R_with_the_TraMineR_package_A_user's_guide/ (дата обращения: 5.01.2021).
16. Gabadinho A., Ritschard G., Müller N. S., Studer M. Analyzing and Visualizing State Sequences in R with TraMineR [Electronic resource] // Journal of Statistical Software 2011. № 40 (4). P. 1–37.
17. Mayer D. The Complexity of Some Problems on Subsequences and Super sequences // Journal of the ACM. Vol. 25, Iss. 2. April 1978. P. 322–336.
18. Sequence Analysis in Demographic Research Special Issue on Longitudinal Methodology [Electronic resource] // Canadian Studies in Population. 2001. Vol. 28(2). P. 439–458.
19. Software Project Risk Assessment and Efforts Contingency Model based on COCOMO Cost Factor COCOMO. [Electronic resource]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/236679817> (дата обращения: 28.09.2019).
20. Studer M., Ritschard G. A Comparative Review of Sequence Dissimilarity Measures [Electronic resource] // LIVES Working Papers, 33. NCCR LIVES, Switzerland, 2014. URL: https://www.lives-nccr.ch/sites/default/files/pdf/publication/33_lives_wp_studer_sequencedissmeasures.pdf (дата обращения: 03.01.2020).
21. Studer M., Ritschard G. What matters in differences between life trajectories: A comparative review of sequence dissimilarity measures // Journal of the Royal Statistical Society, Series A. 2016. Vol. 179, Iss. 2. P. 481–511.
22. Valerdi R., Boehm Barry W. COSYSMO: A system engineering cost model [Electronic resource]. URL: <http://csse.usc.edu/TECHRPTS/2010/usc-csse-2010-508/usc-csse-2010-508.pdf> (дата обращения: 20.09.2019).
23. Valerdi R., John E. Gaffney Jr. Reducing Risk and Uncertainty in COSYSMO Size and Cost Drivers: Some Techniques for Enhancing Accuracy. 2007. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/229034929_Reducing_Risk_and_Uncertainty_in_COSYSMO_Size_and_Cost_Drivers_Some_Techniques_for_Enhancing_Accuracy (дата обращения: 28.09.2019).
24. Wagner R. A., Fischer M. J. The string-to-string correction problem // Journal of the ACM. 1974. Vol. 21. Iss. 1. P. 168–173.

About the author:

Pavel V. Naumov, Postgraduate Student of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); naumov122@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указываются город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферата* (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферате* обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названии статьи.

Введение (*Introduction*)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д., а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (*Discussion*)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2021. № 4(148)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 01.04.2021.

Подписано к печати 15.04.2021.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 14,35. Тираж 200 экз.

Заказ № 4/21.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97